

**Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования**

«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

ШАРИФ ЛИНН

**Трансформация нефтегазового рынка ЕС: риски и перспективы для
арабских поставщиков**

Специальность: 5.2.5 – Мировая экономика

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени

кандидата экономических наук

Научный руководитель:
кандидат экономических наук,
доцент кафедры МЭО РУДН
Симонов Александр Геннадьевич

Москва – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ НЕФТЕГАЗОВОГО РЫНКА ЕС В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО КРИЗИСА.....	12
1.1 Теоретические подходы к изучению нефтегазового рынка ЕС	12
1.2 Трансформация стратегии ЕС в XX–XXI вв.: изменение подходов к обеспечению энергетической безопасности	33
1.3 Причины и развитие энергетического кризиса в ЕС (2021–2022 гг.).....	45
ГЛАВА 2. ОСОБЕННОСТИ УЧАСТИЯ И РОЛЬ ПОСТАВЩИКОВ АРАБСКОГО РЕГИОНА НА НЕФТЕГАЗОВОМ РЫНКЕ ЕС.....	71
2.1 Основные арабские поставщики энергоресурсов на мировом нефтегазовом рынке и их опыт поставок в ЕС (2019–2024 гг.).....	71
2.2 Совместные арабо-европейские проекты и их контрактная структура	84
2.3 SWOT-анализ ключевых арабских поставщиков энергоресурсов на рынке ЕС.....	100
ГЛАВА 3. ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ ЕС И АРАБСКИМИ ЭКСПОРТЕРАМИ ЭНЕРГОРЕСУРСОВ.....	116
3.1 Возможности и ограничения энергетического сотрудничества ЕС с ключевыми арабскими экспортерами нефти и газа	116
3.2 Геоэкономическая конкуренция: стратегические ниши арабских поставщиков в условиях диверсификации поставок.....	129
3.3. Сценарии трансформации энергетического рынка ЕС и перспективы арабских поставщиков энергоносителей	140
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	159
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	163
ПРИЛОЖЕНИЕ 1	181
ПРИЛОЖЕНИЕ 2	182
ПРИЛОЖЕНИЕ 3	183

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования обусловлена необходимостью понимания принципиальных изменений на европейском нефтегазовом рынке, связанных с введением санкций против России и проводимой энергетической политикой ЕС. Изучение этого вопроса позволяет выявить новые возможности и риски для ключевых арабских поставщиков на нефтегазовом рынке ЕС (Алжира, Ливии, Катара, Кувейта, ОАЭ, КСА), стремящихся заместить российские поставки ископаемого топлива, а также выстроить собственную долгосрочную стратегию сотрудничества с ЕС в энергетической сфере. Эта тема приобретает особую значимость в свете попыток представителей истеблишмента ЕС принять меры по снижению негативных экономических последствий, вызванных ограничением импорта российских энергоресурсов.

Европейская комиссия совместно с Советом ЕС сделала акцент на развитии партнерства со странами Ближнего Востока и Северной Африки, отметив необходимость расширения взаимодействия. Также была представлена программа REPowerEU, нацеленная на ускоренный переход к возобновляемым источникам энергии и уменьшение зависимости от российских энергоресурсов. План Европейской комиссии по отказу от потребления российского ископаемого топлива до 2030 г. был представлен 18 мая 2022 г.

ЕС относительно медленно развивает связи с арабскими государствами из-за приоритетной ориентации на альтернативные источники энергии. При этом страны Ближнего Востока и Северной Африки, позиционирующие себя в качестве надежных партнеров в энергетической сфере, сталкиваются с рядом вызовов в рамках подобного сотрудничества. С одной стороны, снижение закупок российских углеводородов создает благоприятные рыночные возможности в краткосрочной перспективе; с другой стороны, продолжение политики ЕС по увеличению доли возобновляемых источников энергии в энергетическом балансе и нежелание заключать долгосрочные контракты на поставку увеличивают риски и неопределенность такого

взаимодействия. Ситуация для арабских поставщиков осложняется конкурентным давлением со стороны США и Норвегии, также нацеленных на увеличение своего присутствия на нефтегазовом рынке ЕС. Вместе с тем сотрудничество рассматриваемых арабских государств с Россией в рамках группы ОПЕК+ предоставляет им некоторое пространство для глобального рыночного маневрирования.

Степень научной разработанности. Состояние рынка энергоносителей ЕС и стран Персидского залива на современном этапе рассматривают такие российские ученые, как Бажан А.И., Бахтин И.Д., Белов В.Б., Богатырев С.И., Боровский Ю.В., Борталевич С.И., Зоидов Х.К., Клименко Д.В., Кравченко Ю.Б., Навой А.В., Пищик В.Я., Рогинко С.А., Фазельянов Э.М., Циренщиков В.С. и др.

Проблемы поставок российских энергоносителей в страны ЕС исследуют Белогорьев А.М., Бойко А.А., Бушуев В.В., Гречко А.Г., Израилова Э.А., Кадыргулов Р.С., Караманов А.Р., Митрахович С.П., Мигранян А.А., Перов А.В., Салихов М.Р., Сафонов В.С., Юшков И.В. и др. Адаптацию России в условиях санкций и стабилизацию российского сектора энергоресурсов рассматривают Вышегородцев Д.Д., Кришталь И.С., Симонов А.Г., Шошин С.Н. и др.

Среди зарубежных исследователей, которые разработали теоретическую базу для исследования энергетических систем, а также внесли значительный вклад в анализ энергетического рынка ЕС, следует отметить таких авторов, как Бальтеншпергер Т., Джуэлл Д., Касадо Руис В., Крютли П., Леонард М., Лигерос Дж., Пизани-Ферри Ж., Рикардо Д., Роман-Коядо Р., Смит А., Тальяпиетра С., Фюкслин Р., Хекшер Э., Черп А., Шапиро Дж. и др.

Исследования, связанные с ролью арабских государств как альтернативных поставщиков на нефтегазовый рынок ЕС, начали активно проводиться только в последние годы. В этой связи требуется более глубокое понимание экономических, политических и технологических вызовов, с которыми могут столкнуться арабские страны при развитии энергетического сотрудничества.

Таким образом, несмотря на наличие значительного количества исследований по отдельным аспектам участия арабских поставщиков на нефтегазовом рынке ЕС, комплексное исследование, охватывающее все стороны этой проблемы, остается весьма актуальным. Данная диссертационная работа призвана внести вклад в заполнение этого пробела.

Объектом исследования является нефтегазовый рынок ЕС.

Предметом исследования являются перспективы и риски арабских поставщиков на нефтегазовом рынке ЕС, вызванные его трансформацией.

Область научных исследований соответствует требованиям следующих пунктов паспорта Высшей аттестационной комиссии по специальности 5.2.5 – Мировая экономика: п. 13 «Стратегии участия региональных и корпоративных структур в международном экономическом взаимодействии (глобальный, региональный и национальный аспекты)» и п. 20 «Экономика зарубежных стран и регионов (экономическое страноведение и регионоведение). Сравнительные исследования национальных экономик в системе мирохозяйственных связей».

Целью диссертационного исследования является выявление рисков, проблем и перспектив деятельности арабских поставщиков на нефтегазовом рынке ЕС в условиях его трансформации после энергетического кризиса 2021–2022 гг., а также разработка дифференцированных стратегий их взаимодействия с Европейским союзом с учетом экспортной специализации стран, региональных приоритетов и параметров энергетической политики ЕС.

Для достижения этой цели были поставлены следующие **задачи**:

1. Определить применимые теоретические подходы к трансформации нефтегазового рынка ЕС и концепции энергетической безопасности в контексте изменения структуры поставок и диверсификации внешних источников энергоресурсов;

2. Исследовать трансформацию энергетической стратегии Европейского союза в XX–XXI вв. и оценить последствия реализуемых мер по снижению

зависимости от российских энергоресурсов, в том числе через диверсификацию поставщиков и развитие возобновляемых источников энергии;

3. Выявить причины и особенности энергетического кризиса 2021–2022 гг. в ЕС и провести оценку роли ключевых поставщиков, включая арабские страны, в период данного кризиса;

4. Провести SWOT-анализ ключевых арабских поставщиков и оценить их роль как альтернативных экспортеров на нефтегазовом рынке ЕС, определив потенциал наращивания их присутствия с учетом институциональных условий и совместных энергетических проектов;

5. Выявить риски и перспективы развития энергетического сотрудничества между ЕС и арабскими странами в условиях трансформации нефтегазового рынка ЕС, обусловленной декарбонизацией, диверсификацией поставок и изменениями геоэкономической конфигурации;

6. Оценить потенциал арабских экспортеров по наращиванию поставок нефти и газа в Европейский союз и определить перспективные рыночные ниши и географию их присутствия;

7. Разработать практические рекомендации для арабских стран на основе сценарного анализа развития нефтегазового рынка ЕС.

Теоретической базой диссертационного исследования послужили теория сравнительных преимуществ, теория энергетической безопасности, а также институциональный подход, применяемые для оценки трансформации энергетической стратегии ЕС и перспектив арабских экспортеров углеводородов.

Методологическая основа исследования включает историко-аналитический и эволюционно-исторический методы, применяемые для изучения трансформации энергетической стратегии Европейского союза; методы анализа и синтеза при исследовании теоретических подходов к развитию нефтегазового рынка; методы систематизации и сравнения для оценки внешнеэкономической политики ЕС и арабских стран в сфере энергетики; сценарный анализ — для определения возможных

траекторий сотрудничества между ЕС и ключевыми арабскими экспортерами углеводородов; а также метод экспертной оценки при интерпретации данных о конкурентных стратегиях и перспективах взаимодействия на энергетическом рынке.

Информационно-статистическая база диссертационного исследования состоит из данных статистических порталов Европейской комиссии, Евростата и Международного энергетического агентства (МЭА); данных Центра международной торговли (International Trade Centre); аналитических и обзорных материалов Европейского союза и международных энергетических организаций. Широко использованы официальные ресурсы правительств стран — ключевых экспортеров углеводородов (Алжир, Катар, Кувейт, Ливия, ОАЭ, КСА), отчеты ОПЕК и информационные материалы ведущих исследовательских центров по вопросам энергетики и внешнеэкономической политики.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что на основе комплексного анализа проводимой в ЕС энергетической политики определены вероятные направления развития нефтегазового рынка данного интеграционного объединения, а также выявлены особенности и потенциальные направления энергетического сотрудничества арабских поставщиков с европейскими покупателями, охватывающие риски, ограничения и перспективы их участия в формирующейся системе импорта энергоносителей в ЕС. Проведена классификация ограничивающих и стимулирующих факторов, влияющих на потенциал арабских стран по наращиванию присутствия на рынке ЕС. Разработаны сценарии дальнейшей трансформации европейского нефтегазового рынка и дана оценка их возможного влияния на перспективы арабо-европейского энергетического сотрудничества. Предложены научно обоснованные рекомендации для арабских экспортеров по развитию энергетического сотрудничества с ЕС в рамках реализации рассматриваемых сценариев.

Основные положения, выносимые на защиту и содержащие элементы научной новизны:

1. **Уточнены** теоретические подходы к трансформации нефтегазового рынка ЕС, **показано** наличие объективных экономических ограничений диверсификации (технико-экономические параметры ВИЭ, ограниченность возможностей альтернативных поставщиков, конъюнктура мирового рынка), которые должны учитываться при концептуальном планировании энергетики ЕС. **Выявлены** структурные уязвимости системы энергетической безопасности ЕС (отсутствие комплекса мер по сглаживанию эндогенной волатильности и плана диверсификации поставщиков). **Обоснована** необходимость корректировки методов оценки энергетической безопасности с учетом риска дефицита энергии на переходном этапе трансформации нефтегазового рынка.

2. На основе исследования трансформации энергетической стратегии ЕС **определены** количественные и структурные изменения импорта нефти и газа: физические объемы поставок сокращались, тогда как в стоимостном выражении наблюдался рост; происходили сдвиг географии поставок и увеличение доли морских поставок, лишь частично заменивших трубопроводный импорт российских энергоносителей. **Установлены** ключевые особенности политики диверсификации и ее последствия для нефтегазового рынка ЕС. **Показано**, что на фоне роста импорта из США, Норвегии и арабских стран энергетическая зависимость от традиционных ресурсов и внешних источников в условиях кризиса 2021–2022 гг. оставалась высокой, а структура поставок — уязвимой к экзогенным шокам, которые трудно предсказать и нейтрализовать в рамках действующей энергетической политики ЕС.

3. **Выявлены** особенности и основные причины энергетического кризиса 2021–2022 гг., связанные с резким сокращением российских поставок, инфраструктурными ограничениями и высокой ценой мер, направленных на диверсификацию первичных энергоносителей и их поставщиков. **Отмечено** увеличение поставок из ключевых арабских стран (Алжира, Катар, КСА и ОАЭ) в период энергетического кризиса. **Показано**, что их экспансия на рынке ЕС сопровождалась усилением позиций других крупных поставщиков, прежде всего

Норвегии и США, а также сохранением присутствия России в отдельных странах Восточной Европы и в сегменте морских поставок. **Доказано**, что в новых условиях основными конкурентными преимуществами поставщиков на рынке ЕС становятся способность осуществлять гибкие (по срокам и объемам) поставки, что должно обеспечиваться транспортно-логистическими, в том числе инфраструктурными, возможностями, а также декларативное следование политической и экологической повестке ЕС.

4. На основании комплексной оценки и проведенного SWOT-анализа **установлено**, что, несмотря на наличие значительных природных ресурсов и инфраструктурного потенциала, арабские поставщики сталкиваются с множеством барьеров для наращивания присутствия на нефтегазовом рынке ЕС; **предложена** авторская классификация этих барьеров, выделяющая следующие группы: политико-экономические (навязывание политических и социальных стандартов, а также моделей организации национальных энергетических рынков), институциональные (особенности организации рынка ЕС и требования по переходу к новым моделям закупки у внешних источников) и логистические (недостаток мощностей сжижения и регазификации, ограниченность транспортного флота, а также трубопроводной инфраструктуры для поставки к СПГ-терминалам и от них). **Выявлено** расширяющееся взаимодействие арабских поставщиков с ЕС через СПГ-проекты, долгосрочные контракты и совместные низкоуглеродные инициативы. **Доказано**, что заявляемые экологические стандарты ЕС и максимально возможный отказ от углеводородных энергоресурсов в перспективе могут ограничить конкурентоспособность арабских поставщиков.

5. **Показано**, что в краткосрочной перспективе арабские поставщики способны нарастить экспорт и укрепить позиции на европейском рынке, однако в долгосрочной перспективе они столкнутся с рисками снижения спроса, ужесточением экологических требований, усилением конкуренции, а также политико-институциональной нестабильностью в отдельных странах региона (в частности, в

Ливии), что ограничивает устойчивость их присутствия на рынке ЕС. **Установлено**, что будущее взаимодействие ЕС с арабскими поставщиками во многом определяется реализацией программ энергетического перехода ЕС (включая инициативу REPowerEU), динамикой его климатической политики и изменением отношений с Россией.

6. **Установлено**, что перспективы арабских стран по укреплению своих позиций значительно выше в странах Западной Европы — Германии, Италии, Франции и Испании, куда в настоящее время направляются основные поставки и где реализуются совместные проекты, а также развиваются институциональные формы сотрудничества. В то же время роль арабских поставщиков в некоторых странах Центральной и Восточной Европы остается ограниченной, при этом существует риск дальнейшей утраты этих рыночных ниш, в том числе в силу существенно более низких (в сравнении со странами Западной Европы) возможностей по сопряжению энергетической политики и выстраиванию конкурентоспособных транспортно-логистических цепочек.

7. **Разработаны** научно-практические рекомендации для арабских экспортеров по расширению энергетического сотрудничества с Европейским союзом в условиях энергетического перехода ЕС. В частности, предложен поэтапный подход, включающий: (1) формирование единой аналитической базы оценки экспортного потенциала арабских стран с учетом требований углеродного регулирования ЕС; (2) разработку и реализацию совместных проектов в сфере СПГ, зеленого водорода и транспортной инфраструктуры для укрепления долгосрочных связей; (3) институционализацию взаимодействия через устойчивые межрегиональные форматы диалога, направленные на координацию экспортной стратегии в условиях снижения доли ископаемого топлива в энергобалансе ЕС.

Теоретическая значимость данной диссертации проявляется в разработке и обосновании методов анализа возможностей и рисков, связанных с участием арабских стран в качестве поставщиков энергоресурсов в ЕС, а также в изучении особенностей

трансформации энергетики и нефтегазового рынка под влиянием политики, проводимой в рамках интеграционного объединения.

Практическая значимость заключается в возможности применения полученных выводов арабскими поставщиками на нефтегазовом рынке ЕС, а также российскими компаниями для адаптации своих стратегий участия к изменяющимся условиям глобальной конкурентной среды. Кроме того, материалы диссертационного исследования могут быть использованы в ходе преподавания таких дисциплин, как «Мировая экономика», «Международные экономические отношения» и «Энергетическая безопасность».

Апробация результатов исследования. Материалы диссертационного исследования были представлены на следующих международных научных мероприятиях: IV Международной научно-практической конференции «Евразийские интеграционные проекты: состояние и перспективы» (Москва, 2022); Форуме «Глобальный энергетический диалог» ИМЭМО РАН, семинаре «Нефтегазовая политика Ближнего Востока» (Москва, 2022); XXV Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы глобальной экономики» (Москва, 2022); Форуме «Глобальный энергетический диалог» ИМЭМО РАН, семинаре «Перспективы освоения нефтегазовых запасов российской Арктики» (Москва, 2023); XXVI Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы глобальной экономики» (Москва, 2024).

Публикации по теме исследования. Основные результаты, выводы и рекомендации диссертационного исследования отражены в 3 научных статьях, общим объемом 1,75 п.л., опубликованных в изданиях из Перечня ВАК РФ, две из которых категории К1/К2. Авторский вклад составляет 81%.

Объем и структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и трех приложений. Полный объем диссертации составляет 183 страницы, включая 15 рисунков и 36 таблиц. Список литературы содержит 154 наименования.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ НЕФТЕГАЗОВОГО РЫНКА ЕС В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО КРИЗИСА

1.1 Теоретические подходы к изучению нефтегазового рынка ЕС

Развитие внешнеэкономических связей Европейского союза в сфере энергоресурсов на протяжении последних десятилетий неизбежно ставит вопрос об экономической целесообразности импорта нефти и газа, несмотря на наличие определенных внутренних возможностей их добычи и переработки. Ответ на данный вопрос в рамках экономической науки может быть получен при опоре на классическую теорию сравнительных преимуществ, предложенную Д. Рикардо, а также ее последующее развитие в трудах Э. Хекшера и Б. Олина.

Понятие сравнительных преимуществ приобрело центральное значение в теории международной торговли начиная с первой четверти XIX в. Сформулированная Рикардо¹ теория исходила из предпосылки, что даже при отсутствии абсолютных преимуществ страна может получать выгоды от внешней торговли, специализируясь на производстве тех товаров, по которым она имеет наименьшие альтернативные издержки. Эта модель легла в основу классической школы политической экономии, обеспечив теоретическую базу для либерализации торговых режимов и глобального разделения труда.

Развитие идей Рикардо получило продолжение в работах Э. Хекшера² и Б. Олина³, которые акцентировали внимание на факторной обеспеченности стран как ключевом источнике сравнительных преимуществ. Согласно их модели, каждая страна экспортирует те товары, производство которых требует интенсивного использования относительно избыточных факторов. Это означает, что сравнительные

¹ Ricardo D. On the Principles of Political Economy and Taxation. London: John Murray, 1817. 584 p.

² Heckscher E. *Mercantilism*. Translated from Swedish by Mendel Shapiro. London: George Allen & Unwin Ltd., 1935. Vol. I. 472 p.; Vol. II. 419 p.

³ Ohlin B. *Interregional and International Trade*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1933. 546 p.

преимущества формируются под влиянием структуры ресурсов и капитала, что особенно актуально для развитых интеграционных объединений, таких как Европейский союз (далее – ЕС).

Согласно классической трактовке, страны должны специализироваться на производстве и экспорте тех товаров, по которым они имеют наименьшие альтернативные издержки, и, соответственно, импортировать те товары, производство которых для них менее эффективно. В энергетическом контексте это означает, что странам ЕС, обладающим ограниченными природными ресурсами и высоким уровнем издержек добычи нефти и газа, экономически выгоднее импортировать данные ресурсы, чем добиваться полного самообеспечения. Именно на этом фундаменте выстраивается энергетическая взаимозависимость между ЕС и поставщиками из таких стран, как Россия, США и государства арабского региона.

В этой связи в исследовании И. Константакопулу и М. Ционаса⁴, выполненном на основе панельного анализа стран еврозоны за 1995–2016 гг., отмечается, что экспортная специализация большинства государств-членов ЕС формируется именно под влиянием сравнительных преимуществ. Основными детерминантами при этом выступают производительность и факторная обеспеченность, включая ресурсы, человеческий капитал и технологии.

В общей торговой политике ЕС эта логика прослеживается через нормы Единого европейского акта⁵, положения Договора о функционировании Европейского союза⁶ и правила, которые регулируют энергетическую торговлю с третьими странами⁷.

⁴Konstantakopoulou I., Tsionas M.G. Comparative advantage and export dynamics: Evidence from the eurozone // *Economic Modelling*. 2019. Vol. 76. P. 260–269.

⁵ Принципы Единого европейского акта – правовая основа создания внутреннего рынка ЕС, закрепляющая свободу передвижения товаров, услуг, капитала и рабочей силы.

⁶ Договор о функционировании ЕС (TFEU) – основной документ ЕС, регулирующий внутреннюю и внешнюю торговую политику, включая энергетику (ст. 194, 206–207).

⁷ Нормативная база энергетической торговли с третьими странами – совокупность соглашений, директив и регламентов ЕС, определяющих правила импорта и сотрудничества в сфере энергетики.

Речь идет о тарифных и нетарифных соглашениях, поддержке экспорта и развитии внешних инвестиций. Для государств ЕС, не имеющих крупных запасов углеводородов, такой подход делает импорт нефти и газа более рациональным решением. За счет внешних поставок они могут покрывать энергетические потребности и сохранять ресурсы для отраслей с высокой добавленной стоимостью и наукоемким производством.

В этом контексте важны арабские экспортеры, прежде всего Алжир, Катар, Королевство Саудовская Аравия (далее – КСА), Кувейт, Ливия и Объединенные Арабские Эмираты (далее – ОАЭ). Их значение связано не только с запасами нефти и газа. Существенную роль играет и инфраструктура, которая позволяет выводить энергоресурсы на внешние рынки. Сюда относятся терминалы для отгрузки сжиженного природного газа (далее – СПГ), газопроводные маршруты и танкерные перевозки.

Поэтому участие этих стран в энергоснабжении ЕС можно объяснить с позиций теории сравнительных преимуществ. Они поставляют первичные энергетические ресурсы, тогда как европейские государства получают возможность поддерживать собственную промышленную и технологическую специализацию. Такая связь зависит не только от текущей политической ситуации. В ее основе находятся и рыночные причины, поскольку спрос ЕС на импортные энергоресурсы сочетается с экспортными возможностями стран Ближнего Востока и Северной Африки.

Арабские поставщики в этом случае выступают не как временная замена прежним источникам сырья. Их место в энергетических связях с ЕС связано с долгосрочными контрактами, инфраструктурой поставок и общими правилами внешней торговли. Именно поэтому теория сравнительных преимуществ сохраняет значение и для анализа энергетических отношений в XXI в.

Таким образом, теория сравнительных преимуществ позволяет объяснить экономические предпосылки формирования внешнеторговых связей ЕС в сфере

нефти и газа. Проведенный анализ показывает, что применительно к современному нефтегазовому рынку ЕС возможности данной теории являются ограниченными.

После изменения структуры импорта и сокращения поставок из России, которая на протяжении длительного времени являлась одним из основных и наиболее надежных поставщиков для ЕС, выбор новых партнеров стал определяться не только сравнительными преимуществами отдельных стран, но и их экспортным потенциалом, возможностями обеспечения стабильных поставок и уровнем развития транспортной инфраструктуры.

Следовательно, теория сравнительных преимуществ формирует исходную основу для анализа международной торговли энергоресурсами, однако не позволяет в полной мере объяснить особенности трансформации нефтегазового рынка ЕС, что обуславливает необходимость дальнейшего рассмотрения положений теории энергетической безопасности.

Это объясняется тем, что в случае нефти и газа необходимо учитывать стратегические и политические аспекты: нестабильность поставок, геополитические конфликты и санкционные ограничения способны превратить даже экономически обоснованное партнерство в зону риска. Классическая теория сравнительных преимуществ, безусловно, обеспечивает исходную основу для объяснения логики торговли, однако не охватывает такие параметры, как энергетическая устойчивость, надежность и безопасность.

Примером этого является энергетический кризис 2021–2022 гг., вызванный сокращением поставок из Российской Федерации. В результате Европейский союз был вынужден оперативно переориентировать логистические цепочки и заключать новые контракты, включая соглашения с поставщиками из арабского региона. Данный случай подтверждает необходимость дополнения теории сравнительных преимуществ подходами, учитывающими риски, возникающие за пределами сферы экономики. В этом контексте теория энергетической безопасности представляется

более релевантной для анализа трансформации энергетической стратегии ЕС в последние годы.

Еще одним подходом, применимым к анализу нефтегазового рынка ЕС, является теория энергетической безопасности, которая приобрела особое значение в системе международных экономических отношений в XX–XXI вв. В условиях высокой зависимости развитых стран от импорта углеводородов вопросы обеспечения бесперебойного доступа к энергоносителям стали неотъемлемой частью как национальных стратегий, так и политики наднациональных объединений, включая ЕС.

Формирование научного подхода к энергетической безопасности происходило на стыке экономической теории, международных отношений и геополитики. Уже в 1970-х гг., после нефтяных шоков, стало очевидно, что западные экономики уязвимы перед ограничениями поставок нефти. В связи с этим на первый план вышли такие категории, как устойчивость поставок, надежность инфраструктуры и наличие стратегических резервов. В результате энергетическая безопасность стала рассматриваться не как автономное направление, а как комплексная система реагирования на внешние риски и вызовы, включая политические кризисы, санкционные режимы и нарушения логистических цепочек.

В контексте ЕС теория энергетической безопасности получила институциональное оформление в 1990-х гг. с запуском общеевропейской энергетической политики. Ключевыми задачами в рамках данного подхода стали диверсификация источников и маршрутов поставок, интеграция внутреннего энергетического рынка, развитие возобновляемых источников энергии и снижение зависимости от политически нестабильных партнеров (см. таблицу 1).

Этапы и ключевые события на энергетическом рынке ЕС в XX–XXI вв.

Дата	Принятое решение	Инициатор	Основные задачи
1951	Подписание Парижского договора, учредившего Европейское объединение угля и стали (ЕОУС)	Бельгия, ФРГ, Италия, Люксембург, Нидерланды, Франция	Создание общего рынка угля и стали; укрепление экономического сотрудничества
1957	Учреждение ЕЭС ⁸ (Римские договоры)	Страны-основатели ЕОУС	Формирование общего рынка; устранение торговых барьеров
1993	Запуск Единого внутреннего рынка ЕС	ЕС	Формирование единой конкурентной энергосистемы, обеспечивающей надежность поставок, ценовую доступность и устойчивое потребление
2007	Лиссабонский договор (Договор о функционировании ЕС)	ЕС	Закрепление энергетической политики в ДФЕС ⁹ ; усиление правовой базы
2010	Energy 2020 Strategy (Стратегия «Энергия 2020»)	Европейская комиссия	Обеспечение конкурентоспособности, устойчивости и безопасности энергоснабжения
2014	Энергетический кризис в ЕС	ЕС; фон — политические противоречия между ЕС и РФ	Снижение зависимости от российского газа; укрепление энергетической безопасности
2015	Energy Union Package (Пакет «Энергетический союз»)	Европейская комиссия	Интеграция энергетических рынков, снижение зависимости от импорта
2019	Clean Energy for All Europeans (Пакет «Чистая энергия для всех европейцев»)	Европейская комиссия	Продвижение декарбонизации; развитие ВИЭ

⁸Европейское экономическое сообщество – The European Economic Community (EEC).⁹Договор о функционировании Европейского союза.

2022	Энергетический кризис; внедрение плана REPowerEU	Политические противоречия между ЕС и РФ; Европейская комиссия; государства- члены ЕС	Снижение зависимости от России, развитие поставок СПГ и ВИЭ
------	--	--	---

Источник: Составлено автором

Французская исследовательница Йеген М.¹⁰ показывает, что становление общеевропейской энергетической политики в 1990-е гг. происходило в условиях углубляющейся либерализации энергетических рынков, расширения интеграционных процессов и постепенного включения климатической повестки в стратегические приоритеты Европейского союза. В рамках предложенной ею концепции «Framing a European Energy Policy» энергетическая безопасность рассматривается как многоуровневая категория, включающая показатели физической доступности энергоресурсов, институциональной согласованности, развития конкурентного внутреннего энергетического рынка и сокращения зависимости от политически нестабильных поставщиков.

В работах Йеген М. вопрос о единой энергетической политике ЕС раскрывается через связь трех сфер. Речь идет о внутреннем рынке энергии, климатических обязательствах и общей внешней позиции Союза. Именно это сочетание исследовательница называет «Общей стратегией энергетической безопасности» (CSS). В такой модели энергетическая политика не сводится только к поставкам или ценам. Такая модель показывает, что экономические решения, экологические требования и внешнеполитические шаги рассматриваются Европейской комиссией как части одного курса. Такой подход объясняет, почему рыночные инструменты, задачи устойчивого развития и внешнеполитическая координация вошли в общий дискурс энергетической безопасности.

¹⁰Jegen M. Energy policy in the European Union: The power and limits of discourse // Cahiers européens de Sciences Po. 2014. № 02. P. 6.

В европейском понимании такая безопасность складывается не из одного элемента, а из совместного действия рынка, права и климатической политики. За счет этого прежние представления об энергетической стратегии были соотнесены с новыми условиями XXI века.

Для анализа и оценки эффективности энергетической политики ЕС в современной научной литературе одним из распространенных методологических инструментов является концепция «четырех А» — наличие ресурсов (Availability), доступность (Accessibility), ценовая приемлемость (Affordability) и экологическая приемлемость (Acceptability) энергоресурсов, разработанная Азиатско-Тихоокеанским исследовательским центром энергетики¹¹. Данный подход развивает исходную модель Всемирного энергетического совета¹², основанную на трех измерениях устойчивости — наличии ресурсов (Availability), доступности (Accessibility) и экологической приемлемости (Acceptability) — путем добавления четвертого элемента, отражающего ценовую приемлемость энергоресурсов для конечных потребителей (Affordability).

В целях комплексной оценки трансформации подходов Европейского союза к обеспечению энергетической безопасности представляется целесообразным использовать концепцию «четырех А». Применение данного подхода позволяет систематизировать основные направления политики Европейского союза в области энергетической безопасности в зависимости от их ориентации на наличие энергоресурсов, их доступности, ценовой приемлемости и соответствия экологическим требованиям. Основные направления применения концепции «четырех А» к оценке энергетической безопасности ЕС представлены в таблице 2.

¹¹Asia Pacific Energy Research Centre (APERC). A Quest for Energy Security in the 21st Century: Resources and Constraints. Tokyo: APERC, 2007. VIII, 101 p.

¹²World Energy Council. Energy for Tomorrow's World – Acting Now! London: World Energy Council, 2000.

Применение концепции «четырёх А» к оценке энергетической безопасности
рынка ЕС

Измерение	Содержание в контексте ЕС
Наличие ресурсов	Диверсификация источников поставок, создание стратегических запасов, развитие инфраструктуры для приема СПГ.
Доступность	Институциональные и нормативно-правовые механизмы, обеспечивающие свободное движение энергоресурсов в рамках Единого внутреннего рынка.
Ценовая приемлемость	Баланс между затратами на импорт энергоресурсов и стимулированием инвестиций в новые технологии, особенно в период энергетических кризисов 2014 и 2022 гг.
Экологическая приемлемость	Экологические и социальные аспекты, соответствующие целям Европейского зеленого курса и стратегии декарбонизации.

Источник: Составлено автором

Таким образом, использование модели «четырёх А» в рамках ЕС способствует выявлению взаимосвязей между физической и институциональной устойчивостью энергоснабжения, экономической доступностью и экологической приемлемостью, а также позволяет оценивать эффективность перехода от опоры на традиционные энергоресурсы к низкоуглеродной и многоуровневой диверсифицированной энергетической системе.

Данный подход носит преимущественно качественный характер и не позволяет оценить количественные параметры энергетической безопасности. Так, наличие ресурсов само по себе не гарантирует устойчивости энергоснабжения, поскольку при росте внутреннего спроса существующие объемы добычи или импорта могут оказаться недостаточными для удовлетворения потребностей экономики.

Кроме того, концепция не определяет, какие объемы добычи, импорта или стратегических запасов являются достаточными для обеспечения энергетической безопасности в конкретных условиях. В этой связи исследование трансформации нефтегазового рынка Европейского союза требует дополнения концепции «четырёх

А» анализом статистических показателей добычи, потребления, объемов импорта, структуры поставок и динамики внешнеторговых потоков.

Такой подход позволяет не только оценить текущее состояние энергетической безопасности, но и выявить изменения роли отдельных поставщиков, включая государства арабского региона, в условиях трансформации нефтегазового рынка.

С другой стороны, Черп А. и Джуэлл Д.¹³ обосновывают, что энергетическая безопасность Европейского союза должна рассматриваться не только через призму традиционной концепции «четырех А», которая получила широкое распространение в научной и политической среде, но и с учетом ее методологических ограничений.

Они указывают, что данная концепция не дает однозначного ответа на фундаментальные вопросы обеспечения безопасности энергоснабжения, поскольку:

- не определяет, для кого и в отношении каких ценностей рассматривается энергетическая безопасность, что приводит к расплывчатости трактовок;
- акцентирует внимание на характеристиках энергетических систем, но не анализирует в достаточной мере угрозы, риски и устойчивость этих систем;
- не содержит четкой оценки уязвимостей и механизмов их преодоления.

В качестве альтернативы они предлагают рассматривать энергетическую безопасность как низкую уязвимость жизненно важных энергетических систем. Такой подход подчеркивает необходимость оценки степени подверженности этих систем внутренним и внешним угрозам, а также их способности адаптироваться и восстанавливаться после сбоев. В более широком контексте данный подход увязывает энергетическую безопасность с устойчивостью социально-экономических функций, зависящих от надежного энергоснабжения, и предполагает комплексное понимание стратегий ее обеспечения.

Подход Черпа А. и Джуэлла Д. существенно дополняет концепцию «четырех А», поскольку позволяет рассматривать энергетическую безопасность не только как

¹³Cherp A., Jewell J. The concept of energy security: Beyond the four As // Energy Policy. 2014. Vol. 75. P. 415–421.

совокупность условий обеспечения энергоснабжения, но и как способность энергетической системы противостоять внутренним и внешним угрозам.

Проведенный анализ показывает, что применение данного подхода имеет особое значение для исследования трансформации нефтегазового рынка ЕС. Это обусловлено тем, что изменение структуры импорта энергоресурсов, сокращение поставок от традиционных партнеров и диверсификация источников энергоснабжения требуют оценки не только текущего состояния энергетической системы, но и уровня ее устойчивости к возможным нарушениям поставок.

Концепция Черпа А. и Джуэллы Д. формирует теоретическую основу для исследования трансформации нефтегазового рынка Европейского союза, анализа изменений в структуре импорта нефти и газа и последующей оценки роли внешних поставщиков в обеспечении энергетической безопасности ЕС.

Дальнейшее развитие данного подхода получило отражение в исследованиях профессоров Хафнера М. и Тальяпьетры С.¹⁴, в частности в работе «Геополитика глобального энергетического перехода», где энергетическая безопасность ЕС рассматривается через призму его устойчивости к внешним энергетическим шокам. По мнению авторов, устойчивость ЕС определяется уровнем интеграции энергетических рынков, наличием совместных механизмов реагирования и согласованной внешней энергетической политики.

Данная трактовка соответствует системному подходу, при котором энергетическая безопасность рассматривается как совокупность политико-экономических инструментов, направленных на снижение уязвимости государства или наднационального образования к сбоям в поставках, росту цен на нефть и природный газ, а также технологическим рискам.

Таким образом, подход Хафнера М. и Тальяпьетры С. показывает, что обеспечение энергетической безопасности союза требует комплексного сочетания

¹⁴Hafner M., Tagliapietra S. (eds.). The Geopolitics of the Global Energy Transition. Cham: Springer, 2020. XXV, 381 p. (Lecture Notes in Energy; vol. 73).

экономических, институциональных и внешнеполитических механизмов. Проведенный анализ свидетельствует о том, что устойчивость нефтегазового рынка определяется не только объемами поставок нефти и природного газа, но и способностью союза своевременно адаптировать структуру импорта к изменениям внешней среды. Для настоящего исследования данный подход имеет важное значение, поскольку позволяет рассматривать изменения в структуре импорта нефти и природного газа как один из ключевых элементов повышения энергетической безопасности ЕС и оценки роли внешних поставщиков в условиях трансформации европейского нефтегазового рынка.

Дополняя рассмотренные зарубежные подходы, российские исследователи Коновалова Е.А. и Сабитова А.И.¹⁵ обосновывают, что энергетическая зависимость ЕС от внешних поставщиков, прежде всего от России и стран Ближнего Востока, может представлять собой устойчивую угрозу стабильности поставок. Особое внимание в их работах уделяется политической нестабильности в ряде арабских стран как ключевому фактору риска для европейской энергосистемы.

Исследователи подчеркивают, что, несмотря на политические усилия по сокращению зависимости и переходу к альтернативным источникам энергии, ускоренный энергопереход сдерживается рядом факторов: высокой стоимостью технологий, отсутствием универсального подхода и различиями в структуре и организации энергетического сектора ЕС.

Авторы выделяют три аспекта энергетической безопасности:

1. политический, связанный с международной энергетической дипломатией;
2. экономический, отражающий зависимость стран от мировых цен и запасов;
3. технический, охватывающий вопросы надежности и устойчивости инфраструктуры.

¹⁵ Коновалова Е.А., Сабитова А.И. Энергетическая безопасность в контексте взаимоотношений Европейского союза, России, Украины и стран Центральной Азии // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2017. № 4-2. С. 100–103.

Таким образом, подход Коноваловой Е.А. и Сабитовой А.И. показывает, что обеспечение энергетической безопасности Европейского союза неразрывно связано со снижением зависимости от ограниченного круга внешних поставщиков и развитием устойчивой инфраструктуры энергоснабжения. Анализ показывает, что даже в условиях реализации политики энергетического перехода нефть и природный газ сохраняют ключевое значение в энергетическом балансе ЕС. В этой связи исследование причин энергетического кризиса, изменений в структуре импорта нефти и природного газа, а также оценки роли внешних поставщиков приобретает особую актуальность для понимания современных процессов трансформации европейского нефтегазового рынка.

Российский исследователь Рыбачик У.О.¹⁶ утверждает, что высокая степень зависимости от импорта из Российской Федерации стала катализатором не только энергетической неустойчивости, но и усиления рыночной волатильности в Европейском союзе. Принятые краткосрочные меры, такие как сокращение потребления, увеличение закупок сжиженного природного газа и пересмотр приоритетов энергетической политики, хотя и позволили частично смягчить последствия кризиса, не обеспечивают необходимого уровня устойчивости в долгосрочной перспективе.

Выводы Рыбачика У.О. подтверждают, что энергетический кризис 2021–2022 гг. выявил не только высокую зависимость союза от внешних поставщиков, но и ограниченность традиционных подходов к обеспечению энергетической безопасности. В этих условиях дальнейшее развитие системного подхода получило отражение в исследованиях Бартона Б., Редгвелл К., Ренне А. и Зиллмана Д., которые дополнили его правовым измерением¹⁷.

¹⁶Рыбачик У. О. Энергетический кризис в ЕС: меры преодоления и их эффективность // Проблемы постсоветского пространства. 2023. Т. 10, № 2. С. 129–147.

¹⁷Barton B., Redgwell C., Rønne A., Zillman D.N. (eds.). Energy Security: Managing Risk in a Dynamic Legal and Regulatory Environment. Oxford: Oxford University Press, 2004. 509 p.

Они связывали энергетическую безопасность не только с наличием ресурсов, но и с тем, как государство регулирует энергетическую сферу, обеспечивает доступ к поставкам и поддерживает равновесие между свободой рынка и административным контролем. Такой взгляд дает возможность рассматривать энергетическое право, устойчивое развитие и механизмы регулирования как связанные части одной политики.

Практическая реализация данных подходов наиболее отчетливо проявилась в ходе трансформации энергетической политики ЕС после кризиса 2021–2022 гг. До 2022 г. в отношениях ЕС с Российской Федерацией сохранялся в основном прагматичный подход.

Экономическая выгода в нем часто оказывалась важнее оценки политических рисков, поэтому такие риски не становились предметом системного анализа. Энергетическая стратегия ЕС 2020 г.¹⁸ формально предусматривала диверсификацию, однако на практике не отказывалась от долгосрочных контрактов с привычными поставщиками, в том числе с Россией.

Кризис 2021–2022 гг. резко изменил условия, в которых ЕС выстраивал новую энергетическую стратегию. Союз перешел к экстренным мерам реагирования. Были возобновлены или ускорены инфраструктурные проекты, среди них — расширение возможностей для приема сжиженного природного газа в Германии, Нидерландах и Польше. Одновременно активизировались переговоры с другими поставщиками, включая арабских экспортеров, а подход к созданию общеевропейских резервов стали пересматривать. Именно этот период ясно показал слабое место европейской энергосистемы. Сокращение поставок российского природного газа в страны ЕС выявило опасную зависимость от одного внешнего источника. Последствия быстро вышли за пределы энергетики, поскольку топливо стало менее доступным для промышленности и населения, а инфляционное давление усилилось.

¹⁸ European Commission. Energy 2020: A Strategy for Competitive, Sustainable and Secure Energy. Brussels: European Commission, 2010. 23 p.

Ответом на энергетический кризис стал план REPowerEU¹⁹, который Европейская комиссия представила в 2022 г. План был не разовой антикризисной мерой, а инструментом более глубокого снижения зависимости ЕС от российских энергоресурсов. Для этого было выделено несколько направлений. Союз должен был расширять круг поставщиков, быстрее вводить в строй мощности возобновляемой энергетики, развивать мощности для приема сжиженного природного газа и снижать общий уровень потребления за счет энергоэффективности.

В плане REPowerEU особое место заняла именно структурная перестройка энергетической системы. Европейская комиссия связала ее с развитием инфраструктуры сжиженного природного газа (СПГ), формированием общих газовых резервов, ускорением «зеленого перехода» и поиском устойчивых партнерств с поставщиками за пределами России.

Энергетический кризис 2021–2022 гг. подтвердил, что обеспечение энергетической безопасности Европейского союза невозможно рассматривать исключительно с позиции диверсификации поставщиков или снижения зависимости от отдельных государств. Современные условия требуют комплексного сочетания институциональных механизмов регулирования, развития энергетической инфраструктуры, диверсификации внешних поставок и ускорения энергетического перехода.

Вместе с тем современные исследования преимущественно посвящены отдельным аспектам функционирования энергетического рынка ЕС, включая вопросы диверсификации поставок, энергетического перехода и повышения устойчивости энергоснабжения. Это обуславливает необходимость комплексного рассмотрения процессов формирования и трансформации нефтегазового рынка ЕС, что и составляет предмет настоящей работы.

¹⁹REPowerEU – стратегия Европейского союза, представленная в 2022 г., направленная на сокращение зависимости от российских энергоресурсов.

В этом отношении британский исследователь Хобхауз К.²⁰ также обосновывает, что энергетическая безопасность ЕС требует перехода от узкоэкономического подхода к комплексной системе, охватывающей экологические, технологические, социальные и геополитические измерения. По мнению автора, энергетический кризис 2021–2022 гг. выявил недостаточную устойчивость прежней модели, основанной на приоритете ценовой эффективности. Данный подход позволяет рассматривать трансформацию нефтегазового рынка Европейского союза как результат сочетания экономических, институциональных и стратегических изменений.

Комплексный подход к исследованию энергетической безопасности представлен также в работе Переса М., Шолтена Д. и Стегена К.²¹, посвященной анализу трансформации энергетической системы в ЕС на период до 2030 г. Анализ выявил существенные различия между странами ЕС по уровню энергетической зависимости. Малые государства, такие как Люксембург, Мальта и Кипр, демонстрируют значительную зависимость от внешних поставок при ограниченном спектре используемых энергоресурсов. В то же время в странах Северной Европы ситуация иная: Дания достигла высокой степени энергетической автономии, а Финляндия занимает лидирующие позиции по диверсификации источников энергоснабжения.

Проведенный анализ научных подходов позволяет сделать вывод, что в современных геэкономических условиях энергетическая безопасность ЕС должна рассматриваться как многофакторная система, объединяющая следующие взаимосвязанные элементы: обеспечение физической доступности энергетических ресурсов, включая логистику и инфраструктуру;

- экономическая доступность (ценовая устойчивость);
- политическая надежность поставщиков;

²⁰Hobhouse C. Reimagining European Energy Security: Towards a Whole-of-System Approach // EUISS Brief. Paris: European Union Institute for Security Studies, 2025. № 6 (February). 4 p. URL: <https://www.iss.europa.eu/publications/briefs/reimagining-european-energy-security-towards-whole-system-approach> (дата обращения: 08.08.2025).

²¹De la Esperanza Pérez M., Scholten D., Smith Stegen K. The multi-speed energy transition in Europe: Opportunities and challenges for EU energy security // Energy Strategy Reviews. 2019. Vol. 26. P. 76-92.

- экологическая устойчивость поставок;
- институциональная координация на уровне ЕС.

В современных условиях теория энергетической безопасности помогает рассматривать нефтегазовую политику ЕС не как набор отдельных мер, а как систему взаимосвязанных решений. Через нее можно оценивать экономические интересы, политические риски, состояние инфраструктуры и правовые инструменты, которые влияют на надежность поставок. Такой подход также показывает, насколько эффективно Союз реагирует на кризисы и какие внешние партнерства могут быть устойчивыми в долгосрочной перспективе.

Значение данного подхода возрастает в условиях трансформации мировой энергетической системы, изменения структуры международной торговли нефтью и природным газом и усиления требований к устойчивости энергоснабжения. Для ЕС в таких условиях стратегическая автономия становится частью не только экономической, но и внешнеполитической повестки.

Наряду с теорией энергетической безопасности важное значение для исследования нефтегазового рынка Европейского союза имеет теория зависимости, связанная с работами Хиршмана А.²² Она объясняет, как обычные внешнеэкономические связи могут постепенно превращаться в зависимость одной стороны от другой. Главным здесь выступает не сам обмен ресурсами, а неравенство позиций. Если экспорт одной страны становится критически важным для другой, поставщик получает не только доход, но и дополнительный рычаг политического влияния.

В логике Хиршмана А. внешние поставки становятся политическим фактором тогда, когда зависимость от них принимает односторонний характер. Чем меньше у импортера реальных альтернатив, тем легче экспортеру использовать торговые связи как средство давления. Эта схема хорошо подходит для анализа нефтегазового рынка

²²Hirschman A.O. National Power and the Structure of Foreign Trade. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1945. XIV, 170 p.

ЕС. До 2022 г. зависимость от ограниченного круга поставщиков, прежде всего от России, фактически совпадала с тем типом «уязвимой зависимости», который описывал Хиршман А.

Изложенное свидетельствует, что теория зависимости позволяет объяснить причины пересмотра Евросоюзом сложившейся модели внешнеэкономического сотрудничества на нефтегазовом рынке. Высокая концентрация импорта нефти и газа на ограниченном круге поставщиков повышает уязвимость энергетической системы даже при сохранении экономической эффективности торговых отношений.

Вместе с тем применение данной теории к исследованию современного нефтегазового рынка ЕС имеет определенные ограничения. Она позволяет выявить характер зависимости между экспортерами и импортерами энергоресурсов, однако не раскрывает причины изменения структуры импорта нефти и природного газа, количественные сдвиги внешнеторговых потоков и влияние этих процессов на трансформацию нефтегазового рынка ЕС. В этой связи исследование требует дополнения положений теории зависимости анализом динамики импорта, структуры поставок и изменения роли отдельных внешних поставщиков в обеспечении энергетической безопасности ЕС.

С этой точки зрения устойчивость энергетической системы требует не только стабильных контрактов, но и распределения рисков между разными направлениями поставок. Поэтому для ЕС важны диверсификация источников, снижение привязки к одному экспортеру и переход к более сбалансированным формам энергетического партнерства. В эту логику вписывается расширение сотрудничества с Алжиром, Катаром, КСА, ОАЭ и другими государствами.

Дальнейшее развитие вопросов зависимости и диверсификации поставок получило отражение в исследовании Хилле Э.²³, в котором рассматривается влияние геополитических рисков в странах-экспортерах на развитие альтернативной

²³Hille E. Europe's energy crisis: Are geopolitical risks in source countries of fossil fuels accelerating the transition to renewable energy? // Energy Economics. 2023. Vol. 127. P. 107.

энергетики в ЕС. Особое внимание он уделил периоду резкого роста цен на энергоресурсы и последующего дефицита.

В исследовании был использован массив данных за период с 1991 по 2021 г. Полученные результаты показали, что напряженность в государствах-поставщиках подталкивает европейские страны к более активному внедрению возобновляемых источников энергии. При этом сила такого влияния зависит от вида сырья, будь то уголь или природный газ. Работа Хилле Э. также показывает, что высокие тарифы на электроэнергию и сильная внешняя зависимость делают связь между геополитикой и темпами развития альтернативной энергетики в ЕС более выраженной.

Таким образом, результаты исследования Хилле Э. показывают, что геополитические риски оказывают влияние не только на структуру внешних поставок, но и на долгосрочные направления развития энергетической политики Европейского союза. Это позволяет рассматривать диверсификацию импорта нефти и природного газа и развитие альтернативных источников энергии как взаимодополняющие направления повышения устойчивости энергетической системы ЕС.

Практические аспекты диверсификации внешних поставок получили дальнейшее развитие в исследовании Секачевой А. Б.²⁴ В нем внимание перенесено на Северную Африку, которую ЕС стал рассматривать как один из возможных источников замещения российской нефти и газа. Автор отмечает, что после сокращения поставок из Российской Федерации европейские страны активнее выстраивали связи с Алжиром и Ливией. При этом такие контакты развивались в непростых условиях. На них влияли недостатки инфраструктуры, конкуренция со стороны России и Соединенных Штатов Америки, а также сложный исторический фон, связанный с колониальным прошлым региона.

В исследовании также затрагиваются возможности энергетического взаимодействия ЕС с отдельными странами североафриканского направления. Однако

²⁴ Секачева А.Б. Современное состояние энергетических отношений Евросоюза со странами Северной Африки и перспективы их развития // Россия и мир. 2024. № 1. С. 93.

высокий диверсификационный потенциал не снимает существующих ограничений. Они связаны с узкой экспортной базой Алжира и Ливии, а также с усилением борьбы за углеводороды на мировом рынке.

Результаты исследования Секачевой А. Б. подтверждают, что расширение сотрудничества с альтернативными поставщиками нефти и природного газа способствует снижению зависимости Европейского союза от ограниченного круга экспортеров, однако эффективность такой политики определяется не только наличием ресурсной базы, но и уровнем развития экспортной инфраструктуры, устойчивостью поставок и состоянием внешнеэкономических отношений.

В совокупности рассмотренные подходы позволяют полнее понять, как устроен нефтегазовый рынок ЕС и почему его развитие меняется под воздействием внешних условий. Его изучение требует комплексного использования теории сравнительных преимуществ, теории энергетической безопасности и теории зависимости.

Каждая из них раскрывает свой аспект трансформации рынка: экономическую целесообразность внешней торговли, устойчивость энергетической системы и влияние зависимости от внешних поставщиков на формирование энергетической политики. Их сочетание формирует теоретическую основу настоящего исследования и позволяет проанализировать причины трансформации нефтегазового рынка ЕС, изменение структуры импорта нефти и газа, а также перспективы развития сотрудничества с государствами арабского региона.

Теория сравнительных преимуществ не теряет значения, хотя в энергетической сфере ее применение ограничено сильным политическим влиянием. Она помогает объяснить, насколько рациональна внешнеэкономическая специализация, особенно в отношениях ЕС с государствами, имеющими крупную ресурсную базу. К таким партнерам относятся и арабские экспортеры энергоносителей. Более развернутая трактовка этой идеи, предложенная Хекшером Э. и Олином Б., показывает, что энергетическое разделение труда может сохраняться при наличии факторной и институциональной совместимости.

Одновременно рост импортной зависимости ЕС и нестабильность внешнеполитической среды делают особенно важной теорию энергетической безопасности. Этот подход позволяет рассматривать устойчивость энергетической системы не только по экономическим показателям, но и с учетом рисков поставок, геополитического давления и надежности инфраструктуры. Институциональный подход дополняет этот анализ, поскольку включает нормативно-правовую базу ЕС, договорные связи с третьими странами и механизмы согласования внутри Союза. В результате становится заметен переход от преимущественно рыночной логики к более системному стратегическому управлению энергетикой на наднациональном уровне.

На фоне выявленной уязвимости ЕС пересматривает саму архитектуру энергетического взаимодействия. Главный акцент постепенно переносится на более сбалансированные партнерства, включая сотрудничество с арабскими экспортерами.

Совокупность рассмотренных теоретических положений свидетельствует о необходимости синтеза различных научных подходов для исследования нефтегазового рынка ЕС и перспектив арабских поставщиков. В современных условиях наиболее релевантной представляется многофакторная модель, сочетающая принципы экономической эффективности, институциональной устойчивости и стратегической диверсификации. Именно такой подход может позволить объяснить как исторически сложившуюся зависимость ЕС от импорта нефти и газа, так и текущую трансформацию энергетической политики в условиях многополярной и нестабильной глобальной политэкономической системы.

Рассмотренные теоретические подходы позволяют сделать вывод, что трансформация энергетической политики ЕС обусловлена не только последствиями энергетического кризиса, но и долгосрочными изменениями в структуре нефтегазового рынка, включая диверсификацию поставщиков, развитие инфраструктуры и ускорение энергетического перехода. Это создает теоретическую основу для дальнейшего исследования процессов формирования и трансформации нефтегазового рынка ЕС, рассматриваемых в следующем разделе диссертации.

1.2 Трансформация стратегии ЕС в XX–XXI вв.: изменение подходов к обеспечению энергетической безопасности

Трансформация стратегии Европейского союза в нефтегазовом секторе представляет собой попытку обеспечения энергетической безопасности в условиях усиливающейся взаимозависимости мировых рынков и усложнения геополитической обстановки. Значимость данного процесса определяется тем, что устойчивое, надежное и экономически обоснованное энергоснабжение является основой для функционирования экономики и поддержания социально-политической стабильности.

На изменение и развитие энергетической политики ЕС оказывают влияние как внешние факторы — геополитическая напряженность, трансформация международной торговли энергоресурсами, технологические прорывы, так и внутренние факторы — постепенная передача принятия экономических решений на наднациональный уровень, институциональная архитектура энергетического рынка, климатическая повестка, рыночные механизмы ценообразования и конкурентной политики.

Энергетическая стратегия ЕС в нефтегазовом секторе на протяжении последних десятилетий претерпела качественную трансформацию, обусловленную изменением баланса экономических, технологических и геополитических факторов. Первоначально ее ключевым приоритетом было формирование интегрированного и конкурентного внутреннего рынка энергоресурсов, обеспечивающего стабильность поставок за счет долгосрочных контрактов с ограниченным кругом основных партнеров, включая Россию, США и ряд арабских поставщиков.

В современных условиях стратегия ЕС в нефтегазовом сегменте сочетает долгосрочные цели декарбонизации с необходимостью поддержания надежных поставок углеводородов в переходный период. Такая модель формирует новую

конфигурацию энергетической безопасности, в которой приоритетами становятся гибкость цепочек поставок, снижение зависимости от отдельных поставщиков, активное использование инструментов энергетической дипломатии и интеграция низкоуглеродных источников в структуру энергобаланса.

В этих условиях одна из задач исследования заключается в выявлении и систематизации этапов эволюции энергетической стратегии ЕС в нефтегазовом секторе, анализе их влияния на уровень энергетической безопасности и определении направлений дальнейшей адаптации к изменяющимся условиям. Для решения данной задачи представляется целесообразным рассмотреть этапы и ключевые события, а также принятые нормативно-правовые акты, оказавшие наибольшее влияние на уровень энергетической безопасности (см. таблицу 3).

Таблица 3.

Этапы трансформации энергетической стратегии ЕС и их правовые характеристики

Этап	Название этапа	Характеристика
Первый этап (1950–1980-е гг.)	Формирование правовой основы интеграции	Формирование правовой и институциональной основы интеграции энергетических рынков; закрепление правил стабильности поставок традиционных энергоресурсов; развитие трансграничной инфраструктуры.
Второй этап (1990–2000-е гг.)	Этап либерализации и гармонизации норм	Либерализация и гармонизация энергетических рынков; рост конкуренции и развитие межсетевых соединений.
Третий этап (2010-е гг.)	Институционализация климатической повестки	Диверсификация поставок (снижение зависимости от российского импорта и повышение роли ключевых арабских стран в экспорте энергоносителей); активное внедрение возобновляемых источников энергии; снижение уязвимости к внешним шокам (энергетический кризис в 2014 г.)
Четвертый этап (с 2019 г.)	«Зеленый переход» и кризисное регулирование	Переход к низкоуглеродной модели; масштабная диверсификация поставок (заменить российский импорт нефти и газа другими ключевыми поставщиками, такими как США, и ключевыми

		арабскими экспортерами энергоносителей); развитие СПГ-инфраструктуры; обязательное наполнение хранилищ в условиях энергетического кризиса.
--	--	--

Источник: Составлено автором

Эволюция энергетической стратегии Европейского союза в XX–XXI вв. демонстрирует поэтапный переход от традиционной модели энергетической безопасности, ориентированной на стабильность поставок ископаемых энергоресурсов, к комплексной низкоуглеродной модели. Этот переход сопровождался глубокой трансформацией правового регулирования. Изменение нормативной базы ЕС может быть условно разделено на четыре этапа, соответствующих изменению стратегических приоритетов и внешних вызовов.

Первый этап (1950–1980-е гг.), охватывающий период до формирования Европейского союза, характеризовался формированием правовой и институциональной базы для интеграции энергетических рынков стран-участниц европейской интеграции. Принятие Парижского договора и создание Европейского объединения угля и стали (1951 г.)²⁵, а также учреждение Европейского экономического сообщества (1957 г.)²⁶ заложили основы общего рынка стратегических ресурсов, прежде всего угля и стали, а в дальнейшем — нефти и газа.

На первоначальном этапе экономическая политика европейского интеграционного объединения в нефтегазовом секторе (до создания ЕС) была сосредоточена на формировании долгосрочных связей с основными поставщиками из числа стран — соседей по интеграционному блоку и союзников по политическим интересам. Приоритетными источниками поставок угля и нефти являлись страны-члены, а также Норвегия и Великобритания. Советский Союз рассматривался как значимый, но политически чувствительный поставщик, поэтому заключаемые контракты носили ограниченный характер. Партнерство с арабскими странами в этот

²⁵Treaty instituting the European Coal and Steel Community. Signed at Paris, on 18 April 1951 // United Nations Treaty Series. 1957. Vol. 261, No. 3729. P. 140–319.

²⁶Treaty establishing the European Economic Community (Treaty of Rome). Signed at Rome, on 25 March 1957 // United Nations Treaty Series. 1958. Vol. 298, No. 4300. P. 3–165.

период находилось на начальной стадии и имело эпизодический характер, в основном в рамках импорта нефти из Алжира и Ливии.

Второй этап (1990–2000-е гг.) развивался уже после официального формирования Европейского союза в 1993 г.²⁷ и ознаменовался институциональным оформлением и либерализацией энергетических рынков. Запуск Единого рынка ЕС (1993 г.)²⁸ и подписание Лиссабонского договора о функционировании ЕС (2007 г.)²⁹ закрепили принципы свободы движения энергоресурсов, развития конкуренции и тарифного ценообразования.

На этом этапе ЕС по-прежнему делал ставку на нефть и газ, однако начали предприниматься меры по повышению энергоэффективности, развитию межсетевых соединений и диверсификации источников в ответ на растущие риски зависимости от отдельных поставщиков, прежде всего Советского Союза, а затем и от Российской Федерации. На этом фоне ключевые арабские экспортеры — КСА, Ливия, Алжир и Катар — начали приобретать статус надежных долгосрочных партнеров, обеспечивая альтернативные поставки углеводородов в условиях растущей интеграции мирового энергетического рынка.

Третий этап (2010-е гг.) ознаменовался институционализацией климатической повестки и постепенным смещением акцента на низкоуглеродное развитие. Принятие стратегии Energy 2020 (2010 г.)³⁰, энергетический кризис 2014 г. и пакет Energy Union (2015 г.)³¹ способствовали укреплению внутреннего энергетического рынка, ускорению диверсификации поставок и развитию возобновляемых источников

²⁷ В течение 1990-х годов в состав ЕС входили следующие 15 государств: Бельгия, Великобритания, Германия, Дания, Ирландия, Испания, Италия, Люксембург, Нидерланды, Португалия, Франция, Греция (все вступили до 1993 г.), а также Австрия, Финляндия и Швеция, присоединившиеся в 1995 г.

²⁸ Single European Act. Luxembourg, 17 February 1986; The Hague, 28 February 1986. Official Journal of the European Communities. 1987. L 169, 29 June. P. 1–28.

²⁹ Treaty of Lisbon Amending the Treaty on European Union and the Treaty Establishing the European Community. Lisbon, 13 December 2007. Official Journal of the European Union. 2007. C 306, 17 December. P. 1–271.

³⁰ European Commission. *Energy 2020: A Strategy for Competitive, Sustainable and Secure Energy*. Brussels: European Commission, 2010. 23 p.

³¹ European Commission. Energy Union Package: Communication COM(2015) 80 final. Brussels: European Commission, 2015. 21 p.

энергии³². Гармонизация норм охватывала установление единых требований по интеграции ВИЭ в энергосистемы, повышению энергоэффективности, экологическим ограничениям для тепловой генерации и либерализации газового рынка. В этот период ЕС начал рассматривать возобновляемые источники Энергии (далее — ВИЭ) не как дополнение, а как стратегическое направление, способное снизить уязвимость к внешним шокам.

Кроме того, арабские государства — прежде всего Алжир и Катар в газовом сегменте, КСА и Ливия в нефтяном — укрепили позиции в качестве стратегических поставщиков. Их роль особенно возрастала в периоды ценовой волатильности и геополитической нестабильности на восточном направлении, что позволило снизить долю поставок из России и обеспечить устойчивость энергобаланса ЕС³³.

Четвертый этап (с 2019 г.) определяется ускоренным переходом к «зеленой энергетике» и снижением зависимости от ископаемых видов топлива. Принятие пакета Clean Energy for All Europeans (2019 г.)³⁴ заложило правовую основу для масштабной декарбонизации экономики ЕС. Энергетический кризис 2022–2024 гг., вызванный резким сокращением импорта нефти и газа из России, выявил критическую уязвимость европейской энергетической системы. В ответ Европейская комиссия представила план REPowerEU (2022 г.)³⁵ как инструмент для сокращения зависимости от российских энергоресурсов, предусматривающий диверсификацию поставок, ускоренное внедрение возобновляемых источников энергии, развитие СПГ-инфраструктуры и повышение энергоэффективности. Приоритетами этапа стали интеграция устойчивых технологий в энергетический баланс и формирование комплексной стратегии низкоуглеродного развития и многоуровневой диверсификации поставок³⁶.

³²Energy Union Strategy [Электронный ресурс] // European Commission. URL: https://energy.ec.europa.eu/strategy/energy-union_en/.

³³Al-Saidi M. White knight or partner of choice? The Ukraine war and the role of the Middle East in the energy security of Europe // Energy Strategy Reviews. 2023. Vol. 46. P. 101–121.

³⁴European Commission. Clean energy for all Europeans. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2019. 20 p.

³⁵Там же. С. 13.

³⁶Клименко Д. В. Энергетическая политика Европейского союза // *Геоэкономика энергетики*. 2023. № 4 (24). С. 101–118.

Ускоренная декарбонизация и планомерное сокращение зависимости от российских энергоресурсов после 2022 г. привели к качественному изменению роли арабских стран в энергетической стратегии ЕС. Ключевые экспортеры региона — КСА, Алжир, Катар и Ливия — стали не просто надежными, но и неотъемлемыми партнерами в обеспечении энергетической безопасности. Их поставки нефти, трубопроводного и сжиженного природного газа наряду с ресурсами из Норвегии и США формируют основу многоуровневой системы диверсификации импорта, и обеспечивают доступность энергоресурсов в ЕС за счет развития СПГ-логистики и модернизации инфраструктуры.

Реализация энергетической стратегии ЕС на каждом этапе обеспечивается скоординированной работой наднациональных и национальных институтов. Центральную роль в формировании повестки играет Европейская комиссия, определяющая стратегические рамки и инициативы (включая European Green Deal³⁷ и REPowerEU). Совет Европейского союза и Европейский парламент обеспечивают законодательное оформление и утверждение ключевых нормативных актов, тогда как национальные правительства стран-членов внедряют данные положения в рамках собственных энергетических стратегий. Существенный вклад в решение энергетических задач ЕС вносят специализированные агентства, в частности Агентство по сотрудничеству органов регулирования энергетики (ACER) и Европейская сеть операторов систем передачи газа (ENTSOG), координирующие технические стандарты, интеграцию инфраструктуры и функционирование внутреннего энергетического рынка. Ниже представлена иерархическая структура органов и агентств, задействованных в формировании и реализации энергетической стратегии Европейского союза (см. таблицу 4).

³⁷ Европейский зеленый курс (European Green Deal) – стратегическая инициатива Европейского союза, представленная Европейской комиссией в декабре 2019 г. Она направлена на достижение климатической нейтральности к 2050 г. и предусматривает комплекс мер по сокращению выбросов парниковых газов, переходу к возобновляемым источникам энергии и повышению энергоэффективности.

Иерархическая структура органов и агентств, участвующих в формировании и реализации энергетической стратегии ЕС

Уровень	Институты / Органы
Наднациональный (органы ЕС)	Европейская комиссия – формирует стратегические рамки и инициативы (European Green Deal, REPowerEU)
	Совет Европейского союза – утверждает ключевые решения
	Европейский парламент – осуществляет законодательное оформление и контроль за реализацией энергетической политики
Национальный (правительства стран-членов)	Национальные правительства – адаптируют общеевропейские решения в рамках собственных стратегий (Германия, Франция, Италия, Испания, Нидерланды, Польша и др.)
Специализированные агентства	Агентство по сотрудничеству органов регулирования энергетики (ACER) – координация работы национальных регулирующих органов, единые стандарты
	Европейская сеть операторов систем передачи газа (ENTSOG) – интеграция газовой инфраструктуры, развитие внутренних и трансъевропейских сетей.

Источник: Составлено автором

В целях систематизации изменений в стратегических подходах Европейского союза к обеспечению энергетической безопасности целесообразно рассмотреть эти изменения сквозь призму концепции «четырех А»³⁸. Данный подход позволяет выявить приоритеты ЕС на каждом этапе развития энергетического рынка, а также проследить эволюцию акцентов от обеспечения стабильности поставок традиционных энергоресурсов к формированию комплексной низкоуглеродной модели, сочетающей экономическую эффективность и устойчивое развитие (см. таблицу 5).

³⁸Там же. С. 7.

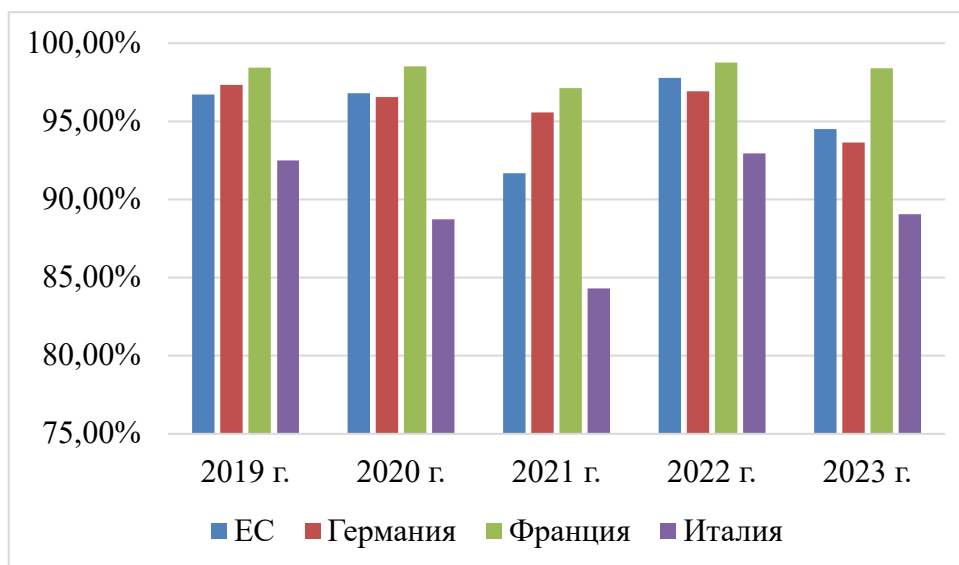
Этапы эволюции энергетического рынка ЕС в XX–XXI вв. в измерениях концепции «четырёх А»

Этап	Наличие ресурсов	Доступность	Ценовая приемлемость	Экологическая и социальная приемлемость
Первый этап (1950–1980-е гг.)	Долгосрочные контракты на поставку угля, нефти и газа от ограниченного круга партнеров	Развитие базовой транспортной и портовой инфраструктуры	Стабильные цены за счет долгосрочных договоров	Экологические и климатические аспекты практически не учитывались
Второй этап (1990–2000-е гг.)	Расширение перечня поставщиков энергоресурсов	Либерализация внутреннего рынка, развитие межсетевых соединений	Ценовая конкуренция и тарифное регулирование	Начало институционализации и климатической повестки, меры энергоэффективности
Третий этап (2010-е гг.)	Диверсификация источников, рост доли ВИЭ	Интеграция ВИЭ в энергосистему, развитие СПГ-терминалов	Оптимизация затрат через конкуренцию и субсидии на ВИЭ	Внедрение экологических стандартов и климатической политики
Четвертый этап (с 2019 г.)	Сокращение зависимости от РФ, масштабная декарбонизация	Развитие СПГ-инфраструктуры, цифровизация и децентрализация	Сдерживание ценовых шоков через диверсификацию и стратегические запасы	Приоритет устойчивых технологий и «зеленого перехода»

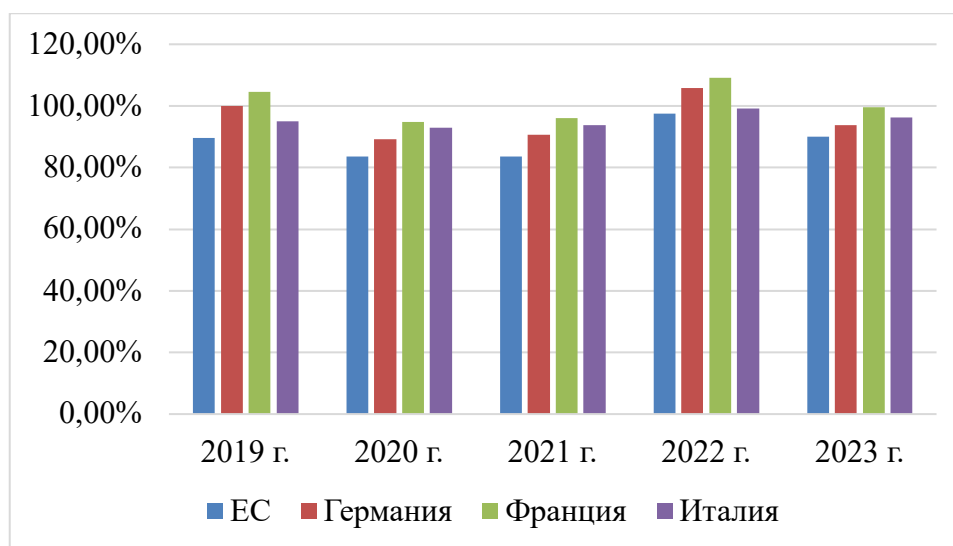
Источник: Составлено автором

Как показывает применение концепции «четырёх А», четвертый этап ориентирован на реализацию стратегии низкоуглеродного развития. Однако уровень импортозависимости валовой доступной энергии в ЕС-27, а также в крупнейших экономиках — Германии, Франции и Италии — остается высоким. Это означает, что

попытки ЕС-27 снизить зависимость от импорта нефти и природного газа пока не дали значимых результатов. Так, в 2022 г. импортозависимость по нефти и нефтепродуктам в ЕС-27 составила 97,59%, в Германии – 105,90%, во Франции – 109,04%, в Италии – 99,23%. По природному газу аналогичный показатель достиг 97,77% в ЕС-27, при этом в Германии – 96,91%, во Франции – 98,77%, в Италии – 92,93% (см. рисунок 1).

Импортозависимость ЕС и крупнейших экономик по нефти и нефтепродуктам

Импортозависимость ЕС по природному газу

Рисунок 1. Импортозависимость валовой доступной энергии ЕС и крупнейших экономик (Германия, Франция, Италия) по нефти, нефтепродуктам и природному газу в 2019–2023 гг., %

Источник: Составлено автором по данным Eurostat (URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/nrg_ind_id__custom_17985698/default/table)

В то время как концепция «четырех А» акцентирует внимание на внутреннем измерении энергетической безопасности, не менее важно учитывать внешнее измерение. Для объективной оценки эффективности реализуемой стратегии необходимо рассмотреть положение Европейского союза в глобальной системе торговли нефтью и газом. Именно здесь масштабы импорта и структура поставок позволяют определить, в какой мере фактическая зависимость ЕС от внешних источников снизилась и соответствует ли снижению целям действующей энергетической стратегии ЕС.

Мировая торговля минеральным топливом и энергоресурсами (товарная группа HS27) характеризуется высокой концентрацией у крупнейших импортеров. Несмотря на наличие собственных ресурсов в ряде стран, ключевые центры мировой экономики продолжают демонстрировать значительную зависимость от внешних поставок.

Согласно данным Международного торгового центра (International Trade Centre), за период 2019–2024 гг. доля стран Европейского союза в мировом импорте «топлива минерального, нефти и продуктов их перегонки» (HS27) снизилась на 0,8 п.п., в то время как доля Китая выросла на 2,0 п.п., а Индии — на 0,6%. Таким образом, несмотря на некоторое сокращение, Европейский союз сохраняет крупнейшую долю мирового импорта в данной категории, что подтверждает его устойчивую зависимость от внешних поставок энергоресурсов (см. рисунок 2).

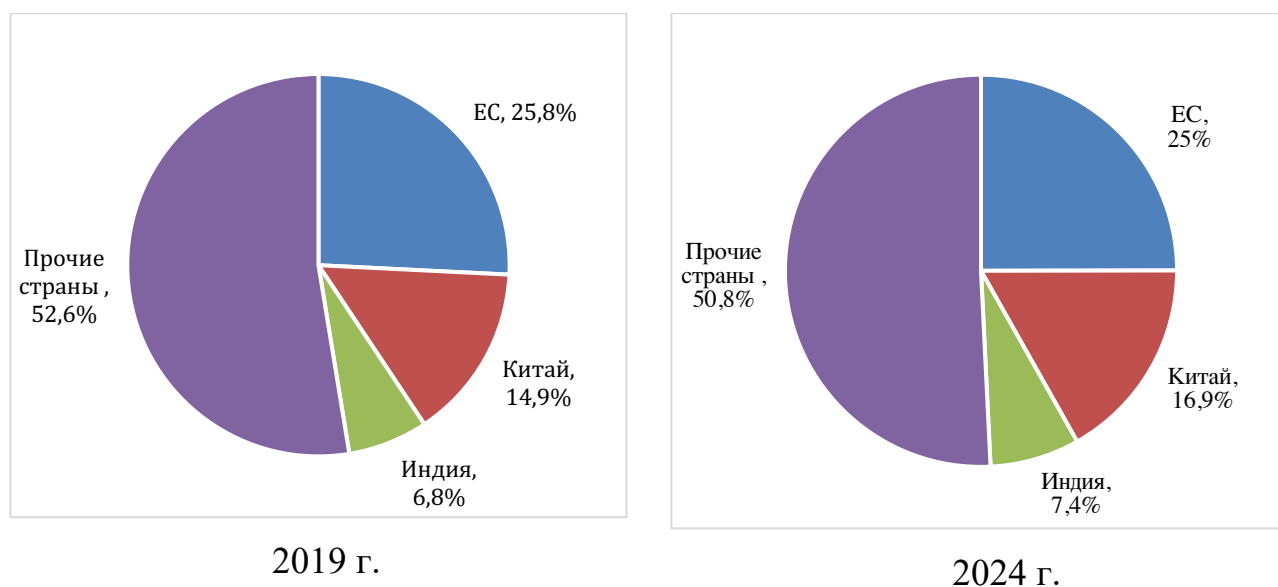

Рисунок 2. Доли крупнейших импортеров в мировой торговле минеральным топливом и энергоресурсами (по товарной группе HS27) в 2019 и 2024 гг. Источник: Составлено автором по данным International Trade Centre (URL: <https://www.trademap.org/Index.aspx>)

С точки зрения трансформации энергетики ЕС и зависимости от импорта ресурсов из-за пределов интеграционного объединения, выявлено, что именно углеводородные энергоносители, несмотря на попытки развивать собственную альтернативную энергетику, остаются основной статьей внешнеторговых расходов. При этом их доля в совокупном импорте в денежном выражении (см. рисунок 3) колеблется в широких пределах от 18% до 28%, что в значительной степени связано с ценовой волатильностью на мировом энергетическом рынке, который в условиях дефицита собственной добычи остается основным источником энергоресурсов для экономик ЕС³⁹.

³⁹Шариф Л. Трансформация энергетики Европейского союза: структурная перестройка и диверсификация поставщиков нефти и газа / Л. Шариф, Г. А. Верпаховский, А. Г. Симонов // Экономические отношения. 2025. Т. 15, № 4. С. 1019–1046. DOI: 10.18334/eo.15.4.123939. EDN: YRGYPG.

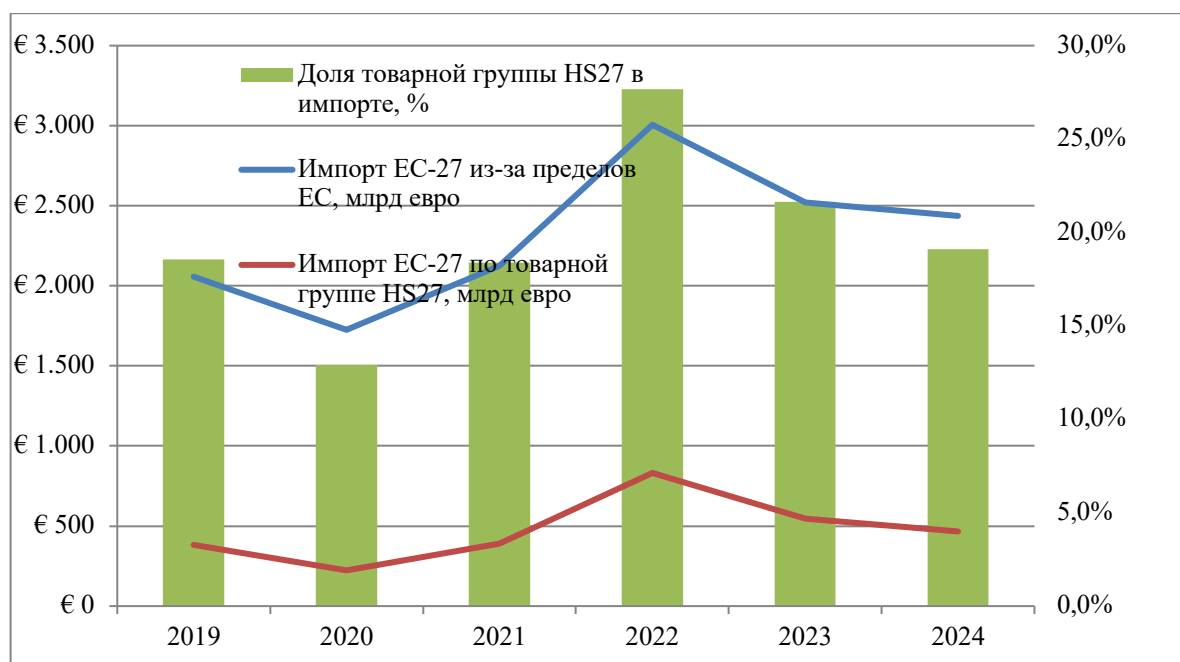

Рисунок 3. Объем импорта по товарной группе HS27 («Топливо минеральное...») и его доля в совокупном импорте ЕС из-за пределов интеграционного объединения, млрд евро и %

Источник: Составлено автором по данным Eurostat (URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/explore/all/envir?lang=en&subtheme=nrg.nrg_quant.nrg_quanta&display=list&sort=category)

Результаты анализа свидетельствуют о том, что трансформация стратегических приоритетов Европейского союза в сфере энергетической безопасности проходила поэтапно, отражая переход от ориентации на стабильность поставок традиционных энергоресурсов к многоисточниковой низкоуглеродной модели энергоснабжения. На каждом этапе менялись не только экономические и технологические ориентиры, но и структура партнерств. Такой сдвиг обусловлен как изменением глобальной конъюнктуры, так и необходимостью снижения зависимости от отдельных поставщиков и укрепления многоуровневой энергетической безопасности.

К 2022 г. стало очевидно, что прежние стратегии ЕС не устранили основную уязвимость. Даже курс 2019 г., в котором уже говорилось о «зеленом переходе», диверсификации и снижении зависимости от углеводородов, не обеспечил системе

необходимой устойчивости. При сильном внешнем ударе проявились накопленные структурные уязвимости. ЕС по-прежнему в значительной степени зависел от импорта, не имел достаточного объема газовых резервов, а СПГ-инфраструктура была развита неравномерно. К этому добавлялась разная скорость принятия решений в странах-членах. Поэтому кризис 2021–2022 гг. стал не случайным сбоем, а проверкой всей прежней энергетической модели, которой она не выдержала в полной мере.

Развитие энергетической стратегии Европейского союза в XX–XXI вв. показывает не только смену институтов и политико-экономических условий. Здесь также видна связь с теоретическими подходами, которые были рассмотрены ранее. Зависимость от внешних поставок можно объяснить через теорию сравнительных преимуществ Д. Рикардо и модель Э. Хекшера – Б. Олина. Государства, не имеющие крупных собственных ресурсов, сосредотачиваются на секторах с более высокой добавленной стоимостью, а энергоносители покупают за рубежом. Но опыт последних лет показал предел такой логики. Когда поставки становятся политически уязвимыми, на первый план выходит уже не только выгода, но и надежность. Поэтому постепенный поворот ЕС к диверсификации, резервам и укреплению энергосистемы подтверждает значение теории энергетической безопасности, в которой важны доступность, приемлемость и стабильность ресурсов.

Наконец, устойчивое присутствие ограниченного круга ключевых партнеров и возникающие асимметрии подтверждают релевантность теории зависимости и асимметричных отношений А. Хиршмана, фиксирующей политико-экономические риски чрезмерной концентрации импорта.

1.3 Причины и развитие энергетического кризиса в ЕС (2021–2022 гг.)

В предкризисный период с 2018 г. по третий квартал 2021 г. энергетический рынок ЕС (на тот момент включавший Великобританию) сохранял устойчивость, но имел ряд уязвимостей. Доля импортируемых энергоресурсов (в расчете от валовой

доступной энергии в ЕС) в 2019 г. превышала 62,3%, при этом 89,7% природного газа и свыше 105% нефтяных поставок (нефть и нефтепродукты) по показателю импортной зависимости ЕС (с учетом реэкспорта нефтепродуктов) обеспечивались за счет импорта от ограниченного числа поставщиков⁴⁰. На фоне реализации климатической политики в рамках European Green Deal в 2019 г.⁴¹ и пакета Fit for 55 в 2021 г.⁴² происходило перераспределение инвестиционных потоков в пользу возобновляемых источников энергии, что приводило к замедлению ввода новых мощностей по добыче и переработке традиционных энергоресурсов.

На глобальном уровне усиливалась конкуренция за СПГ между основными импортерами. Рост экономической активности в странах Азии, прежде всего в Китае и Индии, стимулировал увеличение закупок СПГ, что ограничивало возможности ЕС по оперативному наращиванию импорта в условиях резкого сокращения поставок и нарушения баланса спроса и предложения на мировом газовом рынке⁴³. При этом в ряде государств Восточной Европы сохранялась высокая зависимость от одного ключевого поставщика — Российской Федерации как по поставкам природного газа, так и по импорту нефти. Такая концентрация источников делала энергосистему этих стран особенно уязвимой к внешним перебоям.

В начале 2020 г. мировой энергетический рынок столкнулся с резким падением спроса из-за пандемии COVID-19. Снижение потребления привело к кратковременному обвалу цен и заморозке части инвестиционных проектов в нефтегазовом секторе⁴⁴. Однако уже в конце 2021 г. произошло стремительное

⁴⁰ European Commission: Directorate-General for Energy. EU energy in figures – Statistical pocketbook 2024. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2024. P. 26.

⁴¹ Европейский зеленый курс (European Green Deal) – стратегическая инициатива Европейского союза, представленная Европейской комиссией в декабре 2019 г.

⁴² Fit for 55 package – пакет законодательных предложений Европейской комиссии, опубликованный в июле 2021 г., нацеленный на сокращение чистых выбросов парниковых газов в ЕС не менее чем на 55% к 2030 г. по сравнению с уровнем 1990 г. Включает пересмотр ключевых директив и регламентов в области энергетики, транспорта, налогообложения и торговли квотами на выбросы.

⁴³ Попадько Н. В., Бодров А. А. Энергопереход в ФРГ: риски и возможности в условиях геополитической напряженности // Вестник Финансового университета. 2023. № 3. С. 80–93.

⁴⁴ Сергеева З. В. Четвертый энергетический переход и европейский энергетический кризис: уроки для ЕАЭС // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2023. № 1. С. 25–39.

восстановление спроса, которое опередило темпы восстановления предложения. Это вызвало рост цен на газ и нефть, а также усиление конкуренции за поставки в условиях ограниченного предложения.

Еще в 2021 г. председатель правления ПАО Сбербанк Греф Г.О. подчеркивал, что среди ключевых предпосылок надвигающегося энергетического кризиса в Европе можно выделить ошибки в планировании энергоперехода, отказ от долгосрочных газовых контрактов, сокращение генерации энергии из возобновляемых источников и низкий уровень запасов в подземных хранилищах газа⁴⁵.

В 2022 г. ситуацию усугубило значительное сокращение трубопроводных поставок газа и введение нефтяного эмбарго на морские поставки сырой нефти из России в рамках экономических санкций⁴⁶. Данный фактор имел выраженный экономический эффект: резкое уменьшение объемов долгосрочных поставок по фиксированным ценам привело к росту доли спотовых закупок и увеличению ценовой волатильности.

Овакимян М.С. и Юсупов Г.Э. отмечают, что энергетический кризис в ЕС в 2021–2022 гг. был обусловлен, с одной стороны, высокой структурной зависимостью стран ЕС от российских энергоресурсов, сформировавшейся в предшествующий период, а с другой — ускоренным и недостаточно подготовленным отказом от их закупок. Дополнительными факторами кризиса стали несостоятельность форсированного перехода к возобновляемым источникам энергии, ограниченные возможности диверсификации поставок, а также недостаточный уровень заполненности подземных газовых хранилищ накануне отопительного сезона. При этом меры по энергосбережению, предложенные Европейской комиссией, не дали

⁴⁵ Греф назвал причины энергетического кризиса в Европе // РБК. 2021. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6187c7539a7947eb9a2cca9e> (дата обращения: 03.11.2023).

⁴⁶ Шуранова А. А., Петрунин Ю. Ю. энергетический кризис 2021-2022 гг. в отношениях России и европейского союза // Государственное управление. Электронный вестник. 2022. №90. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/energeticheskiy-krizis-2021-2022-gg-v-otnosheniyah-rossii-i-evropeyskogo-soyuza> (дата обращения: 03.11.2023).

ожидаемого эффекта, а альтернативные поставщики оказались неспособны в краткосрочной перспективе полностью компенсировать сокращение российских поставок⁴⁷.

На наш взгляд, ключевой проблемой стало то, что Европейский союз оказался не готов к адекватной и оперативной адаптации энергетической системы к этим шокам. К числу основных ограничений относились узкие места инфраструктуры, длительные сроки ввода новых объектов, ограниченные возможности по перераспределению потоков между регионами и жесткая контрактная база с фиксированными условиями поставок. Дополнительным фактором стало увеличение расходов на импорт нефти и газа от альтернативных поставщиков, что усилило нагрузку на экономику региона.

Пост пандемийный всплеск спроса, сокращение трубопроводных поставок российского природного газа, рост импорта сжиженного природного газа (2022–2024 гг.), а также нефтяное эмбарго (с декабря 2022 г.) стали катализаторами кризиса, приведя к росту цен на энергоносители, повышению инфляционного давления и усилению нагрузки на потребителей и промышленность (см. таблицу 6).

Таблица 6.

Основные причины энергетического кризиса в ЕС и их экономическое воздействие

Фактор	Экономическое воздействие
Высокая глобальная зависимость от импорта энергоносителей (с 2020 г.)	Повышение риска перебоев в поставках и ценовой чувствительности
Пандемия COVID-19 (2020–2021 гг.) и заморозка инвестиционных проектов в нефтегазовом секторе	Снижение спроса в первом полугодии 2020 г., затем рост ценового давления при восстановлении
Рост мировых цен на энергоносители вследствие дисбаланса спроса и предложения после пандемии и усиленной конкуренции за СПГ (2020–2021 гг.)	ограничение возможностей перераспределения поставок и диверсификации источников

⁴⁷Овакимян М. С., Юсупов Г. Э. Энергетический кризис: нефтегазовый товарооборот России в условиях санкционного давления Запада // Российский внешнеэкономический вестник. 2022. № 10. С. 54–69.

Геоэкономические факторы: санкционные ограничения ЕС в отношении российского нефтегазового сектора, сокращение поставок трубопроводного газа и введение нефтяного эмбарго (2022 г.)	Снижение объемов долгосрочных поставок и рост спотовых цен (сокращение импорта российских нефти и газа)
Климатические условия: засушливые периоды и снижение выработки гидроэнергии, увеличившие нагрузку на газовую генерацию (2022–2023 гг.)	Рост зависимости от газовой генерации и ценового давления на рынке газа
Ограниченные возможности адаптации ЕС к шокам: узкие места инфраструктуры, длительные сроки ввода объектов, жесткая контрактная база (2023–2024 гг.)	Повышенная уязвимость энергетического рынка ЕС при изменении рыночной конъюнктуры

Источник: Составлено автором

Эти факторы, в особенности сокращение поставок из традиционных источников, прежде всего Российской Федерации, заставили ЕС активно искать альтернативных поставщиков. В условиях высокой ценовой волатильности и ограниченности долгосрочных контрактов страны ЕС были вынуждены наращивать закупки у альтернативных партнеров, что сопровождалось ростом доли поставок СПГ и увеличением морского импорта нефти и нефтепродуктов. В результате произошел сдвиг как в объемных, так и в структурных параметрах импорта: снизилась доля прежних лидеров, тогда как позиции экспортеров с гибкой логистикой и доступом к свободным ресурсам, в том числе из стран Ближнего Востока и Северной Африки, значительно укрепились.

В этой связи особый интерес представляет анализ динамики внешних поставок по основным категориям углеводородных ресурсов (сырой нефти, нефтепродуктов, природного газа и сжиженного природного газа) в период 2019–2024 гг. Рассмотрение данных товарных групп позволяет выявить, каким образом ЕС компенсировал сокращение поставок из Российской Федерации и какие страны заняли место ключевых альтернативных экспортеров.

С точки зрения импорта сырой нефти страны ЕС сохраняют устойчивую зависимость от внешних поставок, несмотря на меры по стимулированию «зеленого»

перехода и развитию альтернативной энергетики. В 2019 г. крупнейшим поставщиком сырой нефти в ЕС являлась Россия (см. таблицу 7), объем ее поставок составил 138,53 млн т, что соответствовало 27,31% совокупного импорта. Значимыми экспортерами выступали Ирак с объемом 44,93 млн т (8,86%), КСА — 38,23 млн т (7,54%), Казахстан — 36,81 млн т (7,26%) и США — 27,40 млн т (5,40%).

К 2024 г. структура поставок претерпела существенные изменения. Россия значительно сократила объем экспорта до 11,71 млн т, что соответствует снижению на 91,55% по сравнению с 2019 г. В то же время США существенно нарастили поставки, увеличив экспорт до 70,01 млн т, продемонстрировав рост на 155,51%. Аналогичная тенденция наблюдалась в Норвегии, где объем экспорта достиг 65,91 млн т, увеличившись на 86,87%. Ливия сохранила устойчивые позиции с объемом 34,39 млн т, тогда как Алжир увеличил поставки до 13,01 млн т. В свою очередь, КСА и Ирак продемонстрировали сокращение экспорта до 34,70 млн т и 28,50 млн т соответственно. В целом совокупный импорт нефти снизился с 507,16 млн т в 2019 г. до 471,28 млн т в 2024 г., что соответствует сокращению на 7,07%.

Таблица 7.

Структура импорта сырой нефти в Европейский союз в 2019–2024 гг., млн т

Страна-поставщик	2019 г.	Доля от общего импорта %	2020 г.	Доля от общего импорта %	2021 г.	Доля от общего импорта %	2022 г.	Доля от общего импорта %	2023 г.	Доля от общего импорта %	2024г	Доля от общего импорта %	Динамика 2019–2024 гг., %
Норвегия	35,27	6,95	38,26	8,71	43,69	9,79	54,07	11,27	65,61	13,92	65,91	13,99	86,87
Россия	138,53	27,31	112,98	25,71	112,45	25,19	88,43	18,44	14,37	3,05	11,71	2,48	-91,55
Алжир	11,98	2,36	9,77	2,22	10,41	2,33	12,56	2,62	13,07	2,77	13,01	2,76	8,60
Ливия	31,41	6,19	9,19	2,09	35,38	7,92	28,78	6,00	34,19	7,25	34,39	7,30	9,49
США	27,4	5,40	35,07	7,98	37,35	8,37	48,29	10,07	67,19	14,25	70,01	14,86	155,51
Казахстан	36,81	7,26	37,36	8,50	35,75	8,01	36,57	7,62	44,61	9,46	52,35	11,11	42,22
Ирак	44,93	8,86	29,11	6,62	32,47	7,27	37,15	7,75	35,77	7,59	28,5	6,05	-36,57
КСА	38,23	7,54	34,56	7,86	23,82	5,34	35,49	7,40	35,66	7,56	34,7	7,36	-9,23
Прочие	142,6	28,12	133,14	30,30	115,13	25,79	138,3	28,83	160,99	34,15	160,7	34,10	12,69
Итого	507,16	100,00	439,44	100,00	446,45	100,00	479,64	100,00	471,46	100,00	471,28	100,00	-7,07

Источник: Составлено автором по данным Eurostat (URL:

https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/nrg_ti_oil__custom_22088003/default/table)

Согласно данным Eurostat за 2024 г., в натуральном выражении импорт сырой нефти из России в ЕС сократился по сравнению с 2019 г. на 91,55% — наиболее резкое снижение среди всех экспортеров, а в стоимостном выражении поставки упали с 56,7 млрд евро до 6,4 млрд евро (см. рисунок 4).

Хотя ЕС увеличил объемы импорта сырой нефти от других ключевых поставщиков, таких как США и Норвегия, чтобы компенсировать дефицит, образовавшийся после сокращения российских поставок, в стоимостном выражении это означало, что диверсификация оказалась более затратной: совокупный объем импорта сырой нефти из-за пределов интеграционного объединения вырос с 211,8 млрд евро в 2019 г. до 261,8 млрд евро в 2024 г., что соответствует росту на 23,6%.

Подобная динамика во многом определяется ценовой волатильностью на мировом нефтяном рынке, а также ограниченными возможностями замещения нефти другими источниками энергии в краткосрочной перспективе. В этих условиях именно импорт нефти остается одной из ключевых статей энергетических расходов ЕС, формируя основу его энергетического баланса.

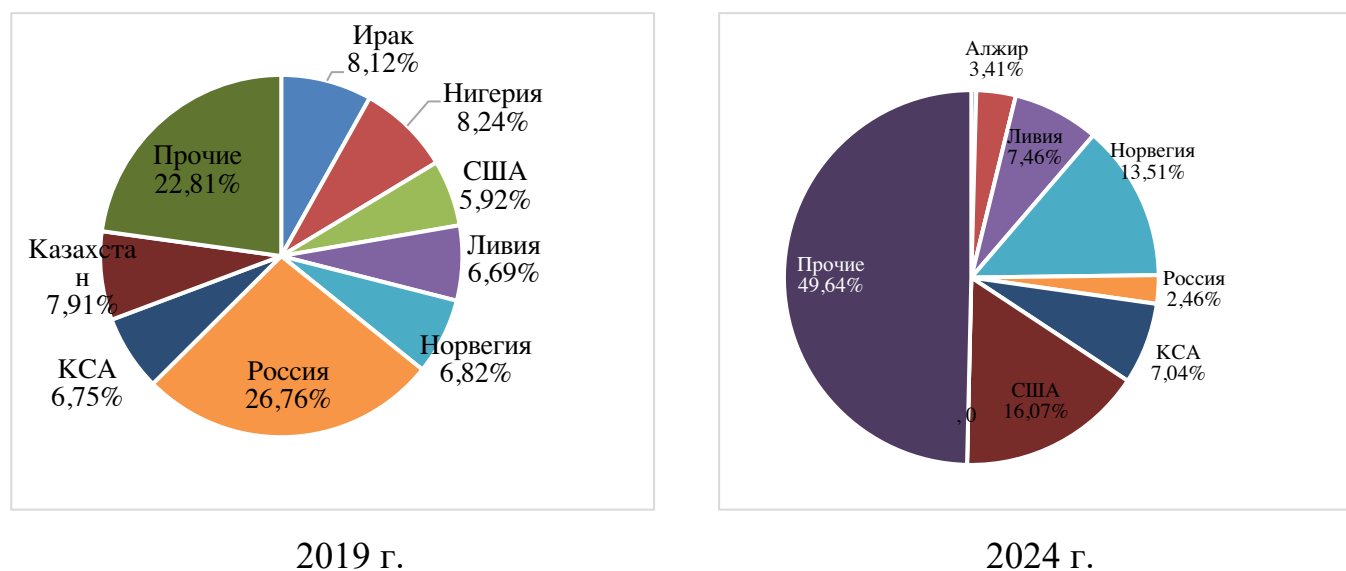

Рисунок 4. Доля импорта сырой нефти (товарная группа HS2709) по странам-партнерам ЕС в 2019 и 2024 гг., (млрд евро), %

Источник: Составлено автором по данным Eurostat (URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/ds-059341_custom_17568035/default/table)

Таким образом, резкое снижение поставок из России было компенсировано увеличением закупок у США и Норвегии, а также расширением географии поставок, хотя это обходилось дороже. Эти изменения формируют новую структуру импортной зависимости Европейского союза, основанную на более диверсифицированных и гибких логистических цепочках.

Подобно импорту сырой нефти, поставки нефтепродуктов в страны ЕС также претерпели существенные изменения в своей структуре (см. таблицу 8). В 2019 г. крупнейшим поставщиком нефтепродуктов в ЕС являлась Россия, объем ее экспорта составил 60,63 млн т, что соответствовало 17,84% совокупного импорта. Второе место занимали США с показателем 19,12 млн т (5,63%). КСА обеспечила 12,31 млн т (3,62%), Индия — 6,28 млн т (1,85%).

К 2024 г. российский экспорт нефтепродуктов сократился до 3,60 млн т, что соответствует снижению на 94,06% по сравнению с 2019 г. США, напротив, увеличили объем поставок до 26,76 млн т, продемонстрировав рост на 39,96%. Индия нарастила экспорт до 9,37 млн т, что означает увеличение на 49,20%. Казахстан также увеличил поставки до 0,77 млн т, показав рост на 175,00%, тогда как Ирак — до 2,28 млн т, с ростом на 1528,57%. В свою очередь, КСА несколько увеличила экспорт до 12,34 млн т, тогда как Алжир нарастил поставки до 8,62 млн т, что соответствует росту на 16,80%. В целом совокупный импорт нефтепродуктов в ЕС сократился с 339,80 млн т в 2019 г. до 322,16 млн т в 2024 г., что эквивалентно снижению на 5,19%.

Структура импорта нефтепродуктов в Европейский союз в 2019–2024 гг., млн т

Страна-поставщик	2019 г.	Доля от общего импорта %	2020 г.	Доля от общего импорта %	2021 г.	Доля от общего импорта %	2022 г.	Доля от общего импорта %	2023 г.	Доля от общего импорта %	2024 г.	Доля от общего импорта %	Динамика 2019–2024 гг., %
Норвегия	9	2,65	9,72	3,18	8,69	2,68	6,45	1,96	6,61	2,11	6,39	1,98	-29,00
Россия	60,63	17,84	56,96	18,64	60,78	18,74	43,59	13,24	7,04	2,24	3,60	1,12	-94,06
Алжир	7,38	2,17	8,46	2,77	8,32	2,57	6,71	2,04	7,87	2,51	8,62	2,68	16,80
Ливия	1,66	0,49	0,63	0,21	0,98	0,30	1,41	0,43	1,38	0,44	1,14	0,35	-31,33
США	19,12	5,63	17,02	5,57	53,42	16,47	18,15	5,51	20,76	6,61	26,76	8,31	39,96
Казахстан	0,28	0,08	0,27	0,09	0,37	0,11	0,76	0,23	1,15	0,37	0,77	0,24	175,00
Индия	6,28	1,85	2,9	0,95	3,38	1,04	4,66	1,42	9,38	2,99	9,37	2,91	49,20
Ирак	0,14	0,04	0	0,00	0,03	0,01	0,04	0,01	1,64	0,52	2,28	0,71	1528,57
КСА	12,31	3,62	9,81	3,21	7,24	2,23	9,16	2,78	10,56	3,36	12,34	3,83	0,24
Прочие	223	65,63	199,89	65,40	181,08	55,84	238,31	72,38	247,62	78,86	250,89	77,88	12,51
Итого	339,80	100,00	305,66	100,00	324,29	100,00	329,24	100,00	314,01	100,00	322,16	100,00	-5,19

Источник: Составлено автором по данным Eurostat (URL:

https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/nrg_ti_oil__custom_22088003/default/table)

Примечание: Показатели импорта нефтепродуктов рассчитаны как разница между совокупным объемом импорта нефти и нефтепродуктов ([04000] Oil and petroleum products) и объемом импорта сырой нефти ([04100_TOT] Crude oil) по данным Евростата (nrg_ti_oil).

В стоимостном выражении в млрд евро структура выглядела иначе. Доля России сократилась более чем на 34%. США, Индия, КСА и ОАЭ значительно увеличили свое присутствие. Это связано с резким ростом цен на нефтепродукты в 2021–2023 гг., особенно на дизель и авиационный керосин. Индия и ближневосточные страны поставляли продукты с более высокой добавленной стоимостью, а Россия реализовывала продукцию с дисконтом. В итоге в денежном выражении позиции России сократились сильнее, чем в физических объемах, тогда как США и Индия усилили долю в денежном выражении более существенно, чем в физическом.

Совокупный объем импорта нефтепродуктов из-за пределов интеграционного объединения увеличился с 64,7 млрд евро в 2019 г. до 69,5 млрд евро в 2024 г., что соответствует росту на 7,9%. Данная динамика отражает необходимость покрытия внутреннего дефицита в условиях сокращения переработки в ряде стран ЕС. В этих условиях импорт нефтепродуктов остается важным элементом энергетического баланса региона, обеспечивая стабильность снабжения конечных потребителей и промышленности (см. рисунок 5).

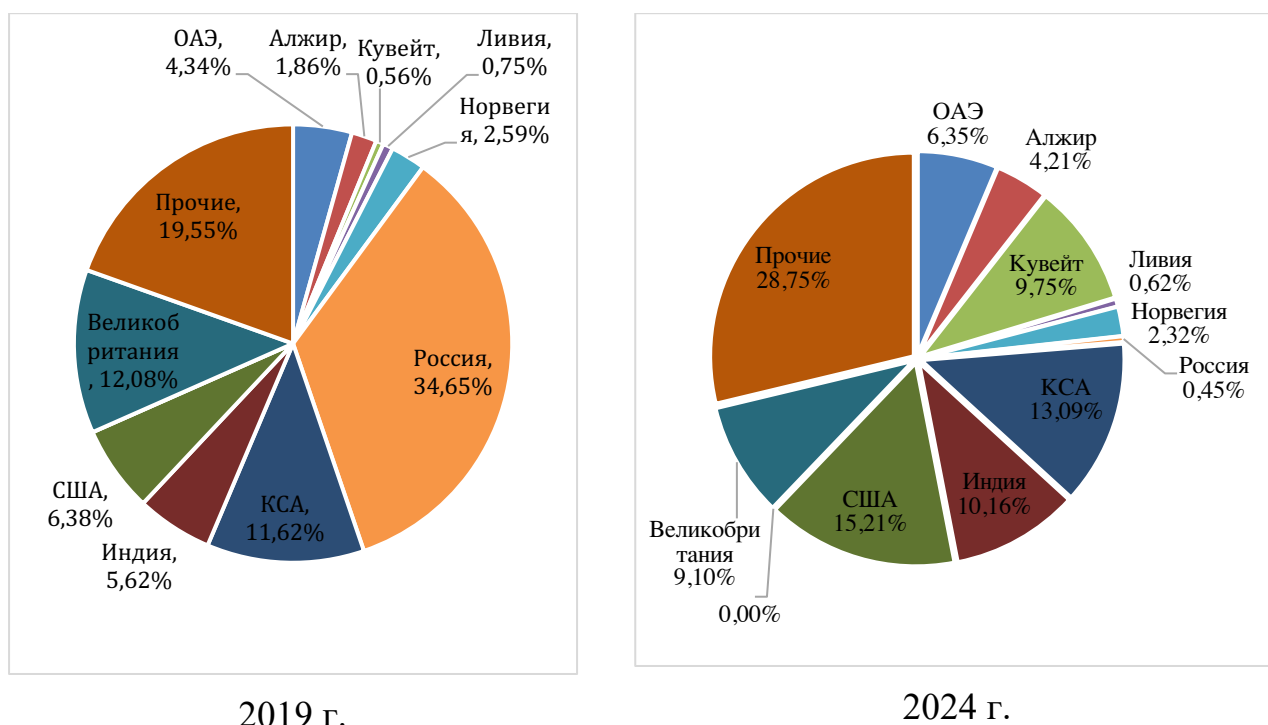

Рисунок 5. Доля импорта нефтепродуктов по товарной группе HS2710 по странам-партнерам ЕС в 2019 и 2024 гг., (млрд евро), %

Источник: Составлено автором по данным Eurostat (URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/ds-059341_custom_17748367/default/table)

Таким образом, резкое снижение стоимости поставок из Российской Федерации было компенсировано за счет увеличения импорта из Соединенных Штатов Америки и Республики Индия, а также за счет укрепления позиций арабских поставщиков и перераспределения импорта в пользу морских маршрутов и альтернативных поставщиков.

Основной причиной сокращения импорта нефти из России в страны ЕС стало введение европейского эмбарго. С декабря 2022 г. Европейский союз прекратил закупки российской сырой нефти, поставляемой морским транспортом, а спустя два месяца аналогичный запрет был распространен и на нефтепродукты. Параллельно страны «Большой семерки» (G7)⁴⁸ ввели ограничения на морскую транспортировку

⁴⁸ «Большая семерка» (G7) – неформальное объединение экономически развитых государств, в состав которого входят США, Канада, Великобритания, Германия, Франция, Италия и Япония.

российских углеводородов, допустив ее лишь при соблюдении установленного ценового потолка. Первоначально максимальная стоимость барреля сырой нефти была зафиксирована на уровне 60 долларов (≈ 55 евро), однако после введения 18-го пакета санкций в 2025 г. потолок был снижен до 47,6 доллара (≈ 44 евро) за баррель. Для нефтепродуктов сохранилась двухступенчатая система: «премиальные» виды, включая дизельное топливо, керосин и бензин, — до 100 долларов (≈ 92 евро) за баррель, а «дисконтные» продукты, такие как мазут и нефтя, — до 45 долларов (≈ 41 евро) за баррель⁴⁹.

В результате совокупный объем импорта российской сырой нефти в ЕС снизился с 54,8 млрд евро в 2022 г. до 6,4 млрд евро в 2024 г., а импорт нефтепродуктов — с 35,4 млрд евро до 0,3 млрд евро за тот же период (см. рисунок 6).

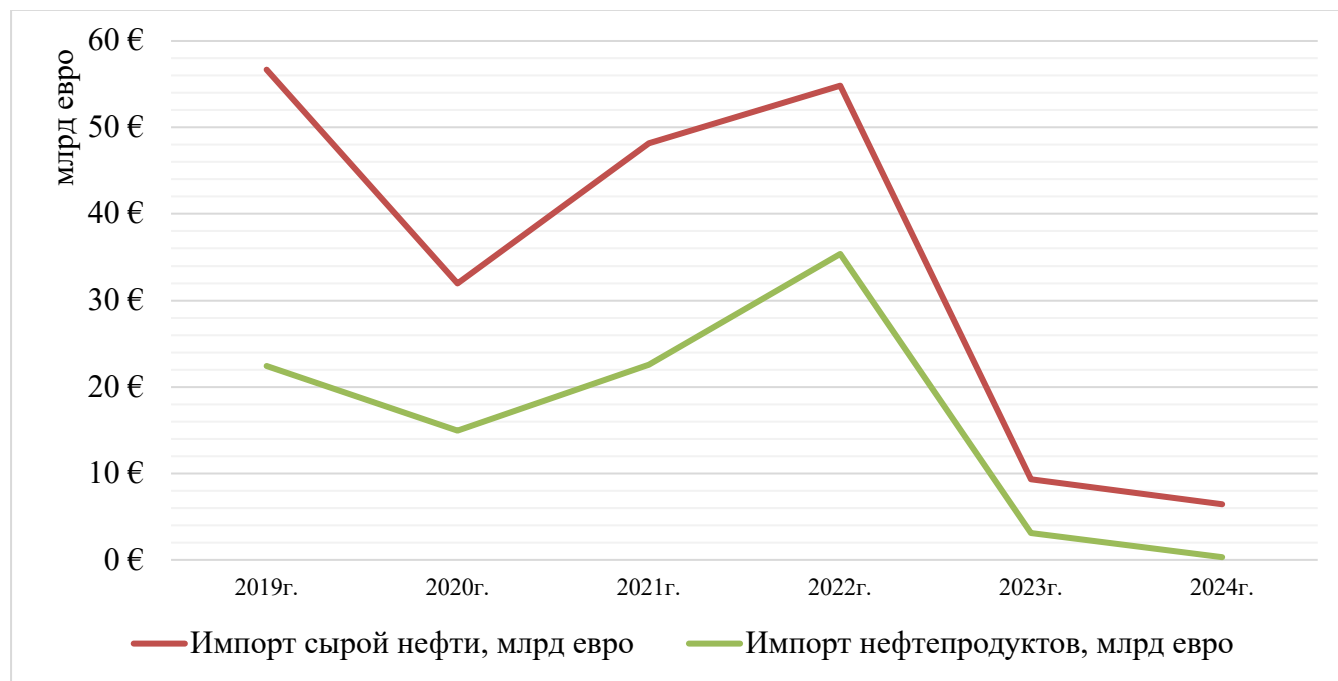

Рисунок 6. Импорт сырой нефти и нефтепродуктов из Российской Федерации в ЕС в 2019–2024 гг., (млрд евро)

⁴⁹ European Commission. EU adopts 18th package of sanctions against Russia, 2025. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_25_1840.

Источник: Составлено автором по данным Eurostat. Импорт сырой нефти (товарная группа HS2709) и нефтепродуктов (товарная группа HS2710). (URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/ds-059341_custom_17750282/default/table)

Снижение объемов импорта из России начиная с 2022 г. и активный поиск ЕС альтернативных поставщиков стимулировали рост цен на сырую нефть и нефтепродукты, импортируемых из-за пределов интеграционного объединения. В результате средние импортные цены достигли пика в 2022 г., составив 694,58 евро за тонну по сырой нефти и 938,50 евро за тонну по нефтепродуктам (см. рисунок 7).

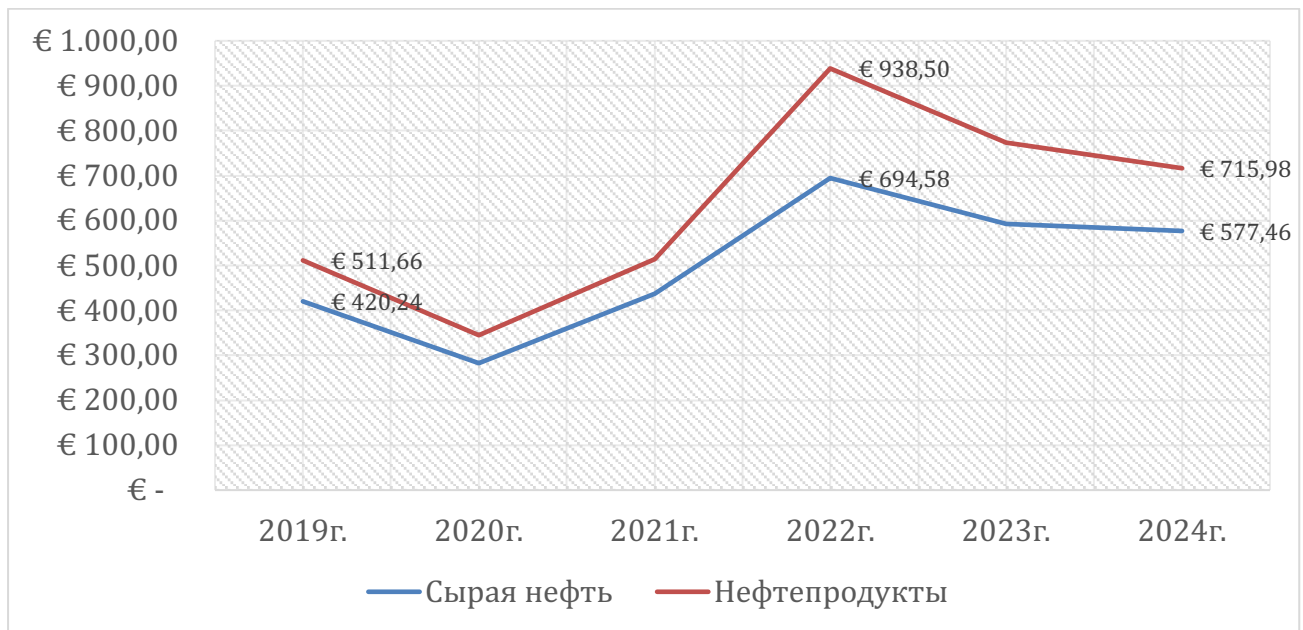

Рисунок 7. Динамика средних импортных цен сырой нефти (HS 2709) и нефтепродуктов (HS 2710) в ЕС в 2019–2024 гг., евро/т

Источник: Составлено автором по данным Eurostat. Импорт сырой нефти (товарная группа HS2709) и нефтепродуктов (товарная группа HS2710). (URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/ds-059341_custom_17750282/default/table)

На наш взгляд, данная ценовая волатильность свидетельствует о том, что европейский рынок остается крайне чувствительным к внешнеполитическим и конъюнктурным факторам, а высокая стоимость импорта формирует дополнительную

нагрузку на промышленный сектор и конечных потребителей. Более того, ценовые колебания усиливают зависимость ЕС от внешних поставщиков: при сохранении высокой доли импорта даже временное удорожание ресурсов становится фактором макроэкономической нестабильности.

Рост цен во многом объясняется перераспределением потоков в пользу Соединенных Штатов Америки, Королевства Норвегия и арабских поставщиков, чьи поставки обходились дороже российских как вследствие более длинных маршрутов транспортировки, так и из-за меньшей ценовой конкурентоспособности (см. приложение 1).

В результате удорожания энергоресурсов усилилось давление на производителей и промышленность Европейского союза, что сократило их конкурентоспособность на мировом рынке и увеличило расходы домохозяйств. Все это способствовало росту инфляционного давления и возрастанию социально-экономических рисков в странах ЕС.

Таким образом, статистические данные подтверждают наличие устойчивой тенденции диверсификации поставок нефти и нефтепродуктов в Европейский союз, сопровождающейся снижением зависимости от традиционно доминирующего поставщика — России, а также расширением долей альтернативных экспортеров, среди которых США, ОАЭ, КСА, Кувейт и Индия. Такая трансформация на первый взгляд соответствует заявленным приоритетам Европейского союза по формированию более устойчивой, гибкой и многовекторной энергетической архитектуры.

Вместе с тем следует учитывать, что Индия фактически выступает в роли третьей стороны, реэкспортирующей российскую нефть с наценкой⁵⁰. Это означает, что, несмотря на снижение прямой зависимости от России, финансовая нагрузка на государства ЕС увеличилась, что негативно отражается на конкурентоспособности

⁵⁰ Арапова Е. Я., Силаев Н. Ю. Практическая многополярность: как Индия выигрывает от украинского кризиса // Сравнительная политика. 2023. Т. 14, № 3. С. 133–148.

экономики, усиливает инфляционное давление и снижает устойчивость энергетической стратегии в долгосрочной перспективе.

В соответствии с разъяснениями Европейской комиссии, в договорах на поставку нефти и нефтепродуктов «импортерам рекомендуется включать пункт, согласно которому экспортер подтверждает, что продаваемая нефть не содержит российской нефти»⁵¹.

С точки зрения импорта природного газа страны Европейского союза также сохраняют устойчивую зависимость от внешних поставок (см. таблицу 9). В 2019 г. ключевым поставщиком природного газа в ЕС оставалась Россия, обеспечивавшая 145,74 млрд м³ (45,65% от общего объема импорта). На втором месте находилась Норвегия (16,08%), далее следовали Алжир (6,83%) и Великобритания (1,91%). Ливия и прочие поставщики суммарно обеспечивали 29,52%.

К 2024 г. структура поставок природного газа существенно изменилась: импорт из России сократился до 17,79 млрд м³, что означает снижение на 87,79% по сравнению с 2019 г. Основным поставщиком окончательно закрепились Норвегия, увеличившая экспорт до 79,64 млрд м³. Значительно возросла роль Алжира, доля которого достигла 14,03%, а объем поставок составил 30,88 млрд м³. Существенное значение приобрел и Азербайджан, который в 2019 г. не осуществлял поставок, однако к 2024 г. нарастил экспорт до 12,35 млрд м³ за счет развития инфраструктуры Южного газового коридора, включающего Трансанатолийский (TANAP) и Трансадриатический (TAP) газопроводы⁵².

⁵¹ Там же.

⁵² Маркаров А., Давтян В. Состояние и развитие нефтегазового сектора Азербайджана в 2022 г. // Россия и новые государства Евразии. 2022. № 3 (56). С. 9–28.

Таблица 9.

Структура импорта природного газа по газопроводам в Европейский союз в 2019–2024 гг., млрд м³

Страна-поставщик	2019 г.	Доля от общего импорта%	2020 г.	Доля от общего импорта %	2021 г.	Доля от общего импорта%	2022 г.	Доля от общего импорта%	2023 г.	Доля от общего импорта %	2024 г.	Доля от общего импорта %	Динамика 2019–2024 гг., %
Норвегия	51,33	16,08	65,13	22,97	58,89	19,69	67,63	24,37	74,7	33,15	79,64	36,19	55,15
Великобритания	6,11	1,91	7,27	2,56	5,53	1,85	12,53	4,52	8,82	3,91	7,07	3,21	15,71
Россия	145,74	45,65	135,45	47,78	141,21	47,21	66,73	24,05	14,22	6,31	17,79	8,08	-87,79
Алжир	21,82	6,83	21,24	7,49	35,00	11,70	33,31	12,01	32,01	14,20	30,88	14,03	41,52
Ливия	5,70	1,79	4,46	1,57	3,23	1,08	3,12	1,12	2,52	1,12	1,41	0,64	-75,26
Азербайджан	0	0,00	0,04	0,01	8,71	2,91	8,71	3,14	12,01	5,33	12,35	5,61	-
Прочие	88,54	27,73	49,91	17,60	46,57	15,57	85,43	30,79	81,09	35,98	70,95	32,24	-19,87
Итого	319,24	100,00	283,50	100,00	299,14	100,00	277,46	100,00	225,37	100,00	220,09	100,00	-31,06

Источник: Составлено автором по данным Eurostat (URL:

https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/nrg_ti_gas__custom_22088115/default/table)

Примечание: Показатели импорта природного газа рассчитаны как разница между совокупным объемом импорта газа [G3000] и объемом импорта сжиженного природного газа [G3200].

В целом импорт природного газа в 2019–2024 гг. сократился на 31,06%, что в значительной степени обусловлено резким снижением объемов поставок из России.

В стоимостном выражении (евро) падение оказалось менее резким, а по отдельным поставщикам (например, Алжиру) даже наблюдался рост, что объясняется повышением цен на газ в 2021–2022 гг. и значительной волатильностью на мировом рынке.

Таким образом, снижение физических объемов импорта не всегда сопровождалось сокращением его стоимости. Совокупный объем импорта газа из-за пределов интеграционного объединения увеличился с 20,8 млрд евро в 2019 г. до 37,4 млрд евро в 2024 г., что соответствует росту на 79,5%. Динамика во многом объясняется спецификой функционирования газотранспортной инфраструктуры и наличием магистральных трубопроводов, связывающих ЕС с основными поставщиками (см. рисунок 8).

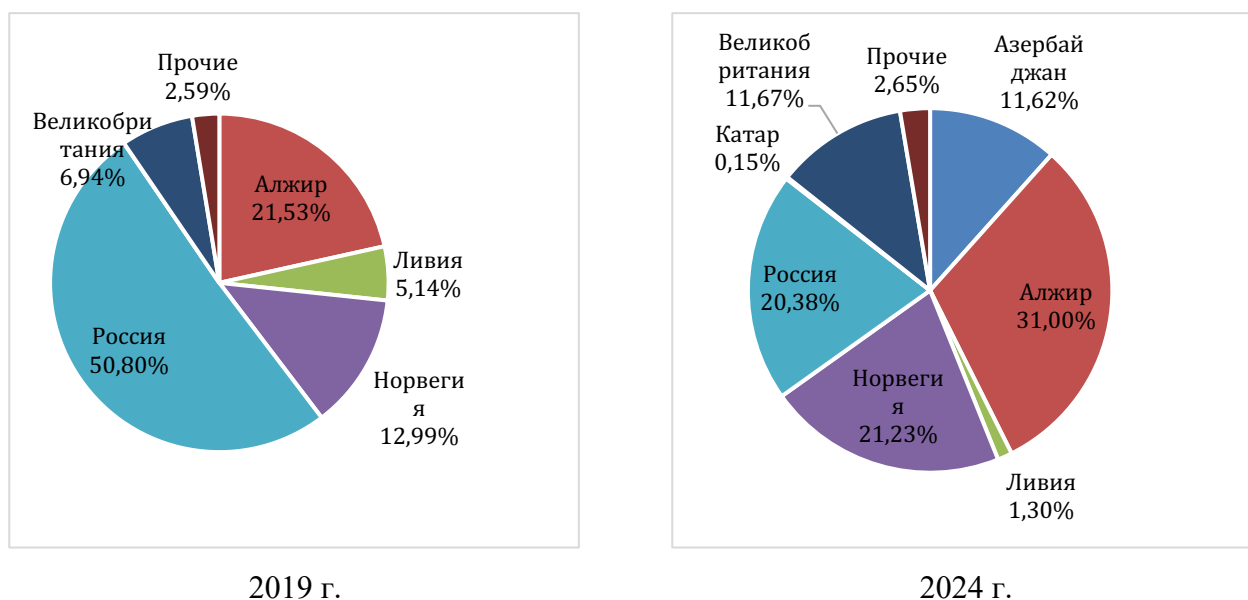

Рисунок 8. Доля импорта природного газа по товарной группе HS271121 (трубопроводные поставки) по странам-партнерам ЕС в 2019 и 2024 гг., (млрд евро), %

Источник: Составлено автором по данным Eurostat (URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/ds-059341_custom_17750893/default/table)

Такая ситуация формирует особую уязвимость региона, поскольку долгосрочные контракты и жесткая привязка к маршрутам поставок затрудняют быструю адаптацию к изменяющейся конъюнктуре мирового энергетического рынка. При этом наблюдается сокращение импорта природного газа из России с 10,6 млрд евро в 2019 г. до 7,6 млрд евро в 2024 г., тогда как наибольший рост обеспечили поставки из Норвегии и Алжира. В этих условиях именно импорт природного газа остается одной из ключевых статей энергетического баланса Европейского союза, играя значимую роль в обеспечении как промышленного производства, так и потребления домохозяйств.

Существенное снижение импорта природного газа из России в ЕС произошло в 2022 г., что было обусловлено прекращением поставок по газопроводам «Северный поток» и «Ямал — Европа». В случае «Северного потока» это было вызвано как политическими решениями, связанными с введением европейских санкций, так и физическим повреждением инфраструктуры в сентябре 2022 г., которое сделало эксплуатацию трубопровода невозможной. По газопроводу «Ямал — Европа» транзитные поставки были остановлены в связи с политическим кризисом в отношениях между Российской Федерацией и Европейским союзом, что фактически лишило этот маршрут статуса надежного канала транспортировки.

Транзит российского природного газа через территорию Украины также показал устойчивое снижение. К 2024 г. его объемы существенно сократились по сравнению с 2019 г., что связано с постепенным уменьшением контрактных обязательств, неопределенностью относительно продления соглашений о транзите и повышенными геополитическими рисками. На этом фоне единственным стабильным маршрутом стала инфраструктура «Турецкого потока». Объемы импорта по этому направлению, напротив, увеличились в 2019–2024 гг. на 23,7%, что объясняется относительной защищенностью этого маршрута от политических факторов, негативно влияющих на остальные транзитные направления (см. приложение 2).

После сокращения российских трубопроводных поставок ЕС стал активнее использовать другие направления импорта. Норвегия довела прокачку газа в Европейский союз до максимально возможных объемов. Этому способствовал и запуск газопровода Baltic Pipe, который осенью 2022 г. связал Норвегию с Польшей. Алжир после остановки транзита в Испанию через Марокко частично перенаправил экспорт через Италию. Азербайджан, в свою очередь, вывел трубопровод ТАР на полную загрузку. Параллельно начали работать новые соединения между газотранспортными сетями стран Восточной и Центральной Европы. Были также расширены трансграничные линии между Францией и Германией, Испанией и Францией, а также другими государствами.

Такие изменения сделали европейскую газовую систему более гибкой. Страны ЕС получили больше возможностей для перераспределения потоков между национальными рынками. За счет этого сокращение поставок из России удалось частично сгладить, хотя полностью заменить прежние объемы только инфраструктурными решениями было невозможно. Снижение импорта российского газа объясняется не одним фактором, а сочетанием политических решений, экономических условий и технических возможностей. На этом фоне рост роли «Турецкого потока» показывает стремление сохранить остаточный уровень энергетического взаимодействия с Россией, когда другие привычные маршруты утратили прежнее значение.

Иная динамика наблюдалась в сфере СПГ. В отличие от трубопроводного газа, его поставки в ЕС заметно выросли (см. таблицу 10). В 2019 г. главным поставщиком СПГ для Европейского союза был Катар, на который приходилось 24,47%. Далее следовали Россия (16,33%), Нигерия (15,31%) и США (14,58%). Общий импорт СПГ достиг 85,98 млрд м³.

Таблица 10.

Структура импорта сжиженного природного газа в Европейский союз в 2019–2024 гг., млрд м³

Страна-поставщик	2019 г.	Доля от общего импорта%	2020 г.	Доля от общего импорта %	2021 г.	Доля от общего импорта%	2022 г.	Доля от общего импорта%	2023 г.	Доля от общего импорта %	2024 г.	Доля от общего импорта %	Динамика 2019–2024 гг., %
Норвегия	5,54	6,44	3,89	4,97	0,30	0,40	3,07	2,40	5,11	3,83	5,04	4,56	-9,03
Россия	14,04	16,33	12,72	16,25	12,02	15,97	17,09	13,35	19,18	14,37	20,05	18,14	42,81
Алжир	8,64	10,05	7,69	9,82	7,82	10,39	7,38	5,76	9,12	6,83	9,25	8,37	7,06
Нигерия	13,16	15,31	11,24	14,36	10,79	14,34	10,51	8,21	8,13	6,09	5,84	5,28	-55,62
США	12,54	14,58	15,61	19,94	20,27	26,93	53,00	41,39	57,08	42,75	45,62	41,27	263,80
Катар	21,04	24,47	16,35	20,88	15,33	20,37	19,12	14,93	15,52	11,62	11,06	10,00	-47,43
Прочие	11,02	12,82	10,80	13,79	8,74	11,61	17,89	13,97	19,37	14,51	13,69	12,38	24,23
Итого	85,98	100,00	78,3	100,00	75,27	100,00	128,06	100,00	133,51	100,00	110,55	100,00	28,58

Источник: Составлено автором по данным Eurostat (URL:

https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/nrg_ti_gas__custom_22088115/default/table)

К 2024 г. произошел дальнейший сдвиг в структуре импорта СПГ. США заняли позицию крупнейшего поставщика, обеспечив 45,62 млрд м³, что в 3,6 раза превышает уровень 2019 г. В то же время объем поставок Катара снизился до 11,06 млрд м³, а Нигерии — до 5,84 млрд м³. Россия, напротив, увеличила объем поставок до 20,05 млрд м³, продемонстрировав рост по сравнению с 2019 г.

В целом импорт СПГ в ЕС увеличился с 85,98 млрд м³ в 2019 г. до 110,55 млрд м³ в 2024 г., что соответствует росту на 28,58%, при этом наращивание импорта СПГ также способствовало компенсации сокращения поставок трубопроводного природного газа.

В стоимостном выражении (евро) рост оказался еще более выраженным (см. рисунок 9). Несмотря на то, что по объемам поставки Катара и Нигерии сократились, в денежном выражении они могли показывать рост в отдельные годы из-за резкого удорожания СПГ на спотовом рынке в период энергетического кризиса 2021–2022 гг. Если в 2019 г. общий объем импорта сжиженного природного газа составил 15,7 млрд евро, то в 2024 г. он увеличился более чем в два раза, достигнув 36,6 млрд евро.

Подобная динамика объясняется необходимостью компенсировать снижение поставок российского трубопроводного газа, а также диверсификацией источников за счет расширения закупок у США, Катара, Алжира и Нигерии.

Особого внимания заслуживает рост импорта сжиженного природного газа из России: в 2019 г. поставки составляли 2,0 млрд евро, а в 2024 г. они увеличились до 7,2 млрд евро, что соответствует росту более чем на 263%. Согласно данным Агентства по сотрудничеству органов регулирования энергетики (ACER), в 2024 г. государства — члены Европейского союза импортировали на 3,9 млрд м³ больше российского СПГ, чем в 2023 г. Наибольший прирост пришелся на Францию, которая стала крупнейшим импортером российского СПГ в ЕС; за ней следуют Испания и Бельгия. Совокупно эти три государства обеспечили 85% из 21,3 млрд м³, импортированных из России в 2024 г. Хотя значительная часть поставок потреблялась

внутри этих стран, часть объемов перенаправлялась на соседние рынки, однако их конечный объем остается трудно определяемым⁵³.

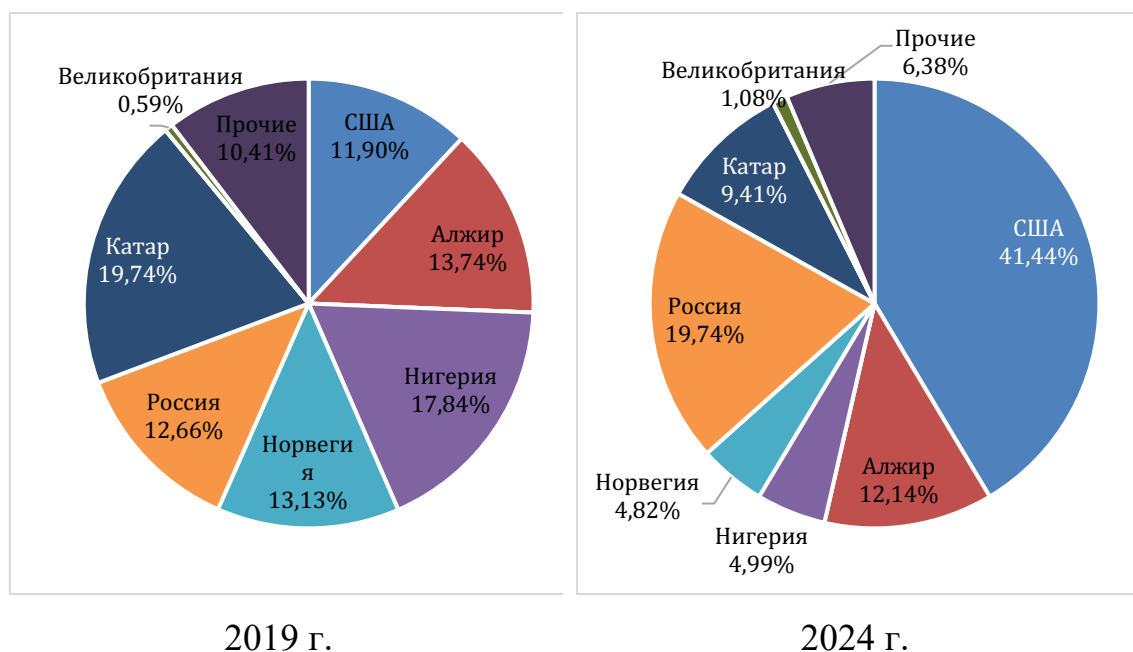

Рисунок 9. Доля импорта сжиженного природного газа по товарной группе HS271111 по странам-партнерам ЕС в 2019 и 2024 гг., (млрд евро), %

Источник: Составлено автором по данным Eurostat (URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/ds-059341_custom_17750893/default/table)

Таким образом, в условиях энергетического кризиса и эмбарго на российские углеводороды сжиженный природный газ стал одной из ключевых альтернатив, позволивших ЕС сократить зависимость от ограниченного числа поставщиков и повысить гибкость импорта энергоресурсов. В короткие сроки в ЕС были развернуты новые мощности для приема сжиженного природного газа. В частности, в Германии (Вильгельмсхафен, Брунсбюттель и другие порты), Нидерландах (Эмсхафен), Италии, а также на финско-эстонском направлении введено в эксплуатацию более десяти плавучих терминалов. Одновременно формируется новая система логистики: Испания и Франция, закупая избыточные (по отношению к внутреннему потреблению) объемы

⁵³ Agency for the Cooperation of Energy Regulators. ACER LNG Monitoring Report 2025. 2025. P. 16. URL: <https://www.acer.europa.eu/sites/default/files/documents/Publications/ACER-LNG-Monitoring-Report-2025.pdf>

СПГ, начали осуществлять его реэкспорт в страны Центральной Европы, входящие в ЕС, тогда как Великобритания направляет регазифицированный СПГ на континент через межгосударственные газопроводы⁵⁴.

Энергетический кризис 2021–2022 гг. продемонстрировал практическую значимость рассмотренных ранее теоретических подходов. Уязвимость Европейского союза в условиях резкого сокращения поставок из Российской Федерации является классическим примером **теории зависимости** Хиршмана А., согласно которой чрезмерная концентрация импорта из одного поставщика формирует асимметрию и создает политико-экономические риски. Одновременно кризис подтвердил актуальность **теории энергетической безопасности**, особенно в контексте концепции «четырех А» (наличие ресурсов, доступность, ценовая приемлемость и экологическая приемлемость). Принятые в ЕС меры по диверсификации источников, расширению СПГ-инфраструктуры и институциональному укреплению механизмов реагирования отражают именно эту парадигму.

Подводя итог рассмотрению теоретических и практических аспектов трансформации энергетической стратегии Европейского союза, следует отметить, что в научной литературе представлены различные подходы к пониманию роли энергетической безопасности и диверсификации поставок. Так, Йергин Д. и Морс А. акцентируют внимание на необходимости минимизации внешней зависимости и обеспечении устойчивости национальных энергетических систем. В то же время Крутиков Б. и Бушуев В. подчеркивают значимость комплексного регулирования и государственной политики для долгосрочной стабильности энергоснабжения. С точки зрения интеграции в глобальные энергетические рынки и развития новых форм международного сотрудничества такие исследователи, как Коллинз С. и Голуб А., рассматривают диверсификацию поставок в качестве инструмента повышения конкурентоспособности и устойчивости энергетических систем. Российские авторы Андропова И.В. и Макаров А.А. обращают внимание на необходимость учета

⁵⁴Там же. С. 46.

геополитических факторов и международных обязательств ЕС при формировании его энергетической стратегии. Указанные теоретические концепции легли в основу общеевропейского курса и отражают наличие различных, подчас противоречивых, трактовок, а также многофакторность рассматриваемой проблемы.

Несмотря на значительное количество исследований, посвященных энергетической безопасности союза, большинство авторов рассматривают либо отдельные аспекты энергетической политики ЕС, либо вопросы диверсификации поставок и энергетического перехода. При этом недостаточно изученными остаются особенности трансформации нефтегазового рынка Европейского союза с позиции изменения роли арабских поставщиков нефти и природного газа, что определяет исследовательскую направленность настоящей диссертации.

Трансформация энергетической политики ЕС на рубеже XX–XXI вв. показывает, что Союз стремился адаптировать свои стратегические установки в зависимости от глобальных вызовов и внутренних условий. Если ранние этапы были сосредоточены преимущественно на вопросах либерализации рынка и интеграции национальных энергетических систем, то в дальнейшем ключевыми ориентирами стали экологическая устойчивость, низкоуглеродное развитие и «зеленый курс». Важной составляющей этой эволюции стала диверсификация поставщиков энергоресурсов и стремление к снижению зависимости от традиционных источников, в особенности от России.

Таким образом, энергетический кризис 2021–2022 гг. стал катализатором структурной трансформации энергетической стратегии ЕС, ускорив процессы декарбонизации, диверсификации поставок и институционального переосмысления подходов к обеспечению энергетической безопасности. Опыт преодоления кризиса показал, что одной лишь экономической рациональности импорта недостаточно, решающими факторами становятся гибкость логистики, а также институциональная и политическая совместимость партнеров.

В рассматриваемый период энергетическая стратегия ЕС складывалась на пересечении теоретических установок и реальных кризисных условий. С одной стороны, долгосрочный курс опирался на низкоуглеродное развитие и расширение круга поставщиков. С другой стороны, данные за 2019–2024 гг. показывают, что переход к новой модели пока не был завершен. Провозглашенные цели удалось реализовать лишь частично, поскольку структура энергоснабжения изменилась быстрее, чем сама устойчивость системы.

Снижение доли России не сняло экономическую нагрузку с европейских стран. Расходы на энергоресурсы выросли, особенно в части импорта СПГ и нефтепродуктов. При этом зависимость от внешних поставок сохранилась, только стала распределяться иначе. Поэтому трансформация энергетической политики ЕС выглядит противоречиво. Союз одновременно стремится к устойчивости, приемлемым затратам и выполнению геополитических задач, но удерживать этот баланс становится все сложнее.

Россия, несмотря на сокращение объемов, не исчезла из системы поставок и продолжила играть заметную роль. Однако диверсификация открыла больше возможностей для арабских стран-экспортеров, усилив их значение в торговле и энергетическом сотрудничестве с ЕС. Параллельно резко выросла роль Норвегии и США. Это изменило расстановку сил и усилило конкуренцию между основными поставщиками не только на европейском, но и на мировом энергетическом рынке.

Алжир, Объединенные Арабские Эмираты, Катар, Кувейт, Ливия и Саудовская Аравия заняли важное место в новой системе энергетических связей ЕС. Их значение объясняется крупной ресурсной базой, развитой инфраструктурой и сравнительной географической близостью к европейскому рынку. Участие этих государств помогло частично компенсировать сокращение поставок из прежних источников. За счет этого ЕС смог продвинуться к более диверсифицированной и устойчивой модели энергоснабжения, хотя полностью решить проблему внешней зависимости пока не удалось.

ГЛАВА 2. ОСОБЕННОСТИ УЧАСТИЯ И РОЛЬ ПОСТАВЩИКОВ АРАБСКОГО РЕГИОНА НА НЕФТЕГАЗОВОМ РЫНКЕ ЕС

2.1 Основные арабские поставщики энергоресурсов на мировом нефтегазовом рынке и их опыт поставок в ЕС (2019–2024 гг.)

Алжир, Объединенные Арабские Эмираты, Катар, Кувейт, Ливия и Саудовская Аравия являются ключевыми арабскими экспортерами энергоресурсов, которые занимают стратегические позиции на мировом рынке нефти и газа, формируя существенную долю в структуре глобальной добычи и экспорта углеводородов.

КСА занимает лидирующие позиции как крупнейший мировой экспортер нефти, что делает ее важнейшим звеном в системе глобальных поставок. Катар удерживает статус одного из крупнейших поставщиков сжиженного природного газа и формирует устойчивую ресурсную базу для поставок в ЕС. ОАЭ укрепляют свое значение как поставщик нефти и сжиженного природного газа, развивая современные производственные и транспортные мощности. Кувейт сохраняет стабильное значение в международных поставках нефти благодаря долгосрочным контрактам. Алжир и Ливия традиционно ориентированы на экспорт в ЕС, обладая развитой трубопроводной сетью и выгодным географическим положением.

Более того, в 2024 г. доля доказанных запасов нефти, приходящаяся на основные арабские страны-экспортеры, составила 42,28% мировых запасов (см. таблицу 11). Доказанные запасы имеют ключевое значение, так как именно они определяют устойчивость экспортного потенциала, долгосрочную конкурентоспособность и возможность обеспечения энергетической безопасности стран-импортеров, включая ЕС.

Доля доказанных запасов нефти по основным арабским экспортерам и миру
(2019–2024 гг.),%

Страна	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Алжир	0,96	0,93	0,93	0,92	0,91	0,91
ОАЭ	8,25	8,13	8,47	8,52	8,42	8,42
Катар	1,98	1,92	1,93	1,90	1,88	1,88
Кувейт	7,98	7,71	7,74	7,65	7,56	7,56
Ливия	3,80	3,68	3,69	3,65	3,60	3,60
КСА	21,00	20,30	20,38	20,15	19,91	19,91
Доля ключевых арабских стран ⁵⁵ в мировых запасах, %	43,97	42,67	43,14	42,79	42,28	42,28
Остальной мир	56,03	57,33	56,86	57,21	57,72	57,72

Источник: Составлено автором по данным Organization of Arab Petroleum Exporting Countries (OAPEC). Annual Statistical Report, 2025. (URL: <https://oapecorg.org/Home/Publications/Reports/Annual-Statistical-report>)

Значимость этих стран в мировой нефтедобыче наглядно отражается в их совокупной доле в глобальном производстве. В 2019–2024 гг. их вклад составлял 22–24% мирового уровня добычи нефти, что позволяет рассматривать их как один из ключевых центров глобального предложения энергоресурсов (см. таблицу 12).

Наибольший удельный вес в группе приходится на КСА. Ее доля снизилась с 12,9% в 2022 г. до 11,2% в 2024 г., что подтверждает ее ведущую позицию в мировой энергетике. Существенный вклад вносит также Кувейт, обеспечивавший от 2,9 до 3,3% мирового производства. ОАЭ стабильно занимали около 4%, Катар — примерно 1,6–1,7%, а Алжир и Ливия — по 1,2–1,4% в отдельные годы. Совокупно эти страны на протяжении всего периода стабильно обеспечивали около четверти мировой добычи нефти.

⁵⁵Ключевые арабские экспортеры: Алжир, ОАЭ, Катар, Кувейт, Ливия и КСА.

Однако их роль на глобальном рынке сопряжена с серьезной конкуренцией. Россия и США остаются крупнейшими производителями. В 2019–2024 гг. их совокупная доля составляла около 30% мирового производства нефти. США закрепились как мировой лидер, обеспечивая порядка 16–19% добычи, тогда как Россия занимала около 11–13%.

Таблица 12.

Добыча нефти по странам и в мире в 2019–2024 гг., млн т

Страна	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Алжир	64,30	57,60	58,20	62,10	63	59
Ливия	56,10	19,60	58,80	51,90	58	56
Кувейт	143,40	131,20	130	145,50	140	131
КСА	556,60	519,60	515	573,10	529	510
ОАЭ	179,90	166,90	166	185,50	180	180
Катар	72,30	71,60	70,40	72	74	75
Россия	573,40	524,40	538,80	548,50	542	526
США	751,10	713,50	717,90	766,20	830	858
Итого по миру	4484,70	4188,40	4237,40	4426,70	4514	4543

Источник: Составлено автором по данным Energy Institute. Statistical Review of World Energy. 2025. Р. 24. (URL: <https://www.energyinst.org/statistical-review/home>)

Сравнение показывает, что ключевые арабские экспортеры энергоресурсов формируют сопоставимый по масштабу блок добычи, однако именно конкуренция с США и Россией определяет специфику их стратегического позиционирования на мировом рынке и влияет на распределение потоков в направлении ЕС.

Кроме того, в сфере природного газа (см. таблицу 13) в 2024 г. доля доказанных запасов, приходящаяся на основные арабские страны-экспортеры, составила 23,35% мировых запасов. Доказанные запасы природного газа имеют стратегическое значение, поскольку определяют потенциал долгосрочных поставок и усиливают роль ключевых арабских экспортеров энергоресурсов в обеспечении энергетической безопасности ЕС.

Таблица 13.

Доля доказанных запасов природного газа по основным арабским экспортерам
и миру (2019–2024 гг.),%

Страна	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Алжир	2,20	2,17	2,18	2,12	2,10	2,13
ОАЭ	3,77	3,73	3,97	3,87	3,84	3,89
Катар	11,62	11,50	11,53	11,23	11,13	11,28
Кувейт	0,87	0,86	0,86	0,84	0,83	0,84
Ливия	0,73	0,73	0,73	0,71	0,70	0,71
КСА	4,08	4,07	4,12	4,48	4,51	4,50
Доля ключевых арабских стран ⁵⁶ в мировых запасах, %	23,27	23,06	23,39	23,25	23,11	23,35
Остальной мир	76,73	76,94	76,61	76,75	76,89	76,65
Мировой итог	100	100	100	100	100	100

Источник: Составлено автором по данным Organization of Arab Petroleum Exporting Countries (OAPEC). Annual Statistical Report, 2025. (URL: <https://oapecorg.org/Home/Publications/Reports/Annual-Statistical-report>)

Значимость этих стран в сфере добычи природного газа подтверждается их совокупным вкладом в мировое производство. В 2019–2024 гг. совокупная доля составила 11,5–11,8% мирового уровня (см. таблицу 14).

Таблица 14.

Добыча природного газа по странам и в мире в 2019–2024 гг., млрд м³

Страна	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Алжир	87,00	81,40	101,10	97,60	101,50	94,70
Ливия	16,00	12,70	15,30	14,60	14,80	14,30
Кувейт	13,30	12,20	12,10	13,20	14,80	14,90
КСА	111,20	113,10	144,50	116,70	117,40	121,50
ОАЭ	53,70	53,70	53,10	54,20	55,30	61,40
Катар	177,20	174,90	177,00	178,50	181,10	179,50

⁵⁶Там же.

Россия	679,00	638,40	702,10	618,40	586,40	629,90
США	928,10	924,80	944,50	990,70	1033,00	1033,00
Итого по миру	3972,50	3867,00	4046,60	4050,40	4064,20	4124,50

Источник: Составлено автором по данным Energy Institute. Statistical Review of World Energy. 2025. Р. 39. (URL: <https://www.energyinst.org/statistical-review/home>)

Катар выступает ведущим производителем среди рассматриваемой группы с долей около 4,4–4,5%. Вклад КСА оставался на уровне 2,8–3,6%, Алжира — 2,1–2,5%, тогда как ОАЭ обеспечивали 1,3–1,5%. Доля Кувейта и Ливии была сравнительно невелика и находилась в пределах 0,3–0,4%.

При этом мировое лидерство в добыче природного газа в 2019–2024 гг. сохраняли США и Россия. На долю США приходилось 23–25% мировой добычи, а Россия обеспечивала 15–17%. Сравнительный анализ показывает, что ключевые арабские экспортеры энергоресурсов формируют значимый, но менее масштабный блок по сравнению с двумя крупнейшими производителями, однако именно их совокупные запасы и экспортная направленность имеют особое значение для энергетической безопасности стран-импортеров, включая ЕС.

Для ЕС в период 2019–2024 гг. значение данных государств существенно возросло. Усиление диверсификационных мер в условиях энергетического кризиса привело к наращиванию поставок нефти и газа от ключевых арабских экспортеров. Важную основу такого роста составляет наличие у данных стран значительных доказанных запасов нефти и природного газа, а также высокие показатели добычи, позволяющие им стабильно обеспечивать экспортные поставки.

Энергетические связи ЕС с ведущими арабскими экспортерами не возникли в период последнего кризиса. Для ОАЭ, Кувейта, Катара и КСА отношения с европейскими странами имеют более раннюю основу, поскольку стратегическое партнерство с ними формировалось еще до официального создания Европейского союза. В течение многих десятилетий эти государства поставляли на европейский

рынок значительные объемы нефти и газа. Сотрудничество не ограничивалось только торговлей сырьем. Оно также затрагивало инфраструктурные проекты, строительство нефтеперерабатывающих заводов, трубопроводов и хранилищ.

Похожую логику можно увидеть и в отношениях стран ЕС с Ливией и Алжиром. В XX и XXI вв. именно эти государства стали важными поставщиками нефти и газа для Европы. Особую роль здесь играли магистральные маршруты: Трансмедиземноморский газопровод (TransMed), Гринстрим (Greenstream), Медгаз (Medgaz) и газопровод Магриб – Европа (Maghreb–Europe), которые связывали североафриканское направление с Испанией и Италией. При этом такое взаимодействие всегда зависело не только от ресурсной базы. На него влияли политическая нестабильность в Ливии, изменения энергетического курса Алжира и усиление конкуренции со стороны других поставщиков.

Поэтому современное сближение ЕС с арабскими экспортерами следует рассматривать не как новое направление, а как развитие уже сложившихся связей. После сокращения импорта нефти и газа из России эти отношения получили дополнительное значение в рамках диверсификации. На ситуацию также повлиял рост мирового спроса, связанный с восстановлением экономики после пандемии COVID-19. Особенно заметно это стало после 2019 г., когда импорт из данных стран в ЕС увеличился, а их роль в обеспечении энергетической безопасности Союза стала более выраженной.

В большинстве стран в 2020 г. наблюдалось резкое снижение экспортных показателей, главным образом из-за глобального экономического спада, вызванного пандемией COVID-19 (см. рисунок 10).

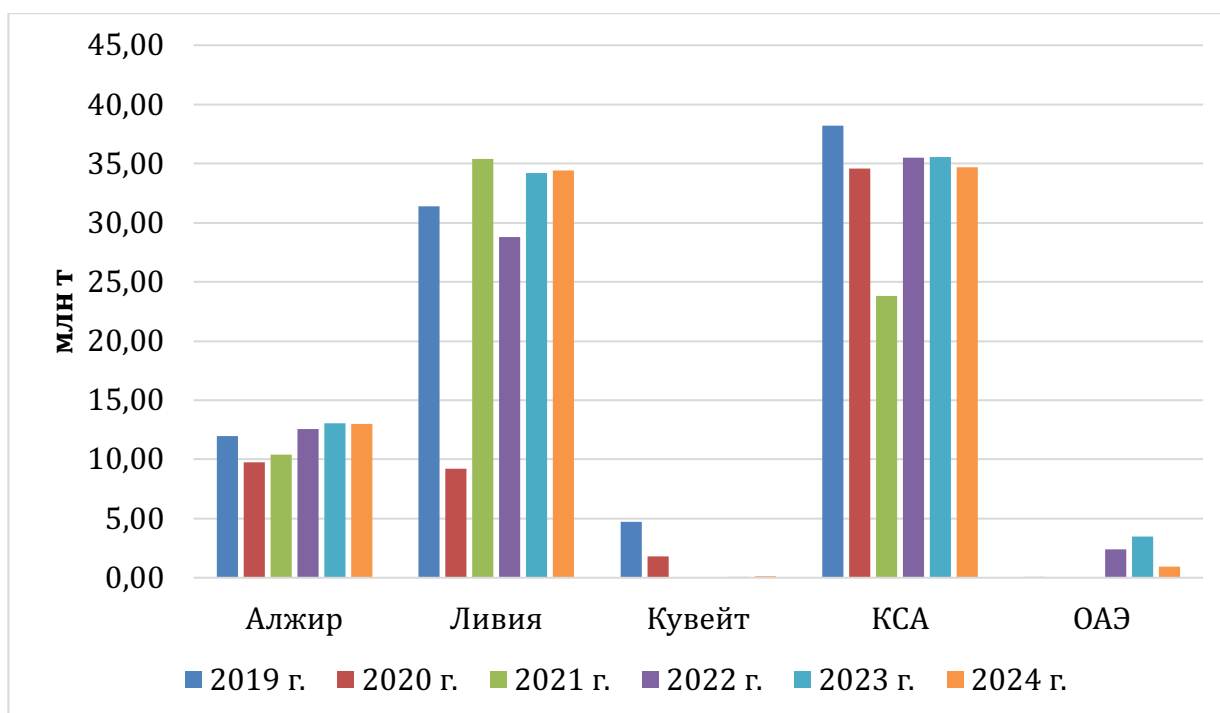

Рисунок 10. Импорт сырой нефти ЕС из ключевых арабских экспортеров в 2019–2024 гг., млн т

Источник: Составлено автором по данным Eurostat. (URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/NRG_TI_OIL_custom_17864712/default/table)

Экспорт нефти из Алжира в ЕС сократился до 9,77 млн т в 2020 г. Экспорт из Ливии упал еще более значительно, составив всего 9,19 млн т в 2020 г., что было связано с внутренними конфликтами и снижением добычи.

Экспорт нефти из Кувейта сократился до 1,81 млн т в 2020 г. Это снижение объясняется двумя факторами: во-первых, глобальный спад спроса, вызванный пандемией, привел к падению цен на нефть; во-вторых, Кувейт принял на себя обязательство сократить добычу и экспорт сырой нефти в рамках соглашений ОПЕК+ для стабилизации рынка после обвала цен в 2020 г.⁵⁷

В 2021–2024 гг. ситуация начала меняться. После восстановления мировой экономики спрос на энергоносители вырос, и экспорт снова пошел вверх. Для ЕС

⁵⁷ OPEC Annual Statistical Bulletin 2020 // Organization of the Petroleum Exporting Countries. URL: <https://asb.opec.org/>

дополнительное значение имела необходимость заместить часть сырой нефти, которая ранее поступала из России и после 2022 г. стала сокращаться. На этом фоне за 2019–2024 гг. поставки из Алжира увеличились на 8,6%, из Ливии — на 9,5%, тогда как КСА, напротив, сократила экспорт на 9,2%.

Отдельно следует рассматривать ОАЭ. В 2023 г. их поставки нефти в ЕС выросли более чем в 40 раз по сравнению с уровнем 2019 г., когда объем составлял 0,08 млн т. Такой скачок был связан с перестройкой торговых маршрутов. Эмираты смогли увеличить экспорт на европейский рынок за счет развитой инфраструктуры, используемой для поставок сырой нефти и СПГ. Однако уже в 2024 г. объем снизился до 0,94 млн т. Это объясняется тем, что основные экспортные потоки были снова направлены на азиатские рынки, прежде всего в Китай и Индию.

Динамика поставок сырой нефти в ЕС в 2019–2024 гг. показывает влияние сразу нескольких факторов. На нее повлияли последствия COVID-19, решения ОПЕК и более глубокий структурный сдвиг, связанный с уменьшением импорта из России. В результате значение ключевых арабских экспортеров в энергетической архитектуре ЕС заметно выросло.

После 2022 г. Европейский союз активнее расширял географию импорта нефтепродуктов, чтобы компенсировать снижение российских поставок. При этом в 2019–2024 гг. импорт нефтепродуктов из ключевых арабских стран развивался неравномерно (см. рисунок 11).

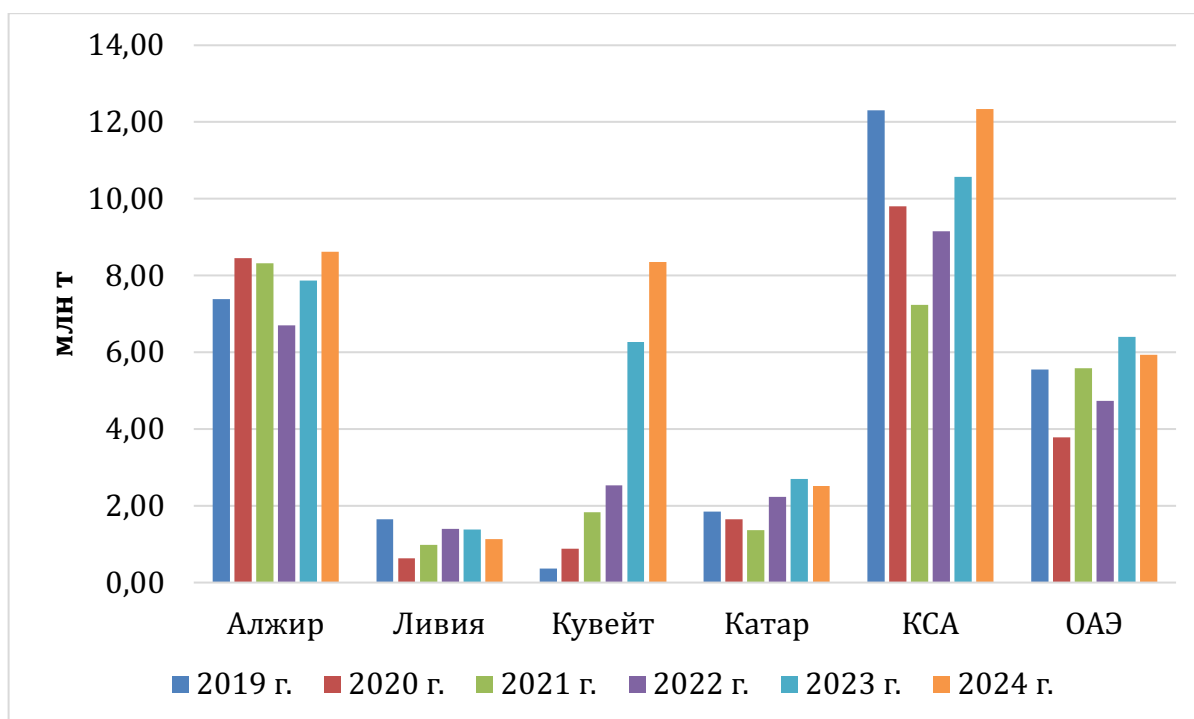

Рисунок 11. Импорт нефтепродуктов ЕС из ключевых арабских экспортеров энергоресурсов в 2019–2024 гг., млн т

Источник: Составлено автором по данным Eurostat. (URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/NRG_TI_OIL_custom_17864712/default/table)

В 2019–2024 гг. динамика поставок нефтепродуктов из ключевых арабских стран в ЕС носила неоднородный характер. Алжир увеличил объем поставок с 7,38 млн т в 2019 г. до 8,61 млн т в 2024 г. (+16,7%), что связано с восстановлением добычи и переработки, а также расширением сотрудничества с ЕС. Ливия, напротив, сократила экспорт с 1,66 млн т до 1,13 млн т (–31,9%), что обусловлено сохраняющейся внутренней нестабильностью и перебоями в добыче.

Наиболее значительный рост продемонстрировал Кувейт: поставки увеличились с 0,36 млн т до 8,35 млн т, что связано с вводом в эксплуатацию НПЗ «Аль-Зур» и переориентацией на экспорт нефтепродуктов. Катар также нарастил экспорт с 1,85 млн т до 2,52 млн т (+36,2%), укрепляя позиции за счет развития перерабатывающих мощностей.

КСА сохранила относительно стабильные объемы поставок, увеличив их с 12,31 млн т до 12,34 млн т, тогда как ОАЭ продемонстрировали умеренный рост с 5,55 млн т до 5,94 млн т (+7,0%), что связано с расширением переработки и гибкостью экспортной стратегии.

Таким образом, в рассматриваемый период усилилась роль отдельных арабских экспортеров, прежде всего Кувейта и Алжира, тогда как общая динамика свидетельствует о перераспределении потоков и адаптации поставщиков к изменяющимся условиям рынка ЕС, в том числе на фоне сокращения поставок из России.

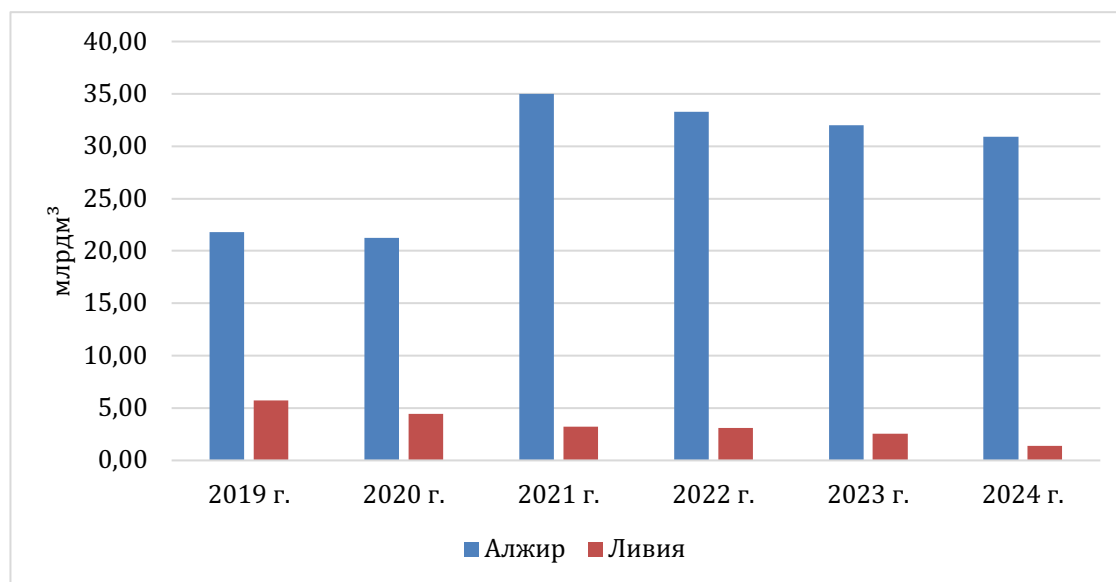
Однако, на наш взгляд, стратегические последствия данного процесса более противоречивы. Увеличение доли ключевых арабских экспортеров в структуре импорта ЕС усиливает роль морских маршрутов и делает поставки более чувствительными к нестабильности в Персидском заливе и Ормузском проливе.

Кроме того, ориентация на данные государства сопровождается ростом ценовых рисков: ключевые арабские экспортеры в большей степени зависят от мировых котировок и способны использовать рыночную конъюнктуру для усиления переговорных позиций. В совокупности это означает, что хотя ЕС формально диверсифицировал импорт, фактически он лишь заменил одну форму зависимости другой — переход от российской доминанты к уязвимости перед ключевыми арабскими экспортерами энергоресурсов.

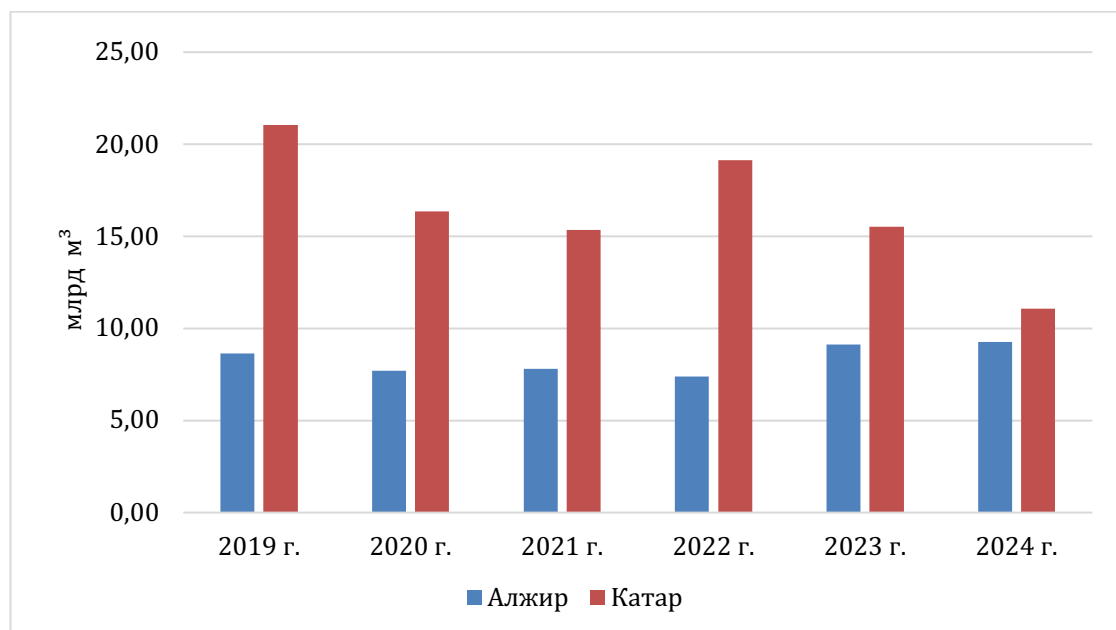
Газовый рынок ЕС в 2019–2024 гг. пережил значительные изменения, которые напрямую повлияли на роль ключевых арабских экспортеров. Если ранее поставки из этих стран рассматривались как дополнение к традиционным маршрутам, то после 2019 г. они стали одним из важнейших инструментов обеспечения стабильности импорта.

Катар сохранил статус ключевого поставщика СПГ, несмотря на снижение объемов экспорта в ЕС, обусловленное жесткими экологическими стандартами ЕС. Алжир сочетал морские и трубопроводные поставки, тогда как Ливия, несмотря на

внутренние трудности и высокий внутренний спрос, сохраняла стратегическое значение для отдельных государств ЕС, хотя и в меньших объемах. В совокупности это способствовало формированию новых направлений энергетического сотрудничества, что отражено в статистике импорта природного газа и СПГ за последние годы (см. рисунок 12).

Объем импорта природного газа по газопроводам

Объем импорта СПГ

Рисунок 12. Импорт природного газа и СПГ ЕС из ключевых арабских экспортеров энергоресурсов в 2019–2024 гг., млрд м³

Источник: Составлено автором по данным Eurostat (URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/nrg_ti_gas__custom_22088115/default/table)

Хотя трубопроводные поставки природного газа рассматривались как частичная альтернатива российскому газу, объемы импорта из Алжира и Ливии оказались недостаточными для полноценной замены российских поставок в ЕС (см. приложение 3).

Транспортировка алжирского природного газа в ЕС осуществляется по трем основным газопроводам: Транссредиземноморскому газопроводу (TransMed), соединяющему Алжир с Италией через Тунис; Медгаз (Medgaz) — прямому подводному маршруту из Бени-Саф в Альмерию; и Газопроводу Магриб–Европа (Maghreb–Europe Gas Pipeline, GME), проходящему через Марокко в Испанию. 31 октября 2021 г. президент Алжира объявил о непродлении соглашения по газопроводу GME, что привело к сокращению импорта газа в Испанию⁵⁸. Ливия, в свою очередь, экспортирует газ в Италию по газопроводу Гринстрим (Greenstream), соединяющему газовый комплекс Меллита с Сицилией.

В результате импорт алжирского природного газа вырос с 21,8 млрд м³ в 2019 г. до пика 35 млрд м³ в 2021 г., после чего снизился до 30,88 млрд м³ в 2024 г. Ливия, напротив, продемонстрировала устойчивое сокращение: с 5,70 млрд м³ в 2019 г. до 1,41 млрд м³ в 2024 г. Данное снижение объясняется внутренними политическими кризисами и ограничениями добычи.

Что касается СПГ, то в 2019 г. Катар поставил в ЕС 21,04 млрд м³ сжиженного природного газа, оставаясь ведущим поставщиком среди арабских стран. В последующие годы объемы поставок менялись разнонаправленно: в 2020 г. они снизились до 16,35 млрд м³, в 2021 г. — до 15,33 млрд м³, в 2022 г. выросли до 19,12 млрд м³, однако к 2024 г. опустились до 11,06 млрд м³. Алжир также занимал заметное

⁵⁸Parliamentary questions: Answer given by Executive Vice-President Dombrovskis on behalf of the European Commission (13 October 2021) // European Parliament. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/P-9-2021-005070_EN.html (дата обращения: 26.08.2025).

место на европейском рынке СПГ: в 2019–2024 гг. его экспорт варьировался от 7,38 млрд м³ (2022 г.) до 9,25 млрд м³ (2024 г.), что указывает на умеренный рост по сравнению с уровнем 2019 г. (8,64 млрд м³).

Снижение катарских поставок в ЕС объясняется несколькими факторами: ростом спроса в азиатских странах, более высокой ценовой конкурентоспособностью российского СПГ, а также позицией Катара по отношению к европейскому рынку. Министр энергетики Катара и глава QatarEnergy Саад аль-Кааби в 2024 г. заявил, что компания предпочла бы отказаться от экспорта в ЕС в случае жесткого применения нового экологического законодательства, поскольку это приведет к значительным финансовым потерям⁵⁹.

В газовом сегменте динамика поставок арабских экспортеров в ЕС оказалась разнонаправленной: Алжир нарастил экспорт, тогда как поставки из Ливии существенно сократились. Сводить эти изменения к колебаниям добычи или общей нестабильности в Северной Африке было бы упрощением: за ними стоят структурные различия в положении двух стран.

Рост алжирских поставок имеет стратегическое значение: южные страны ЕС в значительной мере зависят от средиземноморских трубопроводов, поэтому любое обострение обстановки в регионе непосредственно затрагивает их энергетическую безопасность. Сокращение ливийского экспорта, в свою очередь, ослабляет саму логику диверсификации: выпадение одного поставщика перераспределяет нагрузку на остальных, и в сегменте СПГ ее принимает на себя прежде всего Катар.

Отсюда следует, что расширение круга поставщиков само по себе не устраняет уязвимость ЕС: геополитические риски и состояние инфраструктуры по-прежнему определяют условия поставок. В долгосрочной перспективе ценность арабских партнеров измеряется не только объемами экспорта, но и его предсказуемостью,

⁵⁹ Deep Dive: Will Europe's Green Agenda Push Away Qatari Gas? // Amwaj Media. URL: <https://amwaj.media/en/article/deep-dive-will-europe-s-green-agenda-push-away-qatari-gas> (дата обращения: 26.08.2024).

устойчивостью контрактных обязательств и способностью сохранять поставки в кризисных условиях.

Ключевые экспортеры Ближнего Востока и Северной Африки закрепились на рынке ЕС, однако их траектории различны. Алжир сохранил ведущую роль в трубопроводных поставках и увеличил объемы, демонстрируя устойчивость и в сегменте СПГ. Ливия оставалась ограничена внутренним конфликтом. Катар удержал лидерство в поставках сжиженного газа, хотя его экспорт колебался под влиянием конкуренции и высоких цен на азиатском направлении. Полностью заместить выпавшие российские объемы ЕС пока не удалось, однако арабские поставщики заняли устойчивое место в обновленной энергетической архитектуре региона.

Опыт 2019–2024 гг. показывает, что роль арабских экспортеров энергоресурсов в ЕС во многом определяется сочетанием глобальной конъюнктуры и внутренних ограничений самих стран-поставщиков. Наличие у этих стран крупных запасов нефти и газа определяет их стратегическое значение, однако экспортные возможности сдерживаются политической нестабильностью, инфраструктурными ограничениями, конкуренцией со стороны России, США и Норвегии. Несмотря на то, что арабские поставщики не смогли заменить российский газ в полном объеме, их участие стало важным элементом политики диверсификации ЕС.

На наш взгляд, именно долгосрочные контракты, развитие СПГ-поставок и расширение инфраструктурных связей способны придать сотрудничеству устойчивый характер и закрепить за арабскими странами статус стратегических партнеров ЕС в условиях продолжающейся энергетической трансформации.

2.2 Совместные арабо-европейские проекты и их контрактная структура

Современная архитектура энергетического сотрудничества между Европейским союзом и ключевыми арабскими экспортерами энергоресурсов формируется в условиях высокой нестабильности глобального рынка, усиления геоэкономических

рисков и стремления ЕС к устойчивой диверсификации источников энергообеспечения. Существенное значение в этой системе приобретают совместные проекты сторон, их контрактная структура, определяющая параметры поставок нефти и газа, механизмы ответственности сторон, ценовые формулы, а также административное и институциональное сопровождение сделок.

На фоне трансформации европейской энергетической стратегии в 2020–2024 гг., обусловленной прекращением или существенным сокращением традиционных поставок, заметно усиливается интерес к многоуровневому партнерству с арабскими странами, обладающими значительными экспортными возможностями в нефтегазовой сфере.

Контрактная практика в отношениях между ЕС и рассматриваемыми странами включает как долгосрочные межправительственные и корпоративные соглашения, обеспечивающие стабильность поставок, так и краткосрочные коммерческие контракты, отражающие потребность в гибкой адаптации к изменяющимся рыночным условиям.

Наряду с этим, значимую роль играют совместные проекты в области разработки месторождений и транспортировки энергоресурсов, а также независимые инициативы со стороны арабских экспортеров, направленные на укрепление присутствия на нефтегазовом рынке Европы.

Анализ контрактных механизмов и форм участия ключевых арабских стран в энергетическом взаимодействии с ЕС позволяет выявить тенденции, приоритеты и стратегические векторы двустороннего и многостороннего сотрудничества в условиях энергетического кризиса.

Контрактные формы, применяемые на национальных рынках рассматриваемых стран, отражают не только внутреннюю правовую специфику и стратегию ресурсного суверенитета, но также степень допустимости иностранного участия в разработке месторождений, управлении проектами и инфраструктурного взаимодействия. Наиболее распространенными формами контрактов выступают: соглашения о разделе

продукции (далее – СРП), сервисные контракты, концессионные соглашения и долгосрочные контракты на поставку (далее – LTC) (см. таблицу 15).

Таблица 15.

Контрактные структуры ключевых арабских стран и участие компаний из ЕС

Страна	Типы контрактов	Национальная компания	Партнеры из ЕС
Алжир	СРП, концессии, сервисные контракты, LTC	Sonatrach	Eni (Италия), TotalEnergies (Франция), Naturgy (Испания), Engie (Франция)
Ливия	Концессии, сервисные контракты	National Oil Corporation (NOC)	Eni (Италия), TotalEnergies (Франция), Technip Energies (Франция), Saipem (Италия), OMV (Австрия)
Кувейт	Сервисные контракты	Kuwait Petroleum Corporation (KPC)	Shell (Нидерланды), TotalEnergies (Франция), Vitol Group (Нидерланды)
КСА	Концессии, сервисные контракты	Saudi Aramco	TotalEnergies (Франция), Siemens Energy (Германия), Shell (Нидерланды)
ОАЭ	Концессии, сервисные контракты	ADNOC	Eni (Италия), OMV (Австрия), TotalEnergies (Франция), Siemens Energy (Германия)
Катар	СРП, LTC, сервисные контракты	QatarEnergy	Eni (Италия), TotalEnergies (Франция), E.ON (Германия), Shell (Нидерланды)

Источник: Составлено автором

- **Алжир**

В Алжире исторически сложилась многоуровневая модель контрактных отношений, включающая сочетание концессионных соглашений, СРП и сервисных

контрактов. Принципиальной особенностью алжирской контрактной системы остается обязательное участие Sonatrach, владеющей контрольным пакетом в каждом совместном проекте.

В июле 2022 г. был подписан комплексный договор между Sonatrach и консорциумом компаний, включающим Eni, TotalEnergies и Occidental Petroleum, предусматривающий разработку месторождений в бассейне Беркин в рамках СРП с элементами модернизированной концессионной модели ⁶⁰. В соответствии с положениями соглашения, доля Sonatrach составляет не менее 51%.

Дополнительно Sonatrach активно применяет сервисные контракты в технологически сложных проектах модернизации зрелых месторождений, в которых задействованы подрядчики из стран ЕС, в частности Technip Energies и Schlumberger. В области сбыта природного газа действуют долгосрочные поставочные соглашения (LTC) между Sonatrach и компаниями Engie и Naturgy, предполагающие стабильные поставки по трубопроводам Medgaz и TransMed.

В этом контексте особого внимания заслуживает сотрудничество Европейского союза с Алжиром, играющим ключевую роль в газовом секторе ЕС. Совместные проекты национальной корпорации Sonatrach с компаниями ЕС — Eni, TotalEnergies, Engie и Repsol — обеспечивают устойчивость экспорта и модернизацию газовой инфраструктуры (см. таблицу 16).

Таблица 16.

Независимые или совместные проекты Алжира с ЕС

Компании ЕС	Проект / Регион	Описание
Eni	Северный и Южный Беркин, месторождение Мензель Леджмет	Совместный проект с 2013 г., доли: 75% Sonatrach, 25% Eni

⁶⁰ Eni signs new production sharing contract in Algeria // Eni.

URL: <https://www.eni.com/en-IT/media/press-release/2022/07/eni-and-sonatrach-sign-new-psc-algeria.html> (дата обращения: 26.09.2024).

TotalEnergies	Месторождения TFT II, Тимимун, блоки 404а и 208 (бассейн Беркин)	70 лет сотрудничества: добыча нефти и газа, СПГ, нефтехимия и битумы
Eni и Engie	Проект Touat	Совместный проект по добыче газа
Repsol и TotalEnergies	Газоконденсатные месторождения Тин Фуйе Табанкорт (бассейн Иллизи)	Совместная эксплуатация месторождений Тин Фуйе Табанкорт (25 лет) -проект Reggane: 6 месторождений. Доли: Repsol 29,25%, Sonatrach 40%, DEA Deutsche Erdoel AG 19,5%, Edison 11,25%.
Repsol	Южный Иллизи	С 2009 г. разведка, контроль — 72,5%, доля Sonatrach — 27,5%. Месторождение Тин Фуйе: доля Repsol: 22,62%, партнеры: TotalEnergies, Sonatrach, Alnafi.

Источник: Составлено автором

Таким образом, опыт ЕС и Алжира демонстрирует тенденцию к формированию долгосрочных совместных инициатив, отражающих стратегический характер энергетического взаимодействия и его опору на ведущие государства Западной Европы — Францию, Италию, Германию, Нидерланды и Испанию.

- Ливия

В Ливии контрактная система взаимодействия с иностранными компаниями включает два основных формата — концессионные соглашения и сервисные контракты, заключаемые под управлением Национальной нефтяной корпорации (далее – NOC). При этом партнеры в ЕС сохраняют доступ к разработке углеводородных ресурсов, что объясняется как историческими связями, так и необходимостью привлечения внешних инвестиций в условиях институциональной нестабильности.

Ключевым европейским партнером Ливии остается компания Eni, осуществляющая деятельность на основании концессионных соглашений, охватывающих как добычу нефти, так и экспорт природного газа. Центральным инфраструктурным элементом энергетического взаимодействия между Ливией и ЕС выступает газопровод Greenstream, введенный в эксплуатацию в 2004 г. и обеспечивающий транспортировку газа из Ливии в Италию.

Кроме того, сервисные контракты с участием таких подрядчиков, как Saipem и Technip Energies, применяются для восстановления и технического обслуживания инфраструктуры в послевоенный период, в том числе в рамках реконструкции объектов в бассейне Сирт.

Для энергетической политики Европейского союза Ливия представляет собой стратегического партнера, обеспечивающего существенную долю импорта нефти и газа в ЕС.

Совместные проекты охватывают добычу нефти и газа, разведочные работы, а также развитие и модернизацию энергетической инфраструктуры. При этом особое значение имеет газопровод Greenstream, соединяющий Ливию и Италию, который обеспечивает поставку основного объема ливийского газа на рынок ЕС. Важнейшим европейским партнером в данном сегменте является компания Eni, лидирующая в газовых проектах и инициативах по снижению выбросов CO₂. Дополнительно Equinor и TotalEnergies поддерживают программы модернизации энергетического сектора и развитие возобновляемых источников энергии, что способствует диверсификации ливийской экономики (см. таблицу 17).

Таблица 17.

Независимые или совместные проекты Ливии с ЕС

Компании ЕС	Проект / Регион	Описание
Eni	Greenstream: Вахфа, Бахр-эс-Салам.	Активно развивает газовые проекты на суше и шельфе Ливии. Газ поставляется по трубопроводу Greenstream в Италию. В рамках проекта Structures A&E планируется увеличение поставок на

		внутренний рынок и экспорт. Совместно с NOC Eni управляет объектами, поставляет оборудование и обучает персонал.
Repsol, Equinor, TotalEnergies, и OMV	-NC-186 (Мурзук, оператор Akakus Oil Operations) -NC-19 (Мабрук, оператор Mabruk Oil Operations)	-Repsol и партнеры участвуют в проектах добычи углеводородов: в NC-186 доли распределены между Repsol (32%), Equinor (20%), TotalEnergies (24%), OMV (24%). -В NC-19: TotalEnergies: 75%, Equinor: 25%. Работа ведется по соглашениям о разделе продукции с NOC.
TotalEnergies	Аль-Джурф, Эш-Шарара, NC 168, NC 115, Мабрук и бассейн Мурзук.	- Компания владеет значительными долями в крупных месторождениях: Аль-Джурф: 37,5%, Эш-Шарара — 12% на территории бывшего блока. -NC 168 и 15% в пределах экс-блока NC 115, а также Вахас: 20,41%. - Под управлением корпорации находятся разработки в Мабруке и бассейне Мурзук.

Источник: Составлено автором по данным Европейской службы внешних связей (EEAS): The European Union and Libya [Электронный ресурс] // EEAS. – URL: https://www.eeas.europa.eu/libya/european-union-and-libya_en (дата обращения: 10.11.2024).

Таким образом, долгосрочное сотрудничество Ливии и Европейского союза в нефтегазовой сфере способствует не только увеличению экспортного потенциала ливийской экономики, но и укреплению энергетической безопасности ЕС. Европейские инвестиции обеспечивают повышение энергоэффективности, модернизацию топливно-энергетического комплекса и устойчивость поставок углеводородов, закрепляя за Ливией статус одного из ключевых поставщиков энергоресурсов для европейского рынка.

- Кувейт

Еще одним ключевым арабским партнером Европейского союза в энергетической сфере является Кувейт. Контрактная система Кувейта выстроена на

принципе стратегической централизации управления углеводородными ресурсами, при которой вся добыча осуществляется исключительно под контролем государственной корпорации Kuwait Petroleum Corporation (далее – КРС). Иностранные компании не имеют возможности заключать соглашения о разделе продукции или концессионные договоры. Основной допустимой формой взаимодействия выступают сервисные контракты, ограниченные по объему прав, срокам и зонам технической ответственности. Примером практического участия европейских компаний в нефтегазовом секторе Кувейта служат совместные проекты в перерабатывающем секторе нефтегазовой промышленности, реализуемые с участием Shell и TotalEnergies.

Несмотря на отсутствие контрактов на поставку природного газа или совместную добычу, экспорт нефтепродуктов в ЕС осуществляется на основании краткосрочных коммерческих соглашений, не подпадающих под категории LTC или концессий.

Особое значение в международном взаимодействии принадлежит компании KUFPEC (Kuwait Foreign Petroleum Exploration Company), развивающей партнерские отношения с европейскими энергетическими фирмами. Представительства KUFPEC функционируют в Нидерландах и других европейских странах, что позволяет координировать совместные проекты в сфере разведки и добычи углеводородов (см. таблицу 18).

Таблица 18.

Независимые или совместные проекты Кувейта с ЕС

Компании ЕС	Проект / Регион	Описание
Lime Petroleum	Месторождение Yme (Норвегия)	В декабре 2022 г. KUFPEC получила разрешение от норвежского правительства и подписала соглашение о продаже 10% актива месторождения Yme компании Lime Petroleum.

PGNiG Upstream	Месторождения Джина Крог, Слейпнер Ист и Вест, Утгард (Норвегия)	В 2023 г. KUFPEC продала свои норвежские активы компании PGNiG Upstream (дочерняя компания Orlen Group). Сумма сделки составила 454 млн долларов. За 10 лет в регионе было получено около 700 млн долларов. Сделка завершена в январе 2024 г.
Equinor	Общая деятельность в Норвегии	Equinor упомянута как партнер и участник создания благоприятной деловой среды для проектов KUFPEC в Норвегии.
Eni	НПЗ в Милаццо (Италия)	KPI (дочерняя структура Kuwait Petroleum Corporation) владеет 49,9% акций комплекса, Eni – 50,1%. Завод перерабатывает до 10 млн т углеводородов в год. Выпускаются ГСМ, авиакеросин, битумы.

Источник: Составлено автором по данным Kuwait Foreign Petroleum Exploration Company (KUFPEC). Annual Reports // KUFPEC. (URL: <https://kufpec.com/en/publications/annual-reports>)

На протяжении последнего десятилетия KUFPEC активно участвовала в реализации международных инициатив на европейском энергетическом рынке. В частности, компания принимала участие в разработке месторождений Gina Krog и Utgard (Норвегия), где велись работы по добыче углеводородов, модернизации инфраструктуры и планированию новых скважин.

Помимо сегмента разведки и добычи, Кувейт укрепляет сотрудничество с европейскими партнерами в области переработки и сбыта. Совместно с компанией Eni КРС управляет нефтеперерабатывающим заводом в Милаццо (Италия), обладающим значительными мощностями, а также активно развивает розничную сеть автозаправочных станций на европейском рынке. Данные инициативы способствуют не только укреплению позиций Кувейта на международном энергетическом рынке, но и повышают уровень его интеграции в европейскую энергетическую систему.

- Саудовская Аравия

Наряду с другими ключевыми экспортерами энергоресурсов важным партнером Европейского союза выступает КСА, реализующая масштабные энергетические проекты в сотрудничестве с европейскими компаниями.

Контрактная модель, реализуемая в Саудовской Аравии, принципиально отличается от практики других арабских экспортеров энергоресурсов. Исходя из национального законодательства и стратегии полной ресурсной суверенизации, все углеводородные запасы находятся под исключительным контролем государственной корпорации Saudi Aramco. В этой связи на стадии добычи иностранные компании не допускаются к владению активами или разделу продукции, а их участие ограничивается форматом сервисных контрактов, направленных на оказание специализированных услуг, поставку оборудования и реализацию инфраструктурных решений.

Одним из крупнейших европейских подрядчиков, участвующих в таких проектах, выступает компания Siemens Energy, реализующая комплексные проекты по модернизации компрессорных станций для Saudi Aramco.

Пример частичного допуска иностранного капитала в саудовскую нефтепереработку дает совместное предприятие SATORP, созданное Saudi Aramco и французской TotalEnergies. Завод специализируется на глубокой переработке сырья и выпуске нефтехимической продукции, значительная часть которой поставляется покупателям из ЕС. К добывающему сегменту иностранные компании по-прежнему не допускаются, однако применяемая схема долевого владения перерабатывающими активами по существу воспроизводит концессионную модель.

Основным проводником саудовской энергетической экспансии в Европе выступает Saudi Aramco, последовательно расширяющая присутствие на европейском рынке. Стратегия корпорации не сводится к продаже углеводородов: значительные средства направляются на приобретение долей в европейских НПЗ, исследовательские разработки и модернизацию инфраструктуры стран-импортеров.

Такая интеграция делает компанию предсказуемым поставщиком для рынка ЕС (см. таблицу 19).

Таблица 19.

Независимые или совместные проекты КСА с ЕС

Компании ЕС	Проект / Регион	Описание
TotalEnergies	Нефтехимический комплекс Amiral (КСА)	-Совместное предприятие с Saudi Aramco (62,5% у Aramco, 37,5% у TotalEnergies). -Построен в декабре 2022 г., производство экологичного химического сырья, запуск в 2027 г. -Производственная площадка интегрирована с нефтеперерабатывающим заводом САТОРП.
Shell	НПЗ САСРЕФ	Ранее совместное предприятие с Saudi Aramco, в 2019 г. Aramco выкупила долю Shell за 631 млн долл. США. Мощность завода – 305 тыс. баррелей в сутки. Производство: дизель, керосин, мазут, сжиженный газ, сера.

Источник: Составлено автором

На территории Европы функционируют дочерние и партнерские структуры Aramco, обеспечивающие интеграцию компании в региональную энергосистему: Neste Energy (Италия) в Пескьера-Борromeо, подразделение Shell (Нидерланды), и Aramco Fuels (Польша) в Гданьске. Масштабная деятельность корпорации, охватывающая инновационные методы переработки и стратегические активы в странах ЕС, подтверждает статус Saudi Aramco как ведущего участника европейского энергетического рынка.

Ключевыми направлениями остаются совместные проекты с европейскими компаниями. Так, долгосрочные партнерства с PKN Orlen (Польша) и TotalEnergies (Франция), а также планы создания новых совместных предприятий отражают стратегию корпорации по диверсификации бизнеса и обеспечению устойчивости

поставок. Активные инвестиции в переработку и нефтехимию, параллельно с развитием проектов в области экологически чистой энергии, демонстрируют стремление Саудовской Аравии интегрировать свои инициативы с существующими мощностями ЕС и адаптироваться к современным вызовам отрасли.

Таким образом, укрепление стратегических альянсов в Польше, Франции и других странах ЕС подтверждает, что Saudi Aramco выступает не только ведущим игроком в сфере переработки нефти, но и надежным партнером Европейского союза в создании инновационных и экологически ориентированных решений.

- Объединенные Арабские Эмираты

В ОАЭ реализуется система долгосрочных концессионных соглашений с ограниченным участием зарубежных партнеров. При этом контроль сохраняется за национальной корпорацией Abu Dhabi National Oil Company (далее – ADNOC).

В 2019 г. компания Eni получила 70-летнюю концессию на разработку газоконденсатных месторождений Ghasha с привлечением OMV как совладельца проекта⁶¹(см. таблицу 20).

Дополнительно, в рамках сервисных контрактов на поставку оборудования, модернизацию и обслуживание инфраструктуры участвуют такие компании, как Siemens Energy и Technip Energies.

Таблица 20.

Предполагаемые направления сотрудничества ЕС и ОАЭ

Название проекта	Предполагаемый год начала функционирования	Владение
Проект по добыче кислого газа в Далме	2025	ADNOC 55%, Eni 25%, Wintershall 10%, Лукойл 5% и OMV 5%
Умм-Шаиф (газовая шапка Хуф, фаза 1):	2026	ADNOC 60%, Eni 10%, TotalEnergies 20%, CNOOC 4% и PetroChina 6%

⁶¹ Eni strengthens its presence in the UAE with new Abu Dhabi concessions // Eni.

URL: <https://www.eni.com/en-IT/media/press-release/2019/11/eni-strengthens-its-presence-in-the-uae-with-new-abu-dhabi-concessions.html> (дата обращения: 26.09.2024).

Проект Хайль	2026–2030	ADNOC 55%, Eni 25%, Wintershall 10%, Лукойл 5% и OMV 5%
Проект Гаша	2026–2030	ADNOC 55%, Eni 25%, Wintershall 10%, Лукойл 5% и OMV 5%

Источник: Составлено автором по данным U.S. Energy Information Administration (EIA). United Arab Emirates: Country Analysis 2023

(URL:

https://www.eia.gov/international/content/analysis/countries_long/United_Arab_Emirates/uae_2023.pdf)

Важным направлением сотрудничества является реализация программ в области возобновляемой энергетики. Европейский союз и ОАЭ взаимодействуют в рамках инициативы Global Gateway, предполагающей трехстороннее партнерство ЕС, арабских стран и государств Африки. ЕС рассматривает Эмираты не только как одного из крупных экспортеров энергоресурсов, но и как «ворота» для распространения европейских технологий в энергетике, обеспечивая их трансфер и внедрение в региональных проектах.

Следует подчеркнуть, что ОАЭ претендуют на лидерство среди арабских экспортеров энергоресурсов в реализации углеродно-нейтральных инициатив. Среди приоритетных задач выделяются утроение доли возобновляемой энергетики, развитие проектов по производству водорода и строительство крупнейшего в мире предприятия по выпуску «чистого аммиака». Эти направления способствуют формированию устойчивой модели энергетического взаимодействия с ЕС и отражают стремление к совмещению экономического роста с экологическими приоритетами.

- Катар

Контрактная модель Катара формируется на основе сочетания СРП и долгосрочных поставочных соглашений в сфере СПГ. Значительную долю контрактов составляют соглашения, заключаемые в рамках реализации проекта North Field, где национальная компания QatarEnergy сохраняет доминирующее положение.

В 2022 г. компания Eni (Италия) получила долю участия в проекте North Field East в соответствии с соглашением, основанным на принципе СРП с ограниченными концессионными правами⁶².

Помимо добычи, Катар заключил долгосрочные контракты на поставку СПГ с компаниями E.ON и TotalEnergies, что способствовало укреплению энергетической безопасности стран ЕС в условиях ограничения доступа к российским ресурсам.

Сервисные контракты реализуются в основном на стадии строительства и эксплуатации СПГ-инфраструктуры. В рамках проекта North Field компания Saipem получила подряд на строительство подводных объектов и промышленных узлов.

Следует подчеркнуть, что наряду с контрактными механизмами, регулирующими добычу, переработку и поставку энергоресурсов, взаимодействие ключевых арабских экспортеров нефти и газа с ЕС приобретает формализованные формы в виде совместных предприятий и инфраструктурных проектов. Совместные инициативы охватывают как upstream-сектор (разведка и добыча), так и downstream-направление (переработка, транспортировка и сбыт нефтегазовых продуктов), что свидетельствует о повышении уровня интеграции и стратегической сопричастности сторон в формировании энергетической архитектуры.

Данные проекты реализуются при активном участии национальных нефтегазовых корпораций арабских стран в партнерстве с крупнейшими компаниями ЕС, обладающими технологическим и финансовым потенциалом. Совместные предприятия способствуют углублению долгосрочного взаимодействия, обеспечивают обмен технологиями, а также формируют более устойчивую систему гарантий поставок энергоресурсов в ЕС. Такая модель сотрудничества отражает взаимный интерес сторон к обеспечению энергетической безопасности ЕС и диверсификации источников импорта.

⁶² Eni awarded participation in Qatar's North Field East project // Eni.

URL: <https://www.eni.com/en-IT/media/press-release/2022/06/eni-awarded-participation-in-qatars-north-field-east-project.html> (дата обращения: 26.09.2024).

В ряду ключевых арабских экспортеров энергоресурсов особое место в партнерстве с ЕС занимает Катар, обладающий крупнейшими в мире запасами природного газа и выступающий ведущим поставщиком СПГ. Взаимодействие строится преимущественно через долгосрочные контракты и участие европейских компаний в стратегических проектах национальной корпорации QatarEnergy (см. таблицу 21).

Таблица 21.

Независимые или совместные проекты Катара с ЕС

Компании ЕС	Проект / Регион	Описание
TotalEnergies	-QatarGas 1 и 2, Северное месторождение. -Солнечная электростанция «Аль-Харса»	-Участвует в терминальной инфраструктуре QatarGas 1 и 2, а также в расширении северного месторождения. В восточном направлении акционерами выступают QatarEnergy – 75%, ExxonMobil, TotalEnergies и Shell – по 6,3%, Eni и ConocoPhillips — по 3,1%. Южное направление осваивают: QatarEnergy – 75%, TotalEnergies и Shell – по 9,4%, ConocoPhillips – 6,3%. -Совместное владение 40% проекта (TotalEnergies + Marubeni), остальные 60% принадлежат Qatar Energy Renewable Solutions.
Shell	НПЗ САСРЕФ	Ранее совместное предприятие с Saudi Aramco, в 2019 г. Aramco выкупила долю Shell за 631 млн долл. США. Мощность завода – 305 тыс. баррелей в сутки. Производство: дизель, керосин, мазут, сжиженный газ, сера.
Eni	Северное месторождение: восточное направление	Владеет долей 3,1% в проекте расширения месторождения.

Источник: Составлено автором по данным Offshore-technology. (URL: <https://www.offshore-technology.com/projects/north-field-expansion-project/?cf-view>)

Проведенный анализ взаимодействия ЕС с ключевыми арабскими странами — экспортерами энергоресурсов позволяет сделать вывод о стратегической значимости данного сотрудничества для формирования устойчивой энергетической архитектуры ЕС. Начиная с 2019 г., в условиях углубляющегося энергетического кризиса, вызванного ростом мировых цен на энергоносители, усилением геополитической нестабильности и сокращением поставок из Российской Федерации, государства ЕС были вынуждены ускорить диверсификацию внешних источников энергоснабжения. В этих условиях партнерство с арабскими поставщиками стало не просто важным элементом внешнеэкономической политики, но и инструментом обеспечения энергетической безопасности региона.

Отдельного внимания заслуживает контрактная система, связывающая поставщиков и ЕС: именно она обеспечивает сторонам пространство для маневра. Долгосрочные соглашения гарантируют объемы, сервисные контракты открывают доступ к современным инженерным решениям, а концессии позволяют европейскому капиталу участвовать в разработке стратегических месторождений.

Наиболее глубокий уровень интеграции обеспечивают совместные предприятия. TotalEnergies, Eni, Engie, OMV, Repsol, Naturgy, Technip Energies и Siemens Energy участвуют не только в добыче: они строят перерабатывающие мощности и финансируют проекты низкоуглеродной генерации, включая водородные, что сопровождается передачей технологий и перестройкой отрасли. Основными партнерами арабских экспортеров при этом остаются Франция, Германия, Италия, Испания и Нидерланды.

Географическая концентрация сотрудничества объясняется исторически сложившимися энергетическими связями, развитой транспортной инфраструктурой, а также институциональной вовлеченностью данных стран в разработку стратегий энергетического перехода Европейского союза.

На наш взгляд, контрактные структуры и совместные проекты существенно повлияли на позиции ключевых арабских экспортеров энергоресурсов на нефтегазовом рынке ЕС. Именно особенности контрактных структур (долгосрочные соглашения и спотовые поставки) в сочетании с совместными инфраструктурными и инвестиционными проектами во многом определили уровень устойчивости поставок, масштабы присутствия и конкурентные преимущества данных государств на энергетическом рынке ЕС.

Таким образом, сотрудничество ЕС с ключевыми арабскими странами является комплексным и многоуровневым процессом, включающим как традиционные формы поставок углеводородов через долгосрочные контракты и концессии, так и новые модели взаимодействия, направленные на достижение климатических и технологических целей. Данный формат не только позволил ЕС укрепить энергетическую безопасность в условиях кризиса 2021–2022 гг., но и создает долгосрочные условия для энергетического перехода, основанного на балансе экономических интересов, геополитической устойчивости и экологической ответственности.

2.3 SWOT-анализ ключевых арабских поставщиков энергоресурсов на рынке ЕС

Для оценки проблем и перспектив ключевых арабских стран — экспортеров энергоресурсов в условиях энергетического кризиса, переживаемого Европейским союзом, в настоящем исследовании используется метод SWOT-анализа. Его применение обусловлено тем, что в предыдущих подразделах были рассмотрены объемы импорта нефти и газа в ЕС, охарактеризованы контрактные структуры взаимодействия, а также определены направления совместных проектов и совместных предприятий. Учет выявленных факторов посредством SWOT-анализа позволяет комплексно оценить сильные и слабые стороны стран-поставщиков, а также выявить

внешние возможности и угрозы, влияющие на их стратегические перспективы на энергетическом рынке государств — членов Европейского союза.

Актуальность использования данного метода заключается в том, что исследование охватывает не только количественные изменения внешней торговли нефтью и природным газом, но и качественные факторы, определяющие конкурентные позиции основных арабских поставщиков нефти и природного газа на рынке ЕС.

Такой подход демонстрирует не только современное состояние энергетического взаимодействия ЕС с арабскими экспортерами, но и потенциал его развития в условиях меняющейся энергетической политики Европейского союза.

Формирование элементов SWOT-анализа осуществлялось на основе результатов исследования, представленных в предыдущем разделе. При отнесении факторов к сильным и слабым сторонам учитывались ресурсный потенциал страны, уровень развития экспортной и транспортной инфраструктуры, диверсификация экспортных маршрутов, географическое положение, накопленный опыт поставок на рынок ЕС и институциональные особенности функционирования нефтегазового сектора.

При определении возможностей и угроз анализировались изменения структуры нефтегазового рынка Европейского союза, реализация программы REPowerEU, развитие инфраструктуры приема СПГ, изменение структуры импорта нефти и природного газа, усиление климатического регулирования и уровень конкуренции со стороны других государств-экспортеров.

В данном разделе SWOT-анализ проводится отдельно для каждого из основных арабских поставщиков, поскольку характер их экономического взаимодействия с союзом, а также особенности сотрудничества с европейскими энергетическими компаниями существенно различаются. Такой подход позволяет более объективно оценить положение и роль каждой страны в обеспечении союза нефтью и газом.

- Алжир

Алжир является одним из ключевых поставщиков углеводородов в государства — члены Европейского союза, роль которого усилилась в период энергетического кризиса 2021–2022 гг. (см. таблицу 22).

Таблица 22.

SWOT-анализ энергетического сотрудничества Алжира с ЕС в 2019–2024 гг.

Категория	Элементы
Сильные стороны (Strengths)	Географическая близость к ЕС и наличие трубопроводной инфраструктуры (Medgaz, TransMed). Рост физического экспорта в ЕС в 2019–2023 гг.: нефть +9,03%, нефтепродукты +6,69%, трубопроводный газ +46,74%, СПГ +5,63%. Контрактные механизмы, позволяющие сочетать контроль Sonatrach с привлечением инвестиций и технологий ЕС. Активное участие компаний ЕС (Eni, TotalEnergies, Naturgy, Engie) в добыче и долгосрочных договорах поставки.
Слабые стороны (Weaknesses)	Высокая зависимость госбюджета от экспорта углеводородов. Политическая и институциональная нестабильность. Ограниченность новых иностранных инвестиций в разведку и добычу. Износ добычной базы и потребность в модернизации инфраструктуры.
Возможности (Opportunities)	Укрепление роли Алжира в стратегии диверсификации ЕС после 2019 г. Расширение долгосрочных контрактов на газ и СПГ. Совместные проекты с ЕС по модернизации добычи и снижению выбросов. Перспективы развития водородной энергетики в партнерстве с ЕС.
Угрозы (Threats)	Конкуренция со стороны Норвегии, США и России на газовом рынке. Усиление климатической политики ЕС и постепенное снижение доли ископаемого топлива.

Источник: Составлено автором

В 2019–2023 гг. импорт энергоресурсов из Алжира в ЕС продемонстрировал рост: поставки сырой нефти увеличились на 9,03%, нефтепродуктов — на 6,69%, трубопроводного газа — на 46,74%, а СПГ — на 5,63%. Эти показатели подтверждают

возрастание роли Алжира как одного из основных направлений диверсификации европейского импорта после 2019 г.

Основное преимущество Алжира — сочетание географической близости и развитой трубопроводной инфраструктуры (магистрالي Medgaz и TransMed). Контрактная практика носит прагматичный характер: применяются соглашения о разделе продукции, долгосрочные контракты и концессии, при этом контроль сохраняет национальная Sonatrach, а европейские компании (Eni, TotalEnergies, Naturgy, Engie) выступают преимущественно в роли инвесторов.

Вместе с тем ограничения существенны: бюджет страны сохраняет высокую зависимость от сырьевой ренты, добычная база нуждается в модернизации, а развитию мешают институциональные барьеры. Вследствие этого экономика чувствительна к ценовым колебаниям и ужесточению климатических требований ЕС. Алжир остается стратегически значимым, но ограниченным в возможностях партнером, положение которого определяется устойчивостью логистических цепочек и способностью адаптироваться к энергетическому переходу.

• **Ливия**

Иначе выглядит положение Ливии. Энергетические связи с ЕС сохраняют для нее стратегическое значение, хотя объемы экспорта заметно уступают показателям других поставщиков: в 2019–2023 гг. доля страны в импорте ЕС по группе HS27 (минеральное топливо) удерживалась на уровне 1–2%. Компенсирующими факторами выступают короткое транспортное плечо и прямая инфраструктура поставок, позволяющие Ливии сохранять свою нишу на европейском рынке.

Основу ливийского газового экспорта составляет подводный газопровод Greenstream, связывающий побережье страны с Италией. Именно этот маршрут закрепляет за Ливией роль значимого поставщика для потребителей Южной Европы (см. таблицу 23).

SWOT-анализ энергетического сотрудничества Ливии с ЕС в 2019–2024 гг.

Категория	Элементы
Сильные стороны (Strengths)	Значительные запасы нефти и газа при относительно низкой себестоимости добычи. Географическая близость к ЕС и наличие газопровода Greenstream, связывающего Ливию с Италией. Рост объема поставок сырой нефти в ЕС на 8,8% в 2019–2023 гг. Наличие контрактной базы (концессионные соглашения и сервисные контракты) с участием ведущих компаний ЕС. Активное участие компаний ЕС (Eni, TotalEnergies, Repsol, OMV) в добычных проектах.
Слабые стороны (Weaknesses)	Политическая нестабильность и высокая степень уязвимости инфраструктуры. Зависимость бюджета от экспорта углеводородов. Снижение объема поставок нефтепродуктов в ЕС на 16,8% и трубопроводного газа на 55,8% (2019–2023 гг.). Перебои в поставках в 2020–2022 гг., подрывавшие доверие импортеров. Ограниченность инвестиций в модернизацию нефтегазового комплекса.
Возможности (Opportunities)	Укрепление позиций на рынке ЕС через развитие долгосрочных контрактов. Модернизация добычной и перерабатывающей базы при поддержке компаний ЕС. Расширение сотрудничества в сфере возобновляемой энергетики и декарбонизации. Восстановление экспортного потенциала за счет стабилизации внутренней политической ситуации.
Угрозы (Threats)	Высокие политические риски, угрожающие стабильности поставок. Конкуренция с другими поставщиками углеводородов в регионе (Алжир, Катар).

	Жесткая климатическая политика ЕС и снижение спроса на традиционные энергоносители.
--	---

Источник: Составлено автором

Таким образом, роль Ливии в энергетическом сотрудничестве с ЕС характеризуется противоречивостью. Сильной стороной остаются значительные запасы углеводородов, географическая близость и прямые поставки через газопровод Greenstream. В 2019–2023 гг. объем поставок сырой нефти из Ливии в ЕС вырос на 8,8%, что подтверждает ее значение в нефтяном сегменте. Участие компаний Eni, TotalEnergies, Repsol и OMV способствует модернизации сектора и поддерживает экспортный потенциал.

В то же время снижение поставок нефтепродуктов на 16,8% и трубопроводного газа на 55,8% в 2019–2023 гг., а также политическая нестабильность и перебои в 2020–2022 гг. подрывают надежность Ливии как долгосрочного партнера.

В перспективе страна может сохранить свою нишу только при условии стабилизации внутренней ситуации и модернизации нефтегазового комплекса. Автор рассматривает Ливию как второстепенного, но стратегически значимого партнера, чья ценность определяется инфраструктурой прямых поставок и сотрудничеством с компаниями ЕС.

- Кувейт

Со стороны Кувейта энергетическое сотрудничество с ЕС имеет ограниченный масштаб, но сохраняет стратегическую значимость в силу специфики контрактных структур и участия национальной корпорации КРС и ее дочерней компании KUFPEC. В 2019–2024 гг. доля Кувейта в импорте ЕС по группе HS27 колебалась в пределах 2–2,5%, что делает страну одним из второстепенных, но стабильных поставщиков нефти и нефтепродуктов. Основной объем экспорта поставляется в государства Южной и Западной Европы, в том числе в Италию, Испанию и Нидерланды (см. таблицу 24).

SWOT-анализ энергетического сотрудничества Кувейта с ЕС в 2019–2024 гг.

Категория	Элементы
Сильные стороны (Strengths)	Значительные запасы нефти и стабильный экспортный потенциал. Рост экспорта нефтепродуктов в ЕС: с 361,62 тыс. т в 2019 г. до 6 265,29 тыс. т в 2023 г. (+1632%). Управление нефтеперерабатывающим заводом в Милаццо (Италия) совместно с Eni. Развитие сети автозаправочных станций в странах ЕС.
Слабые стороны (Weaknesses)	Снижение экспорта сырой нефти в ЕС: с 11 983,06 тыс. т в 2019 г. до 9 767,96 тыс. т в 2023 г. (–18,5%). Ограниченное участие иностранных компаний в добыче в силу модели сервисных контрактов. Сравнительно небольшая доля Кувейта в общем импорте ЕС по HS27 (около 2–2,5%).
Возможности (Opportunities)	Укрепление позиций на рынке ЕС за счет расширения поставок нефтепродуктов. Диверсификация бизнеса через инвестиции в downstream-сектор ЕС. Развитие проектов в сфере нефтехимии и переработки совместно с европейскими компаниями. Возможное участие в будущих программах ЕС по низкоуглеродным технологиям.
Угрозы (Threats)	Конкуренция со стороны крупных экспортеров нефти (КСА, Ирак, Россия). Снижение спроса на нефть в ЕС в условиях ускоренного энергетического перехода. ⚡ Дестабилизирующие факторы, влияющие на функционирование морских маршрутов экспорта.

Источник: Составлено автором

Кувейт занял узкую, но устойчивую нишу на европейском энергетическом рынке, кардинально изменив структуру своего экспорта. Поставки сырой нефти в ЕС сократились с 4,73 млн т в 2019 г. до 0,12 млн т в 2024 г., тогда как экспорт

нефтепродуктов вырос с 0,36 млн т до 8,35 млн т — более чем в 23 раза. Страна сделала ставку на глубокую переработку и сбыт готовой продукции.

Устойчивость этой модели обеспечивает государственная корпорация КРС. Кувейт последовательно интегрируется в европейский сегмент переработки и сбыта: показательны НПЗ в Милаццо, развиваемый совместно с Eni, и расширяющаяся сеть автозаправочных станций в странах ЕС. Дальнейшие перспективы связаны с нефтехимией и низкоуглеродными проектами; в этой конфигурации Кувейт остается второстепенным, но стабильным партнером ЕС.

- Саудовская Аравия

Для Саудовской Аравии европейское направление сохраняет стратегическое значение, несмотря на снижение части показателей. В 2019–2024 гг. поставки сырой нефти в ЕС сократились на 9,2%, тогда как экспорт нефтепродуктов остался практически неизменным (+0,2%). Это отражает как нестабильность мировых рынков, так и перестройку структуры спроса в ЕС под влиянием энергетического кризиса (см. таблицу 25).

Таблица 25.

SWOT-анализ энергетического сотрудничества Саудовской Аравии с ЕС в 2019–2024 гг.

Категория	Элементы
Сильные стороны (Strengths)	Крупнейший поставщик нефти в ЕС среди шести ключевых арабских экспортеров. Значительные запасы нефти и полный государственный контроль через Saudi Aramco. Сеть дочерних предприятий в ЕС (Италия, Нидерланды, Польша). Инвестиции в нефтехимию и переработку на европейском рынке.
Слабые стороны (Weaknesses)	Снижение экспорта сырой нефти в ЕС на 7% в 2019–2023 гг. Снижение экспорта нефтепродуктов на 14,2% в 2019–2023 гг. Ограниченный доступ иностранных компаний к добыче в силу

	модели сервисных контрактов. Высокая зависимость бюджета от экспорта углеводородов.
Возможности (Opportunities)	Расширение инвестиций в нефтехимический и перерабатывающий сегмент ЕС. Развитие совместных проектов в области водородной энергетики и «зеленых» технологий. Диверсификация бизнеса в ЕС через партнерства и совместные предприятия. Укрепление долгосрочного статуса стратегического партнера ЕС в условиях диверсификации поставок.
Угрозы (Threats)	Снижение спроса на нефть в ЕС в условиях ускоренного энергетического перехода. ↩ ↩ Ориентация экспорта преимущественно на азиатские рынки, что ограничивает возможности увеличения поставок в ЕС. Рост конкуренции со стороны США и России. Дестабилизирующие факторы, влияющие на функционирование морских маршрутов экспорта.

Источник: Составлено автором

Таким образом, КСА сохраняет лидерство среди шести ключевых арабских экспортеров нефти в ЕС. Контроль национальной корпорации Saudi Aramco, основанный на сервисных контрактах, ограничивает участие иностранных компаний в добыче, но стимулирует сотрудничество в переработке и нефтехимии. Участие Aramco в совместных проектах с TotalEnergies и PKN Orlen, а также развитие дочерних предприятий в Италии, Нидерландах и Польше укрепляет позиции страны на рынке ЕС.

В то же время приоритетное направление экспорта — азиатские рынки (Китай, Япония, Южная Корея, Индия) — ограничивает возможности для наращивания поставок в ЕС.

Перспективы Саудовской Аравии связаны не только с традиционными углеводородами, но и с участием в «зеленой трансформации» через инвестиции в водородные проекты и снижение углеродного следа. Автор рассматривает ее как

ведущего экспортера нефти и стратегического партнера ЕС, чья роль будет определяться балансом между азиатским и европейским направлениями экспорта.

- Объединенные Арабские Эмираты

Со стороны Объединенных Арабских Эмиратов сотрудничество с государствами ЕС заметно активизировалось в период энергетического кризиса 2020–2024 гг. В 2019–2023 гг. экспорт сырой нефти из ОАЭ в ЕС вырос более чем в 40 раз (с 0,08 до 3,50 млн т), а нефтепродуктов — на 7% к 2024 г., что показывает: европейские государства рассматривали Эмираты как одного из альтернативных поставщиков в условиях сокращения импорта из России и необходимости диверсификации источников (см. таблицу 26).

Таблица 26.

SWOT-анализ энергетического сотрудничества ОАЭ с ЕС в 2019–2024 гг.

Категория	Элементы
Сильные стороны (Strengths)	Рост экспорта в ЕС: нефть +40% и нефтепродукты +15% в 2019–2023 гг. Активное использование соглашений о разделе продукции и долгосрочных контрактов. Совместные проекты с европейскими компаниями (OMV, Wintershall Dea) в сфере переработки и инновационных технологий.
Слабые стороны (Weaknesses)	Основной экспортный рынок — Азия (Китай, Япония, Южная Корея, Индия), что ограничивает долю ЕС. Высокая зависимость экономики от экспорта нефти. Недостаточная развитость газовой инфраструктуры, ориентированной на ЕС.
Возможности (Opportunities)	Укрепление статуса альтернативного поставщика для ЕС в условиях диверсификации после 2019 г. Развитие совместных проектов в сфере водородной энергетики и «зеленых» технологий. Расширение перерабатывающего сегмента на европейском рынке через стратегические партнерства. Рост спроса на надежные альтернативные источники энергии в ЕС.

Угрозы (Threats)	Высокая конкуренция с Ираком и США. Усиление климатической политики ЕС, направленной на снижение потребления ископаемого топлива. Ценовая волатильность мирового нефтяного рынка. Геополитические риски в зоне Персидского залива, влияющие на стабильность поставок.
---------------------	---

Источник: Составлено автором

Контрактная структура, используемая Эмиратами, основана на жестком контроле национальной компании ADNOC, которая применяет преимущественно соглашения о разделе продукции (СРП) и долгосрочные экспортные контракты. При этом партнерство с компаниями ЕС проявляется не только в экспорте, но и в совместных проектах по нефтепереработке и перспективных инициативах в области водородной энергетики и «зеленых» технологий. Показателен пример сотрудничества ADNOC с австрийской OMV и немецкой Wintershall Dea, направленный на интеграцию в перерабатывающий сегмент нефтегазовой промышленности государств ЕС и развитие инновационных технологий.

Таким образом, ОАЭ, несмотря на традиционную ориентацию экспорта преимущественно в Азию, усилили свою роль в энергетической архитектуре ЕС в период кризиса, закрепив за собой статус одного из надежных и гибких альтернативных поставщиков нефти и нефтепродуктов. В краткосрочной перспективе страна продемонстрировала готовность к расширению присутствия на европейском рынке, однако в долгосрочном измерении ее роль будет оставаться ограниченной из-за приоритета азиатского направления экспорта.

- Катар

В отличие от других арабских экспортеров энергоресурсов, Катар занимает особое место в структуре глобального рынка благодаря концентрации на поставках СПГ. Основная часть экспорта страны направляется в Азию, где ключевыми партнерами выступают Китай, Япония и Южная Корея, однако Европейский союз также сохраняет для Дохи важное значение (см. таблицу 27).

SWOT-анализ энергетического сотрудничества Катара с ЕС в 2019–2024 гг.

Категория	Элементы
Сильные стороны (Strengths)	Мировое лидерство в экспорте СПГ и уникальная ресурсная база (Северное газовое месторождение). Развитая инфраструктура по добыче, переработке и транспортировке СПГ. Наличие долгосрочных соглашений с компаниями ЕС (TotalEnergies, Eni, Shell). Высокая гибкость контрактных моделей (соглашения о разделе продукции, долгосрочные экспортные контракты).
Слабые стороны (Weaknesses)	Снижение импорта катарского СПГ в ЕС с 21 млрд куб. м в 2019 г. до 15,5 млрд куб. м в 2023 г. (–26%). Основная ориентация экспорта на азиатские рынки (Китай, Япония, Южная Корея, Индия, Тайвань). Зависимость государственного бюджета от экспорта СПГ. Ограниченность диверсификации в нефтяном секторе по сравнению с другими экспортерами.
Возможности (Opportunities)	Рост спроса на СПГ в ЕС после 2019 г. в условиях диверсификации источников. Расширение экспортных контрактов и строительство новых терминалов СПГ в Европе. Участие в проектах ЕС по водородной энергетике и декарбонизации. Укрепление стратегического партнерства с ключевыми компаниями ЕС (TotalEnergies, Eni, Shell).
Угрозы (Threats)	Конкуренция со стороны США и Норвегии на газовом рынке ЕС. Жесткая климатическая политика ЕС и угроза сокращения импорта СПГ из-за экологических стандартов. Экзогенные факторы, влияющие на добычу природного газа.

Источник: Составлено автором

Катар сохраняет положение одного из ведущих мировых поставщиков сжиженного газа. Хотя в 2019–2023 гг. объем его поставок в ЕС сократился на 26%,

партнерства с Shell, Eni и TotalEnergies обеспечивают устойчивую институциональную основу сотрудничества, а гибкая контрактная модель позволяет стране адаптироваться к колебаниям мирового рынка.

Сдерживающим фактором выступает экологическое регулирование ЕС: ужесточение климатических требований снижает предсказуемость долгосрочных контрактов и настораживает инвесторов. Перспективы катарского присутствия связаны с участием в низкоуглеродных проектах. На наш взгляд, Катар способен заметно нарастить присутствие на европейском рынке, однако это потребует от ЕС большей гибкости в применении экологических стандартов при сохранении привлекательности долгосрочного партнерства.

Итоговое сопоставление результатов SWOT-анализа шести ведущих арабских экспортеров за 2019–2024 гг. выявляет заметные контрасты. Алжир и Ливия поставляют сырье по проложенным по дну Средиземного моря магистральным газопроводам; их основное преимущество — транспортная география, а основная уязвимость — внутривосточная нестабильность и нехватка новых инвестиций.

Кувейт действует по иной модели: при сравнительно небольших объемах экспорта он делает ставку на переработку и сбыт внутри зарубежных промышленных активов. Саудовская Аравия лидирует по поставкам сырой нефти, однако ее экспортная стратегия ориентирована преимущественно на азиатское направление, что делает существенное расширение европейского присутствия маловероятным.

ОАЭ проявили себя как маневренный резервный поставщик: в период пикового дефицита они оперативно нарастили поставки, подтвердив свою адаптивность, хотя азиатское направление остается для них приоритетным. Особое положение занимает Катар — один из ведущих мировых экспортеров СПГ, чьи долгосрочные контракты играют стабилизирующую роль для стран-импортеров; основным риском для него выступает ужесточение климатического регулирования.

Проведенный анализ показывает существенную разницу стартовых позиций: одни страны опираются на выгодную логистику, другие — на инвестиционные

возможности. В перспективе вероятна трансформация самой роли поставщиков: экспортеры углеводородов будут постепенно становиться участниками водородных проектов, а архитектура европейской энергетической безопасности будет выстраиваться на балансе между диверсификацией закупок и требованиями энергетического перехода.

На основании проведенного анализа можно сделать вывод, что ключевые арабские страны — Алжир, Ливия, Кувейт, КСА, ОАЭ и Катар — занимают значимое место в системе энергетических связей ЕС. В условиях энергетического кризиса их роль усилилась, так как именно поставки нефти, нефтепродуктов, трубопроводного и сжиженного природного газа из данного региона способствовали диверсификации импорта и снижению зависимости ЕС от ограниченного числа традиционных партнеров.

Положение арабских экспортеров на рынке ЕС существенно различается. Алжир и Ливия извлекают максимум из выгодной географии, опираясь на действующие трубопроводы Medgaz, TransMed и Greenstream, однако Ливию сдерживает затяжной внутренний кризис, делающий ее долгосрочные перспективы неопределенными. Саудовская Аравия удерживает первое место среди рассматриваемых стран по объемам поставок нефти, но ее экспорт ориентирован прежде всего на Китай, Японию, Южную Корею и Индию. Кувейт выделяется особой моделью присутствия.

Ограниченные объемы прямых поставок он компенсирует инвестициями в европейскую переработку и сбыт. ОАЭ, как и Катар, активно работают в сегменте сжиженного газа и финансируют низкоуглеродные инициативы, хотя азиатские рынки сохраняют для обеих стран приоритетное значение. Отдельного внимания заслуживает территориальная асимметрия сотрудничества.

Арабские инвестиции сосредоточены почти исключительно в западных государствах — членах ЕС: основные вложения приходятся на Францию, Италию, Германию, Испанию и Нидерланды, тогда как восточная часть Союза остается

практически не охваченной. Эта асимметрия объясняется историческим наследием логистических коридоров и давними институциональными связями промышленных компаний этих стран с арабскими партнерами.

Основным вызовом остается конкуренция. На азиатском направлении арабские экспортеры соперничают с Россией, укрепляющей позиции на рынках Китая и Индии. На европейском направлении, помимо России, конкурентами выступают Норвегия и США — поставщики с сопоставимыми ресурсными возможностями и гибкой сбытовой политикой.

Основной риск связан с безопасностью морских транспортных маршрутов, особенно для арабских стран-экспортеров, которые осуществляют основную часть поставок нефти и газа морским путем. Данная уязвимость в наибольшей степени проявляется в отношении Ормузского пролива, являющегося ключевым экспортным коридором для Катар, Кувейта, ОАЭ и КСА.

В случае нарушения функционирования данного маршрута по геополитическим или геоэкономическим причинам указанные страны столкнутся с существенными ограничениями в поддержании экспортных поставок. В свою очередь, ЕС окажется в условиях усиления дефицита нефти и природного газа, особенно с учетом сокращения импорта из России после 2022 г.

На наш взгляд, в целях расширения энергетического сотрудничества Европейскому союзу необходимо предложить арабским партнерам более выгодные условия. Среди них можно выделить: расширение долгосрочных контрактов на поставку нефти, газа и СПГ; инвестиции в модернизацию инфраструктуры; совместное развитие проектов по возобновляемым источникам энергии и водородным технологиям; создание механизмов, учитывающих экологическую политику ЕС при сохранении конкурентных условий для экспортеров.

Таким образом, роль арабских стран на энергетическом рынке ЕС определяется сочетанием их ресурсных возможностей и готовности Европейского союза предложить институционально и экономически привлекательные условия

сотрудничества. При условии реализации более гибкой стратегии ЕС сможет закрепить позиции этих государств как надежных партнеров в процессе энергетического перехода и обеспечения долгосрочной безопасности поставок.

ГЛАВА 3. ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ ЕС И АРАБСКИМИ ЭКСПОРТЕРАМИ ЭНЕРГОРЕСУРСОВ

3.1 Возможности и ограничения энергетического сотрудничества ЕС с ключевыми арабскими экспортерами нефти и газа

В период энергетической нестабильности в ЕС (2020–2024 гг.) ключевые арабские экспортеры — Алжир, Катар, Объединенные Арабские Эмираты, Кувейт, Ливия и Саудовская Аравия — стали рассматриваться в качестве потенциальных долгосрочных партнеров Европейского союза по обеспечению внешнего энергоснабжения. Однако, как показывает анализ импортной динамики, их роль на рынке ЕС в 2019–2024 гг. была неоднородной: объемы поставок из ряда государств заметно возросли, тогда как другие демонстрировали снижение активности либо нестабильность экспорта.

Тем не менее энергетический потенциал указанных стран сохраняет стратегическое значение для ЕС. Расширение контрактной базы, участие в совместных энергетических инициативах, развитие инфраструктуры СПГ, а также включение в многосторонние форматы энергетической кооперации создают предпосылки для формирования новой модели партнерства. Проведенный SWOT-анализ позволил систематизировать сильные и слабые стороны данных стран как поставщиков энергоресурсов, а также обозначить внешние факторы, влияющие на устойчивость и эффективность их взаимодействия с ЕС.

На этой основе можно выделить ряд новых возможностей, связанных с реализацией перспективных проектов и инициатив, направленных на углубление энергетического сотрудничества между Европейским союзом и шестью рассматриваемыми арабскими странами, включая тех участников, чей вклад в рынок ЕС в предшествующий период был ограниченным. При этом наблюдается усиление интереса к формированию моделей взаимодействия, основанных на взаимной

адаптации стратегий энергетической безопасности (см. таблицу 28). В то же время на фоне активизации курса ЕС на построение низкоуглеродной экономики, ужесточения экологических требований и перехода к возобновляемым источникам энергии, развитие партнерства с традиционными экспортерами углеводородов сталкивается с рядом рисков и ограничений.

Таблица 28.

Возможности углубления сотрудничества ЕС с ключевыми арабскими
экспортерами энергоресурсов

Страна	Краткосрочные возможности (2026–2027)	Долгосрочные возможности (2027–2030)
Алжир	Увеличение поставок по трубопроводу Medgaz; рост экспорта в Испанию и Италию	проект Med-link (Алжир – Испания) импорт по проекту водородопровода SouthH2 Corridor
Ливия	Восстановление экспорта через Eni; модернизация портовой инфраструктуры	Создание СПГ-терминалов; Проект GIZ с ЕС
Кувейт	Модернизация нефтегазовой инфраструктуры; расширение числа контрактов с энергетическими компаниями ЕС	Сотрудничество в проектах зеленой энергетики с ЕС (Shagaya Renewable Energy Park)
КСА	Увеличение экспорта нефти и нефтепродуктов	Проект NEOM Green Hydrogen; экспорт зеленого водорода в ЕС
ОАЭ	Развитие активной торговли энергоресурсами на спотовом рынке с ЕС	Увеличение поставок в ЕС за счет реализации проекта Ruwais LNG (2028 г.)
Катар	Долгосрочные контракты с энергетическими компаниями ЕС	Увеличение импорта СПГ в ЕС в рамках проекта North Field Expansion (2027 г.)

Источник: Составлено автором

К числу таких барьеров относятся как институциональные и нормативные несоответствия, так и технологические различия, в перспективе вызванные

необходимостью декарбонизации всей цепочки поставок. Кроме того, политическая нестабильность отдельных государств региона, а также конкуренция со стороны других поставщиков создают дополнительные риски для устойчивости и предсказуемости долгосрочного энергетического взаимодействия.

В краткосрочной перспективе возможности углубления сотрудничества ЕС с ключевыми арабскими экспортерами энергоресурсов преимущественно связаны с наращиванием поставок нефти, нефтепродуктов и природного газа (преимущественно в форме СПГ). Алжир остается одним из наиболее значимых поставщиков трубопроводного газа в Южную Европу, в первую очередь в Испанию и Италию, благодаря расширению пропускной способности газопровода Medgaz и стабильным контрактным связям с европейскими партнерами.

Для Ливии первоочередной задачей является восстановление экспортных терминалов: без реконструкции изношенной портовой инфраструктуры существенный рост поставок маловероятен. При условии модернизации транспортного узла экспорт может быстро увеличиться благодаря совместным проектам Eni, TotalEnergies, Repsol и OMV. Государство постепенно модернизирует действующие месторождения и закрепляет договоренности с проверенными партнерами, создавая основу для стабильных поставок. Кувейт, в свою очередь, действует более сдержанно, но прагматично — через модернизацию инфраструктуры и расширение контрактов с энергетическими компаниями ЕС.

Саудовская Аравия располагает крупнейшими в регионе запасами и через возможности Saudi Aramco способна нарастить поставки нефти в ЕС, хотя ее экспортная стратегия не ограничивается западным направлением. ОАЭ делают ставку на сжиженный природный газ: расширение мощностей ADNOC и краткосрочные контракты создают канал быстрого наращивания поставок. Катарская модель строится на долгосрочных контрактах с европейскими энергетическими компаниями, формирующих основу дальнейшего роста поставок в ЕС.

Таким образом, в краткосрочной перспективе сотрудничество подчинено сырьевой логике: приоритет отдается проектам, диверсифицирующим маршруты поставок и закрывающим текущие потребности ЕС. Для Союза это не вопрос удобства, а условие стабилизации энергетической безопасности в период геополитической нестабильности.

В среднесрочной перспективе (2027–2035 гг.) акценты смещаются: закупка углеводородов перестает исчерпывать содержание сотрудничества. Диалог ЕС с ведущими арабскими экспортерами постепенно разворачивается в сторону возобновляемых источников и низкоуглеродных разработок, что соответствует ориентирам European Green Deal и REPowerEU.

Наиболее заметны в этом направлении перспективы Алжира как будущего производителя низкоуглеродных энергоносителей. Особое место занимает проект SouthH2 Corridor — магистральный маршрут поставок зеленого водорода из Северной Африки европейским потребителям.

К 2030 г. планируется перепрофилирование одного из трех действующих метановых трубопроводов системы TAG (Trans Austria Gasleitung) для экспорта водорода. Пропускная способность данного маршрута оценивается на уровне около 168 ГВт·ч в сутки, что эквивалентно приблизительно 5 ТВт·ч в месяц, при поставках из низкзатратных производственных зон Северной Африки (Алжира и Туниса) в крупнейшие европейские кластеры спроса — Австрию, Германию, Италию, а также страны Центральной и Восточной Европы⁶³.

Для ЕС проект имеет стратегическое значение, так как обеспечивает прямой импорт водорода, способствует диверсификации маршрутов поставок и формированию общей инфраструктуры для внутреннего водородного рынка.

Ливия в долгосрочной перспективе рассматривается как перспективный партнер ЕС не только за счет традиционного экспорта нефти и газа, но и благодаря усилиям по развитию возобновляемой энергетики. Одним из ключевых направлений

⁶³SouthH2 Corridor. 2023. URL: <https://www.south2corridor.net/> (дата обращения: 12.01.2025).

в этом контексте является проект, реализуемый при поддержке Германского общества по международному сотрудничеству (Deutsche Gesellschaft für Internationale Zusammenarbeit, GIZ) и финансируемый Федеральным министерством экономического сотрудничества и развития Германии⁶⁴. Цель инициативы заключается в расширении локального использования возобновляемых источников энергии, что позволит снизить внутренний спрос Ливии на нефть и газ.

Данная стратегия имеет двусторонний эффект: с одной стороны, Ливия получает возможность постепенной диверсификации собственного энергетического сектора и повышения устойчивости энергоснабжения внутри страны; с другой — высвобождаемые объемы нефти и газа могут быть направлены на экспорт в ЕС. С учетом того, что Европейский союз как минимум до 2030 г. продолжит использовать традиционные углеводороды для обеспечения энергетической безопасности в переходный период, роль Ливии как поставщика нефти и газа может укрепиться именно за счет параллельного развития возобновляемой энергетики внутри страны.

Аналогично Ливии, Кувейт в долгосрочной перспективе рассматривает развитие возобновляемых источников энергии как инструмент снижения внутреннего спроса на углеводороды и укрепления экспортного потенциала. Ключевым направлением является национальный проект Shagaya Renewable Energy Park, реализуемый при участии Kuwait Institute for Scientific Research. Согласно стратегическому плану, парк позволит обеспечить до 15% внутреннего энергопотребления за счет ВИЭ к 2030 г.⁶⁵. Для ЕС данная инициатива имеет важное косвенное значение. Переход Кувейта на возобновляемые источники в национальном энергобалансе снижает внутреннее потребление нефти и газа, что создает условия для увеличения объемов их экспорта. Это отвечает интересам Европейского союза в

⁶⁴ Advancing Libya's Energy Transition and Climate Resilience // GIZ – Deutsche Gesellschaft für Internationale Zusammenarbeit. 2024 – URL: <https://www.undp.org/arab-states/press-releases/advancing-libyas-energy-transition-and-climate-resilience> (дата обращения: 12.01.2025).

⁶⁵ Shagaya Renewable Energy Park // Kuwait Institute for Scientific Research. 2019. URL: <https://www.kisr.edu.kw/en/gi/5/details/#> (дата обращения: 13.01.2025).

период до 2030 г., когда, несмотря на активное продвижение низкоуглеродной стратегии, традиционные энергоресурсы сохраняют решающее значение в обеспечении энергетической безопасности.

Таким образом, проект Shagaya Renewable Energy Park служит примером того, как развитие зеленой энергетики в стране-экспортере косвенно усиливает возможности ЕС по доступу к углеводородам, создавая двойной эффект — для внутренней диверсификации Кувейта и для энергетической устойчивости ЕС.

Для Саудовской Аравии ключевым направлением долгосрочного энергетического сотрудничества с ЕС становится производство и экспорт зеленого водорода. Центральным элементом является проект NEOM Green Hydrogen, реализуемый в рамках строительства города NEOM при участии компании Air Products. Согласно проектным параметрам, к 2026–2027 гг. планируется запуск крупнейшего в мире комплекса по производству зеленого водорода мощностью до 650 тонн в сутки (примерно 240 тыс. т в год)⁶⁶. Производство будет осуществляться на основе возобновляемых источников энергии — солнечной и ветровой генерации, интегрированных в инфраструктуру NEOM.

Особое значение имеет стратегическая ориентация Саудовской Аравии на Германию как «ворота» для экспорта зеленого водорода в Европу. Для ЕС реализация данного проекта имеет стратегическую значимость в контексте перехода к низкоуглеродной экономике и укрепления водородной энергетики. Экспортируемый из Саудовской Аравии зеленый водород будет поставляться преимущественно в форме аммиака, что облегчает транспортировку на дальние расстояния и делает возможным масштабное использование на рынке ЕС⁶⁷. С учетом прогнозов, по которым Европейский союз к 2030 г. будет испытывать устойчивый рост спроса на низкоуглеродные энергоносители, проект NEOM Green Hydrogen представляет собой

⁶⁶ Saudi NEOM green hydrogen project on track // Hydrogen Insight. 2024. URL: <https://www.hydrogeninsight.com/production/neom> (дата обращения: 20.01.2025).

⁶⁷ Saudi Arabia Sees Germany as Gateway for Green Hydrogen Exports to Europe // Asharq Al-Awsat. URL: <https://english.aawsat.com/business/5108333-saudi-arabia-sees-germany-gateway-green-hydrogen-exports-europe> (дата обращения: 20.01.2025).

долгосрочный источник поставок чистой энергии, обеспечивая диверсификацию импорта и снижение зависимости от традиционных углеводородов.

В дополнение к ранее рассмотренным странам региона, для Объединенных Арабских Эмиратов долгосрочные перспективы энергетического сотрудничества с ЕС сочетают традиционное и низкоуглеродное направления. Ключевым проектом в области СПГ является Ruwais LNG, ввод которого в эксплуатацию запланирован на 2028 г. Новая экспортная инфраструктура позволит увеличить общий объем поставок сжиженного природного газа из ОАЭ и тем самым расширить диверсификацию энергетических источников ЕС. Для Европейского союза данный проект имеет значение как элемент краткосрочной и среднесрочной стратегии, ориентированной на стабилизацию импорта и компенсацию снижения поставок из России.

Одновременно ОАЭ активно развивают проекты в сфере зеленой энергетики. Инициатива Masdar Green Hydrogen, реализуемая в партнерстве с европейскими компаниями Siemens Energy и BP, направлена на создание мощностей по производству и экспорту зеленого водорода и аммиака. Согласно планам, данные продукты будут поставляться на рынок ЕС после 2030 г., что позволит Эмиратам закрепиться в качестве одного из ключевых поставщиков низкоуглеродной энергии в долгосрочной перспективе.

Ruwais LNG задуман как первый на Ближнем Востоке экспортный СПГ-терминал, работающий на чистой энергии, поэтому его значение выходит за рамки собственно газовой инфраструктуры. После ввода объекта ОАЭ смогут увеличить экспорт сжиженного природного газа в ЕС, добавив Союзу еще один источник замещения российских поставок. Одновременно проект соответствует экологическим требованиям ЕС: использование чистой энергии снижает углеродный след поставок. В результате достигается двойной эффект — диверсификация в ближайшей перспективе и вклад в декарбонизацию на горизонте до 2035 г.⁶⁸

⁶⁸ ADNOC to Build Ruwais LNG Plant Powered by Clean Energy // ADNOC. URL: <https://www.adnoc.ae/en/news-and-media/press-releases/2023/ruwais-lng-clean-power> (дата обращения: 01.02.2025).

Стратегия Катара строится иначе. Особое место страны определяется расширением North Field — крупнейшего в мире газоконденсатного месторождения, расположенного на северо-восточном шельфе полуострова. Его доказанные запасы превышают 900 трлн куб. футов, что составляет около 10% известных мировых резервов. Для ЕС этот масштаб имеет прямое стратегическое значение: речь идет не о разовых поставках, а о долгосрочной ресурсной базе.

Программа North Field Expansion, ввод которой запланирован на 2027 г., должна существенно увеличить катарские мощности по производству СПГ: совокупный экспорт страны может достичь 126 млн т в год⁶⁹. Для европейской энергетической безопасности на горизонте до 2035 г. проект становится одним из опорных элементов, открывая доступ к значительным объемам СПГ и снижая привязку Союза к геополитически уязвимым направлениям поставок.

В долгосрочной перспективе сотрудничество ЕС с арабскими экспортерами носит двойственный характер. Нефть и газ продолжают обеспечивать краткосрочную стабильность, без которой европейская энергосистема пока не может обойтись, однако параллельно развиваются водородные проекты, возобновляемая энергетика и низкоуглеродная инфраструктура. Именно это сочетание формирует основу более устойчивого партнерства на период до 2035 г., хотя сырьевая составляющая сохраняет свое значение.

Однако реализация этих возможностей ограничена рядом факторов. Наиболее существенный барьер связан с институциональными и нормативными расхождениями: у стран ЕС и ведущих арабских экспортеров по-разному устроены регулирование рынков, экологический контроль и договорная практика⁷⁰. Это затрудняет выработку единых правил взаимодействия и увеличивает число согласований, необходимых для долгосрочных соглашений.

⁶⁹ North Field Expansion Project // QatarEnergy LNG. URL: <https://www.qatarenergylng.qa/english/about-us/north-field> (дата обращения: 03.02.2025).

⁷⁰ Боровский Ю. В., Шишкина О. В. Секьюритизация энергоснабжения в рамках Евросоюза // Вестник МГИМО-Университета. 2021. № 4 (79). С. 113–128.

Особенно остро разница проявляется в подходе к самой энергетической политике. Европейский союз строит курс вокруг рыночной либерализации, экологической устойчивости и постепенного перехода к возобновляемым источникам энергии. Арабские экспортеры, даже развивая низкоуглеродные проекты, все равно сохраняют опору на углеводородную базу. Поэтому партнерство развивается, но не превращается в полностью равную систему. Между стратегическими целями Брюсселя и ресурсной логикой поставщиков остается заметный зазор.

В противоположность этому, для большинства арабских экспортеров характерна централизованная модель управления, доминирование государственных компаний и ориентация на долгосрочные двусторонние контракты с минимальным уровнем рыночной либерализации.

Такие различия в институциональных и нормативных подходах определяют характер энергетического взаимодействия между регионами. С одной стороны, они обеспечивают стабильность долгосрочных поставок для ЕС, а с другой — создают структурные барьеры для интеграции арабских стран в либерализованную энергетическую систему ЕС. В результате это оказывает влияние не только на устойчивость двустороннего сотрудничества, но и на предсказуемость функционирования глобальных энергетических цепочек.

Во-вторых, технологические ограничения связаны с необходимостью декарбонизации всей цепочки поставок. ЕС в рамках реализации стратегии «Зеленой сделки» жестко ориентирован на снижение углеродного следа, что требует от экспортеров внедрения новых технологий в добыче, транспортировке и переработке углеводородов⁷¹.

Наибольшие сложности в этом направлении испытывают Алжир и Ливия, где энергетическая инфраструктура характеризуется высокой степенью износа и ограниченными инвестициями в модернизацию. В Алжире сохраняется высокая

⁷¹ Леонард М., Пизани-Ферри Ж., Тальяпьетра С., Вольф Г. Геополитика «Зеленой сделки» Европейского союза // Экономика, наука, новая экономика. 2021. Т. 6, № 3. С. 88–101.

углеродоемкость добычи, а в Ливии проблема усугубляется разрушенной в ходе военных конфликтов инфраструктурой и слабой диверсификацией производственного комплекса.

Такие технологические барьеры затрудняют адаптацию указанных стран к жестким экологическим стандартам ЕС и ограничивают их возможности для участия в долгосрочных низкоуглеродных проектах. В результате устойчивость энергетического сотрудничества ЕС с Алжиром и Ливией в долгосрочной перспективе оказывается под угрозой.

В-третьих, существенным барьером остается политическая нестабильность отдельных государств региона, в частности Ливии, что ограничивает предсказуемость поставок энергоресурсов и снижает инвестиционную привлекательность ее энергетического сектора.

Дополнительное воздействие оказывают геополитические факторы: в условиях обострения геополитической напряженности Иран 28 февраля 2026 г. ввел ограничительный режим контроля над Ормузским проливом, фактически приостановив свободное судоходство и введя селективный допуск судов в зависимости от политико-экономических условий⁷².

Ормузский пролив является одним из важнейших транспортных узлов мировой энергетической системы, через который проходит значительная доля глобальных потоков нефти и сжиженного природного газа. Он играет ключевую роль в экспортной стратегии таких стран, как Катар, Кувейт, ОАЭ и КСА. По данным Международного энергетического агентства и Управления энергетической информации США, любые перебои в функционировании данного маршрута приводят к существенным ограничениям в глобальных цепочках поставок и росту ценовой волатильности⁷³.

⁷²Шанто С. И. Ближний Восток в огне: заморозит ли Ормуз мир? [Электронный ресурс]. 28.02.2026. Режим доступа: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=6608638 (дата обращения: 27.04.2026).

⁷³Европейская комиссия. Комиссия призывает страны ЕС координировать меры для обеспечения безопасности поставок нефти в условиях энергетических сбоев на Ближнем Востоке [Электронный ресурс]. 31.03.2026. URL:

В данном контексте арабские страны, осуществляющие экспорт через Ормузский пролив, столкнулись с приостановкой поставок, что привело к фактическому замораживанию экспорта нефти и газа.

Для ЕС подобное развитие событий формирует комплексный риск для энергетической безопасности. После сокращения импорта энергоресурсов из России в 2022 г. зависимость ЕС от альтернативных поставщиков, включая страны Ближнего Востока, существенно возросла. В этих условиях полное прекращение транспортировки энергоресурсов через Ормузский пролив привело к резкому усилению дефицита нефти и газа на европейском рынке, значительному росту ценовой волатильности и снижению предсказуемости функционирования энергетических рынков.

В-четвертых, отдельное значение имеют решения ОПЕК и ОПЕК+⁷⁴, объединяющих Саудовскую Аравию, Кувейт, ОАЭ⁷⁵ и Ливию, а также Россию. Совместная политика сокращения или наращивания добычи оказывает прямое влияние на объемы импорта ЕС и формирование мировых цен на нефть. Так, решения ОПЕК+ о сокращении производства в 2022–2023 гг. способствовали росту цен и ограничили доступность нефти для импортеров, включая Европейский союз, что подчеркивает зависимость ЕС от внешних решений, принимаемых в рамках данного альянса.

Так, в октябре 2022 г. ОПЕК+ согласовала сокращение добычи на 2 млн баррелей в сутки (около 0,27 млн т в сутки) для поддержки цен на нефть на фоне угрозы глобальной рецессии. В течение 2022 г. организация вносила несколько корректировок в производственные планы, временно увеличивая месячные объемы

https://energy.ec.europa.eu/news/commission-calls-eu-countries-coordinate-measures-ensure-oil-security-supply-amid-middle-east-energy-2026-03-31_en (дата обращения: 27.04.2026).

⁷⁴ В состав ОПЕК (Организация стран – экспортеров нефти) по состоянию на 2025 г. входят: Алжир, Венесуэла, Габон, Иран, Ирак, Конго, Кувейт, Ливия, Нигерия, Объединенные Арабские Эмираты, Саудовская Аравия и Экваториальная Гвинея.

Группа ОПЕК+ объединяет государства – участники ОПЕК и ряд стран, не входящих в организацию: Азербайджан, Бахрейн, Бруней, Казахстан, Малайзию, Мексику, Оман, Россию, Судан и Южный Судан.

⁷⁵Примечание: с 1 мая 2026 г. ОАЭ выходят из состава ОПЕК и ОПЕК+.

поставок, а затем вновь ограничивая предложение. В ноябре 2023 г. было принято решение о добровольных сокращениях добычи на уровне 2,2 млн баррелей в сутки (около 0,30 млн т в сутки) до конца ноября 2024 г. В дальнейшем, учитывая изменение рыночных условий, ОПЕК+ объявила о дополнительных ограничениях, что довело общий объем сокращений до 3,66 млн баррелей в сутки (около 0,50 млн т в сутки), начиная с апреля 2025 г. и до сентября 2026 г.⁷⁶

Примечательно, что совокупное сокращение добычи странами ОПЕК+ достигло 5,85 млн баррелей в сутки (около 0,80 млн т в сутки), или около 5,7% мирового объема, что подчеркивает уязвимость ЕС к решениям альянса, принимаемым вне его политического и экономического контроля.

Наконец, внешним ограничением выступает конкуренция со стороны других поставщиков — России, Норвегии и США. Эта конкуренция снижает долю арабских экспортеров на европейском рынке и формирует жесткие условия для сохранения долгосрочных контрактов.

За исключением Алжира и Ливии, большинство крупных арабских экспортеров ориентировано не столько на Европу, сколько на азиатский спрос. Основные потоки направляются в Китай, Индию, Южную Корею и Японию, для которых ближневосточные углеводороды выступают одной из опор энергетической безопасности. Отсюда — долгосрочные контракты, плотные инвестиционные связи и устойчивые альянсы. Европейскому союзу в этой конфигурации остается ограниченное пространство: свободных объемов меньше, а попытки увеличить свою долю в экспорте арабских стран наталкиваются на конкуренцию со стороны азиатских покупателей.

Таким образом, ограничения носят комплексный характер: одновременно действуют институциональные различия, рыночная конъюнктура, технологические разрывы, политические риски, решения ОПЕК и ОПЕК+, а также конкуренция с

⁷⁶ OPEC+ Challenges Trump, Maintains Production Cuts // Egypt Oil & Gas. URL: <https://egyptoil-gas.com/news/opec-challenges-trump-maintains-production-cuts/> (дата обращения: 03.03.2025).

другими крупными поставщиками. В совокупности эти факторы затрудняют быстрое формирование устойчивого и предсказуемого энергетического партнерства ЕС с арабскими странами.

Анализ таких возможностей и слабых мест показывает двойственную природу данного взаимодействия. С одной стороны, перспективы действительно выглядят привлекательными. В краткосрочном периоде речь идет о расширении экспорта, запуске крупных СПГ-проектов Ruwais LNG и North Field Expansion, а также о долгих инициативах в сфере зеленой энергетики и водорода, включая SoutH2 Corridor и NEOM Green Hydrogen. Эти направления постепенно втягивают арабских экспортеров в низкоуглеродную модель европейской энергетики. Для ЕС это еще и способ усилить безопасность поставок через более широкую диверсификацию источников.

С другой стороны, институциональные и технологические различия, политическая нестабильность отдельных стран региона и конкуренция со стороны альтернативных поставщиков формируют систему ограничений. Для ЕС ключевым вызовом остается необходимость сочетать краткосрочные меры по обеспечению углеводородных поставок с долгосрочными целями декарбонизации. Для арабских стран дилемма заключается в сохранении доходов от экспорта нефти и газа при одновременном участии в новых форматах «зеленого» сотрудничества.

С учетом этого можно утверждать, что стратегический вектор развития отношений между ЕС и ключевыми арабскими экспортерами будет определяться балансом между потребностью ЕС в устойчивых поставках и необходимостью ускоренного энергетического перехода. В ближайшей перспективе приоритет останется за наращиванием поставок нефти и газа, тогда как на долгосрочном горизонте именно проекты в сфере возобновляемой энергетики и водорода могут стать определяющими для формирования новой модели партнерства.

На наш взгляд, устойчивость этого взаимодействия будет зависеть от способности сторон совместить экономические интересы с климатической повесткой,

а также от гибкости арабских поставщиков в адаптации к экологическим стандартам ЕС.

3.2 Геоэкономическая конкуренция: стратегические ниши арабских поставщиков в условиях диверсификации поставок

С 2022 г. структура энергетического импорта ЕС претерпела масштабные изменения, обусловленные внешнеполитическими ограничениями, в первую очередь санкциями в отношении российского экспорта энергоносителей, и необходимостью оперативной трансформации системы энергоснабжения. Снижение прямых поставок российской нефти и газа вызвало перераспределение долей на энергетическом рынке ЕС, активизировав конкурентную борьбу между основными экспортерами — арабскими поставщиками, США и Норвегией⁷⁷.

Санкционные ограничения не привели к полному вытеснению российских энергоресурсов с европейского рынка. Как минимум до конца 2025 г. их частичное присутствие сохранялось, хотя и в сокращенном и менее прямом виде: восточноевропейские страны, прежде всего Венгрия и Словакия, опирались на действующие трубопроводные контракты, а по СПГ и нефтепродуктам, где ограничения мягче, заметную роль приобрели обходные торговые маршруты через третьи страны — в первую очередь Индию, Турцию и Сингапур.

На этом фоне особое значение приобретает вопрос о том, как в новую структуру импорта ЕС встраиваются ключевые арабские экспортеры — Алжир, Катар, Кувейт, Ливия, ОАЭ и КСА. Они не просто заполняют ниши, освободившиеся после сокращения российских поставок: каждая страна входит в европейскую систему по собственной траектории, с собственными ресурсами, ограничениями и политическим весом.

⁷⁷Овакимян М. С., Юсупов Г. Э. Роль Европы на энергетическом рынке и вопросы энергетической безопасности // Российский внешнеэкономический вестник. 2022. № 10. С. 54–69.

После 2022 г. энергетический рынок ЕС начал быстро собираться по принципу асимметричной регионализации. Российская сырая нефть, нефтепродукты и природный газ уходили из прежней структуры неравномерно, а освободившиеся объемы перетекали к разным поставщикам. По отдельным направлениям диверсификация фактически закрепляла зависимость от новых региональных центров. Наиболее резкий рывок показали Соединенные Штаты Америки, Норвегия и часть арабских экспортеров.

Катар заметно укрепился в сегменте СПГ, особенно во Франции и Бельгии. Там он частично занял пространство, которое раньше удерживали российские компании. Алжир, пользуясь готовыми маршрутами и давними торговыми связями, увеличил трубопроводные поставки в Испанию и Италию. Ливия выглядит куда менее устойчиво из-за внутренней политической нестабильности, но даже при таком фоне нарастила нефтяной экспорт в южную часть ЕС, прежде всего в Италию и Грецию⁷⁸.

Одновременно с этим в ряде стран Восточной Европы сохраняются остаточные объемы импорта российских энергоносителей. В первую очередь это касается Венгрии и Словакии, которые продолжают закупать нефть в рамках исключений по линии ЕС по ранее заключенным долгосрочным контрактам. Дополнительным каналом остается поставка СПГ из России, особенно в терминалы Бельгии и Франции, а также импорт нефтепродуктов, прошедших переработку в третьих странах.

Таким образом, структура конкуренции на рынке нефти и газа ЕС после 2022 г. характеризуется усилением регионального разнонаправленного давления. Ключевые арабские экспортеры энергоносителей ориентированы преимущественно на южные и западные направления, США — на северо-восточные, Норвегия — северные и центральные, а Россия сохраняет ограниченное, но стабильное присутствие на востоке ЕС. В этой геоэкономической конфигурации особое значение приобретают факторы

⁷⁸ Eurostat. Energy statistics – quantities [Электронный ресурс] // Eurostat Data Browser. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/explore/all/envir?lang=en&subtheme=nrg.nrg_quant.nrg_quanta&display=list&sort=category (дата обращения: 03.09.2025).

транспортной логистики, устойчивости поставок, политической совместимости и долгосрочной договорной базы.

- Сырая нефть

Следует отметить, что в 2019–2024 гг. параметры поставок сырой нефти в крупнейшие экономики западной части ЕС (Германию, Италию и Францию), а также у основных импортеров российской нефти в восточной части ЕС (Венгрии, Словакии и Польше) претерпели существенные изменения. Наиболее заметное сокращение российских поставок наблюдалось в Германии, где их объем снизился с 26,67 млн т до 0,02 млн т, и во Франции — с 6,34 млн т до практически полного прекращения импорта. В Италии и Польше также произошло сокращение зависимости от России: с 9,13 млн т до нуля и с 16,03 млн т до нуля соответственно (см. таблицу 29).

Таблица 29.

Импорт сырой нефти основными странами ЕС Западной и Восточной Европы
от крупнейших поставщиков в 2019–2024 гг., млн т

Страна	Крупнейшие поставщики	2019 г.	2024 г.
Германия	Норвегия	8,31	15,26
	США	4,83	14,28
	Россия	26,67	0,02
	Ливия	8,49	7,40
	Алжир	0,86	1,39
Италия	Ливия	7,79	10,05
	США	1,27	4,46
	КСА	4,91	2,13
	Россия	9,13	0,00
Франция	США	4,17	11,48
	Ливия	3,12	3,28
	ОАЭ	0	2,13
	КСА	8,38	1,35
	Россия	6,34	0
Венгрия	Россия	4,43	4,56

Словакия	Россия	5,01	4,18
	Норвегия	0,00	0,14
	США	2,02	0,04
	Ливия	0	0,03
Польша	КСА	3,86	13,38
	Норвегия	0,54	7,62
	США	0,64	1,68
	Россия	16,03	0

Источник: Составлено автором по данным International Trade Centre. Trade Map:

Trade statistics for international business development (URL:

<https://www.trademap.org/Index.aspx>)

При этом западные страны ЕС замещали российскую нефть преимущественно за счет роста импорта из Норвегии, США и арабских экспортеров энергоносителей. Так, в Германии поставки из Норвегии выросли на 83,6% (с 8,31 до 15,26 млн т), а из США — почти в 3 раза (+195,7%, с 4,83 до 14,28 млн т). Во Франции объемы импорта из США увеличились на 175,3% (с 4,17 до 11,48 млн т). В Италии выросли поставки из Ливии (+29,0%, с 7,79 до 10,05 млн т) и США (в 3,5 раза, с 1,27 до 4,46 млн т), тогда как импорт из Саудовской Аравии сократился более чем вдвое (–56,6%). В Германии импорт из Алжира увеличился на 61,6% (с 0,86 до 1,39 млн т). Польша диверсифицировала импорт в пользу Саудовской Аравии, увеличив закупки более чем в 3 раза (+246,6%), а также существенно расширила поставки из Норвегии (+1311,1%) и США (+162,5%).

Напротив, восточные страны ЕС — Венгрия и Словакия — сохранили зависимость от российских поставок. В Венгрии импорт из России увеличился на 2,9% (с 4,43 до 4,56 млн т), а в Словакии сократился лишь на 16,6% (с 5,01 до 4,18 млн т).

Таким образом, по данным за 2019–2024 гг., структура конкуренции на рынке сырой нефти в ЕС формировалась под воздействием разнонаправленных факторов. Крупнейшие западные экономики Союза ориентировались на диверсификацию импорта за счет расширения сотрудничества с Норвегией, США и ключевыми

арабскими экспортерами. В то же время восточные государства ЕС (Венгрия и Словакия) сохраняли устойчивую зависимость от российских поставок.

- Нефтепродукты

Переходя к анализу импорта нефтепродуктов, следует отметить, что в 2019–2024 гг. его объемы в отдельных странах ЕС, для которых ранее была характерна высокая конкуренция между поставщиками, претерпели существенные изменения. Наиболее заметное сокращение российских поставок зафиксировано в Германии, где импорт сократился с 7,61 млн т практически до нуля, а также во Франции, Италии и Польше (см. таблицу 30).

Таблица 30.

Импорт нефтепродуктов основными странами ЕС Западной и Восточной Европы от крупнейших поставщиков в 2019–2024 гг., млн т

Страна	Крупнейшие поставщики	2019 г.	2024 г.
Германия	ОАЭ	0	0,03
	США	0,28	2,92
	Россия	7,61	0,001
	Кувейт	0,10	0,53
	Алжир	0,49	0,50
	Индия	0,08	0,39
Италия	ОАЭ	0,74	0,97
	Кувейт	0	0,93
	КСА	2,10	3,10
	Россия	2,96	0
	Алжир	0,42	0,62
Франция	США	2,17	3,16
	Кувейт	0,23	2,67
	ОАЭ	2,18	2,03
	КСА	5,34	4,01
	Россия	5,76	0,03
Венгрия	Россия	0,57	0

Польша	КСА	0	0,12
	ОАЭ	0	0,09
	США	0	2,53
	Россия	2,53	0
	Кувейт	0	0,23

Источник: Составлено автором по данным International Trade Centre. Trade Map:

Trade statistics for international business development (URL:

<https://www.trademap.org/Index.aspx>)

Одновременно западные страны ЕС увеличили импорт из альтернативных источников. В Германии поставки из США выросли с 0,28 млн т до 2,92 млн т (+942,9%), а из ОАЭ — с нуля до 0,03 млн т.

В Италии значительный рост показали поставки из Кувейта (с нуля до 0,93 млн т) и ОАЭ (с 0,74 млн т до 0,97 млн т, +31,1%). В случае Франции особенно заметен рост импорта из США — с 2,17 млн т до 3,16 млн т (+45,6%) и из Кувейта — с 0,23 млн т до 2,67 млн т (+1060,9%).

Следует отметить, что увеличение поставок из Индии в значительной степени связано с реэкспортом российских нефтепродуктов через третьи страны. Это объясняет парадоксальную ситуацию: при формальном сокращении прямого импорта из России в странах ЕС значительные объемы нефтепродуктов российского происхождения продолжали поступать через переработку и последующую перепродажу.

Восточные страны ЕС демонстрировали более ограниченные изменения. В Венгрии импорт из России снизился с 0,57 млн т до нуля.

В Польше зависимость от российских поставок была устранена, а основными поставщиками стали США (с нуля до 2,53 млн т) и Кувейт (с нуля до 0,23 млн т).

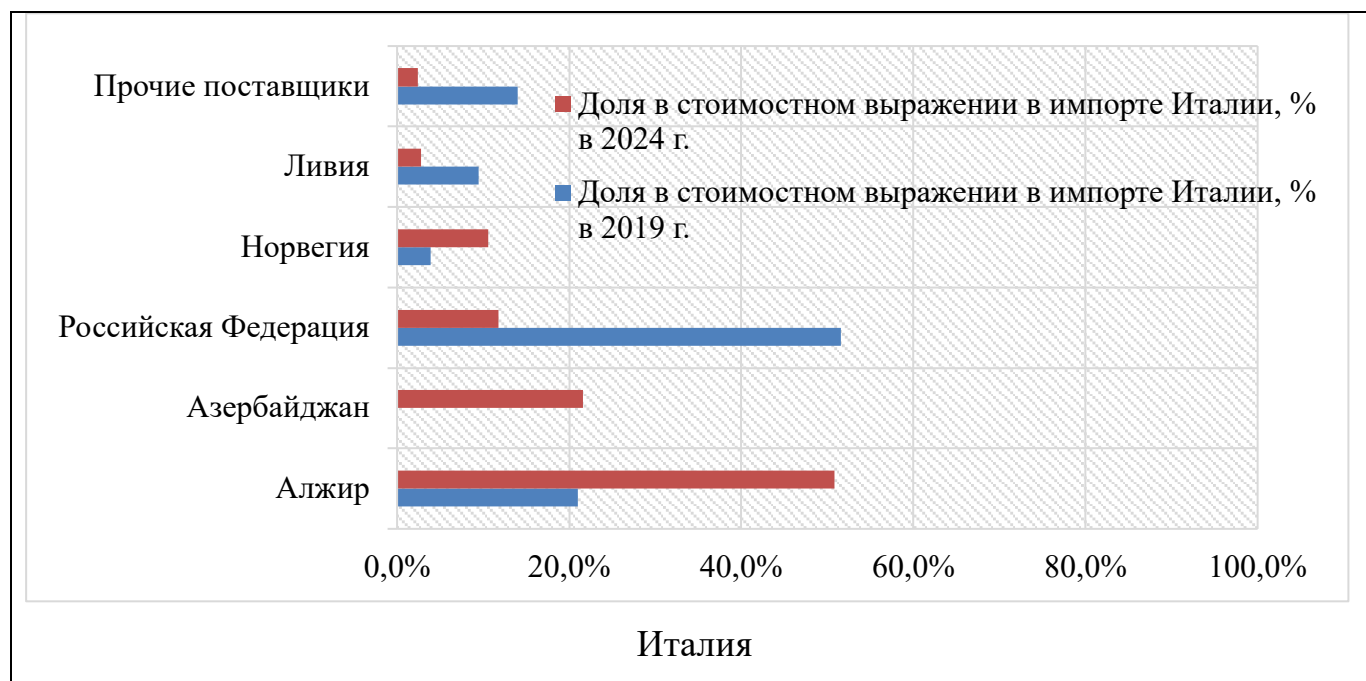
Таким образом, по данным за 2019–2024 гг., конкурентная конфигурация рынка нефтепродуктов в ЕС характеризовалась доминированием США, Саудовской Аравии, ОАЭ и Кувейта в западных странах Союза. В то же время восточные государства ЕС, такие как Венгрия и Словакия, в условиях сокращения прямого импорта из России в

значительной мере ориентировались на поставки нефтепродуктов из других стран Союза, прежде всего из Нидерландов и Германии.

- Природный газ (трубопроводы)

В дополнение к рассмотрению структуры импорта сырой нефти и нефтепродуктов, особый интерес представляет динамика поставок природного газа в газообразном состоянии (HS 271121) и сжиженного природного газа (HS 271111) в крупнейшие страны ЕС.

В 2019–2024 гг. структура импорта природного газа Италией и Испанией претерпела значительные изменения, связанные с перераспределением долей основных поставщиков. Для анализа были выбраны Италия и Испания, что обусловлено наличием у этих стран газопроводов, соединяющих их напрямую с Ливией и Алжиром, которые традиционно занимают устойчивые позиции в их энергетическом импорте (см. рисунок 13).

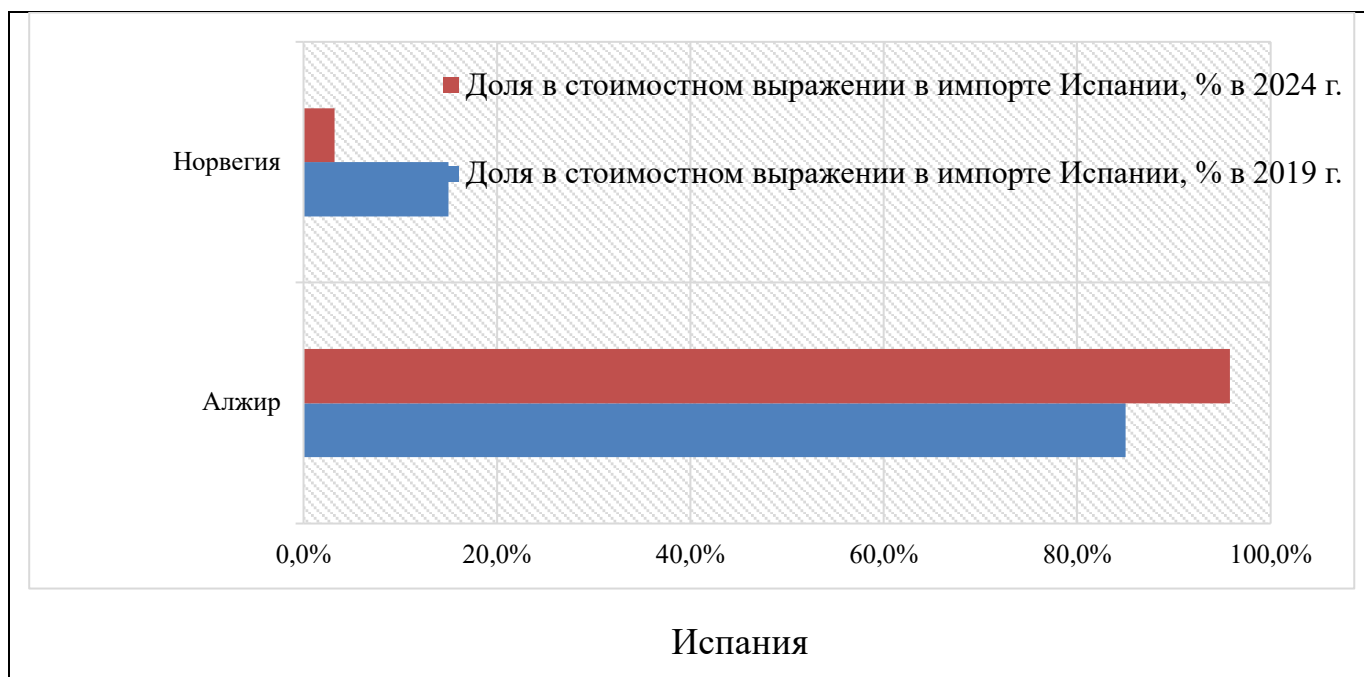

Рисунок 13. Доля в стоимостном выражении в импорте Италии и Испании природного газа в газообразном состоянии (HS271121) от основных поставщиков, %

Источник: Составлено автором по данным International Trade Centre. Trade Map: Trade statistics for international business development (URL: <https://www.trademap.org/Index.aspx>)

В Италии в 2019 г. крупнейшим поставщиком природного газа была Российская Федерация с долей 51,6%. К 2024 г. ее присутствие на рынке снизилось до 11,8%, что отражает общеевропейскую тенденцию сокращения зависимости от российских энергоресурсов. Падение российских объемов в значительной мере было компенсировано ростом импорта из Алжира, увеличившего свою долю с 21,0% до 50,8%, а также Азербайджана, занявшего 21,6% в структуре поставок. Существенный прирост показала и Норвегия (с 3,9% до 10,6%). В то же время позиции Ливии сократились с 9,5% до 2,8%, что связано с внутренней политической нестабильностью и ограниченными возможностями наращивания добычи.

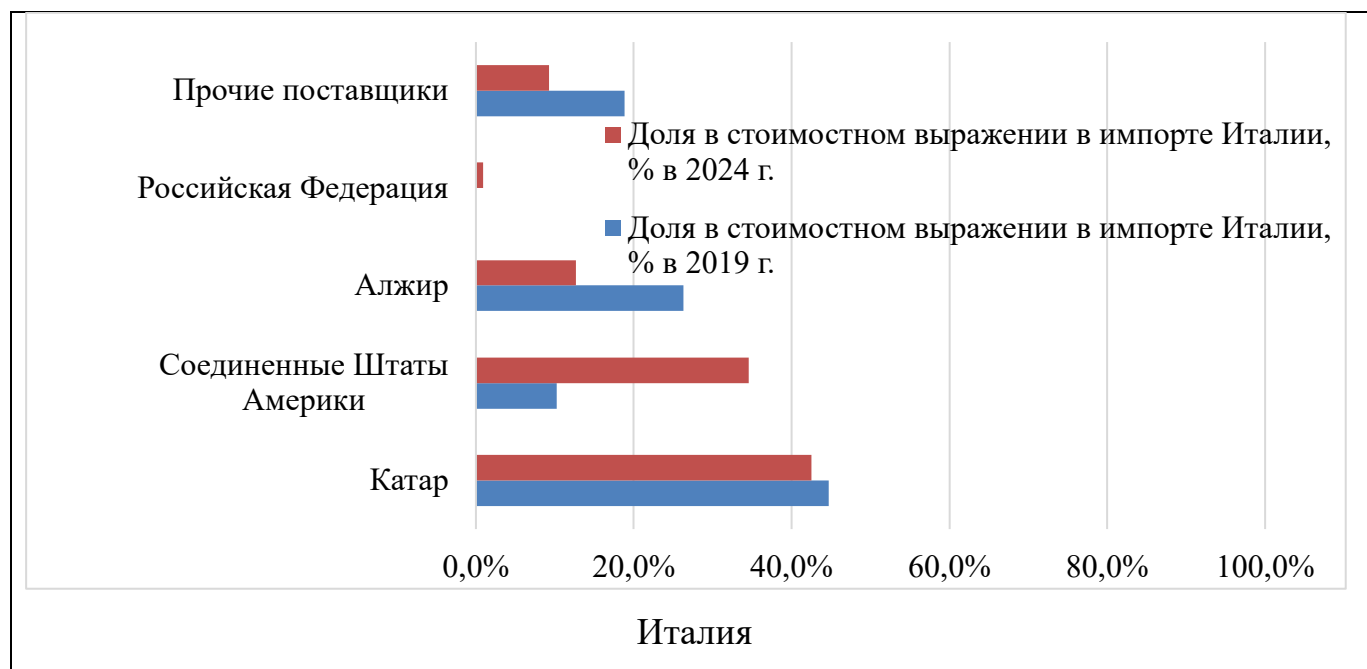
В Испании ситуация отличалась большей стабильностью. Алжир сохранил статус ведущего поставщика, увеличив долю с 85,0% в 2019 г. до 95,8% в 2024 г.

Норвегия, напротив, сократила свое присутствие с 15,0% до 3,2%, тогда как прочие поставщики не оказали существенного влияния на структуру импорта.

Таким образом, по данным на 2024 г., на южноевропейском направлении складывается следующая конкурентная конфигурация: Алжир и Азербайджан усиливают свои позиции как ключевые поставщики Италии, тогда как Испания усилила зависимость от одного экспортера — Алжира. При этом устойчивость поставок в Италию и Испанию во многом определяется существующими газопроводными маршрутами, связывающими их с Алжиром и Ливией.

- СПГ

В 2019–2024 гг. структура импорта сжиженного природного газа крупнейшими странами ЕС также претерпела заметные изменения. Для анализа были выбраны Италия и Франция, поскольку именно на этих направлениях наиболее отчетливо проявляется конкуренция между поставщиками, а сами страны являются ведущими экономиками ЕС наряду с Германией (см. рисунок 14).

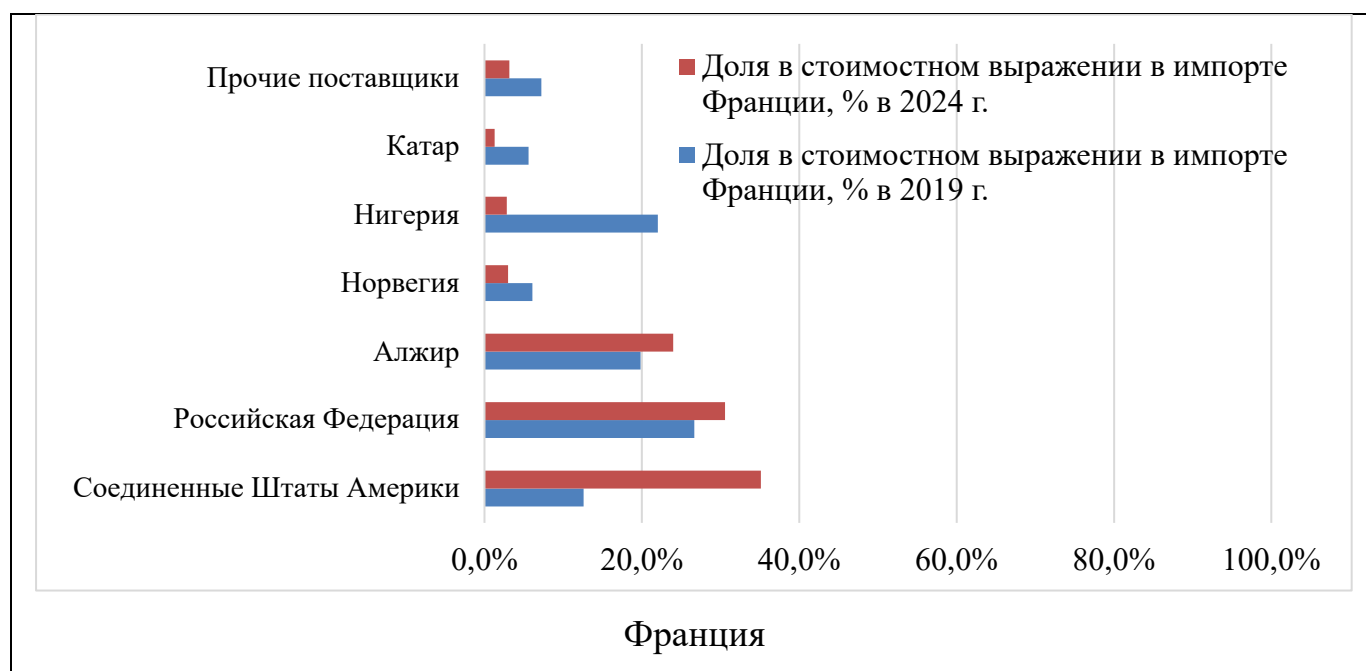

Рисунок 14. Доля в стоимостном выражении в импорте Италии и Франции сжиженного природного газа (HS 271111) от основных поставщиков, %

Источник: Составлено автором по данным International Trade Centre. Trade Map: Trade statistics for international business development (URL: <https://www.trademap.org/Index.aspx>)

В Италии в 2019 г. ключевым поставщиком СПГ был Катар с долей 44,7%, за которым следовали Алжир (26,3%) и США (10,2%). К 2024 г. структура изменилась: Катар сохранил лидирующие позиции, хотя его доля снизилась до 42,5%; США существенно увеличили свое присутствие, заняв 34,6% в импорте; доля Алжира сократилась до 12,7%. Впервые появилась Российская Федерация (0,9%), тогда как совокупная доля прочих поставщиков уменьшилась с 18,8% до 9,3%. Таким образом, сокращение роли Алжира и частичное ослабление Катара были компенсированы стремительным ростом американских поставок.

Во Франции в 2019 г. наблюдалась более диверсифицированная структура: наибольшие доли приходились на Российскую Федерацию (26,7%), Нигерию (22,0%) и Алжир (19,8%), тогда как США занимали лишь 12,6%, а Катар — 5,6%. К 2024 г. ситуация изменилась: США вышли на первое место с долей 35,1%, а доля России выросла до 30,6%, несмотря на общие санкционные ограничения, что связано с

сохранением поставок СПГ, не подпавших под эмбарго. При этом доли Нигерии (с 22,0 до 2,8%) и Катара (с 5,6 до 1,3%) сократились, тогда как Алжир укрепил позиции до 24,0%, а Норвегия заняла 3,0%.

Таким образом, по данным на 2024 г., конкурентная конфигурация на рынке СПГ в Италии характеризуется доминированием Катара и быстрым ростом США, тогда как во Франции основными игроками стали США и Россия, сохранившие и даже усилившие свои позиции. Это подчеркивает, что Италия демонстрирует модель диверсификации за счет сочетания ближневосточных и американских поставок, а Франция — модель сохранения значительной зависимости от российского СПГ при одновременном усилении доли США.

Геоэкономическая конкуренция на энергетическом рынке ЕС в условиях отказа от российских поставок нефти и газа продемонстрировала разнонаправленное перераспределение долей между ключевыми экспортерами. Западные страны ЕС выстраивают стратегию диверсификации за счет увеличения импорта из США, Норвегии и арабских экспортеров, тогда как восточные государства в большей степени сохраняют привязку к российским поставкам или же зависят от поставок нефтепродуктов внутри ЕС, прежде всего из Нидерландов и Германии.

Ключевые арабские экспортеры после 2022 г. не просто заняли часть освободившегося спроса, но быстро распределили между собой отдельные ниши европейского рынка. Алжир и Ливия удерживают южный трубопроводный пояс, ориентированный на средиземноморские страны ЕС. Катар закрепляется в сегменте сжиженного газа, где определяющую роль играют долгосрочные договоры и работа с крупными покупателями. Саудовская Аравия и Кувейт активнее входят в сегмент нефтепродуктов, замещая объемы, ранее связанные с российским направлением. Такое распределение усиливает позиции Ближнего Востока и Северной Африки, но одновременно формирует для ЕС новую конфигурацию зависимости.

На наш взгляд, в 2022–2024 гг. в ЕС сложилась не просто обновленная схема импорта, а новая энергетическая конфигурация. США выступают глобальным

стратегическим партнером с масштабным ресурсом СПГ. Норвегия сохраняет статус главного регионального поставщика, опираясь на географическую близость, политическую устойчивость и готовую инфраструктуру. Арабские экспортеры действуют иначе: они используют сокращение российского присутствия, закрепляясь в коридорах, которые прежде были для них практически недоступны.

Полного ухода России с рынка при этом не произошло: ее присутствие сузилось, однако отдельные восточноевропейские страны сохраняют прежние каналы поставок. Поэтому арабские экспортеры получают не свободное пространство, а рынок с плотной конкуренцией. Их позиции опираются на географию, транспортные маршруты, гибкость контрактов и способность оперативно предлагать приемлемые условия — особенно там, где ЕС ищет не только дополнительные объемы, но и более устойчивую систему снабжения.

Следовательно, геоэкономическая конкуренция вокруг европейского рынка в ближайшей перспективе будет разворачиваться между тремя центрами. США закрепляют за собой роль глобального поставщика с опорой на СПГ, Норвегия — роль ближнего регионального экспортера, а арабские страны расширяют присутствие в освободившихся нишах южного и западного направлений. Россия при этом сохраняет остаточные позиции на востоке ЕС. Исход этой конкуренции будет определяться транспортной логистикой, устойчивостью поставок, политической совместимостью и долгосрочной договорной базой — факторами, которые и формируют стратегические ниши арабских поставщиков.

3.3 Сценарии трансформации энергетического рынка ЕС и перспективы арабских поставщиков энергоносителей

В условиях масштабной трансформации энергетического рынка ЕС ключевым направлением научного анализа становится прогнозирование возможных сценариев его дальнейшего развития. Структурные изменения, произошедшие в 2022–2024 гг.

под воздействием геополитических факторов, санкционных ограничений и форсирования зеленого перехода, формируют ситуацию высокой неопределенности. Для стран ЕС приоритетными остаются три стратегических вектора: диверсификация источников энергоснабжения, снижение зависимости от традиционных поставщиков углеводородов и достижение целей низкоуглеродной энергетической стратегии.

В этой связи перспективы ключевых арабских экспортеров на рынке ЕС определяются не только их ролью в качестве надежных поставщиков нефти и газа, но и возможностью стратегического партнерства в реализации проектов по снижению выбросов и развитию возобновляемых источников энергии.

Для оценки возможных направлений дальнейшего развития сотрудничества используется сценарный анализ. Выбор данного метода обусловлен высокой степенью неопределенности, сопровождающей трансформацию нефтегазового рынка Европейского союза, а также необходимостью анализа вариантов развития внешнеэкономических связей в зависимости от изменения рыночных и институциональных условий.

Применение сценарного анализа позволяет определить возможные направления развития нефтегазового рынка ЕС и на этой основе разработать практические рекомендации для основных арабских поставщиков, направленные на сохранение и укрепление их позиций на рынке ЕС в условиях дальнейшей трансформации этого сектора.

Разработка сценариев основывается на результатах проведенного исследования, включая анализ динамики импорта нефти и природного газа, изменения структуры поставок, развития инфраструктуры, реализации плана REPowerEU, темпов энергетического перехода и изменения внешнеэкономических отношений между ЕС и основными странами-поставщиками. В отличие от прогнозирования, сценарный анализ не предполагает определения наиболее вероятного варианта развития событий, а позволяет оценить возможные последствия различных направлений трансформации нефтегазового рынка ЕС.

В рамках дальнейшей трансформации энергетической политики Европейский союз нацелен на существенное усиление роли возобновляемых источников энергии. В соответствии с целями плана REPowerEU и Европейского зеленого курса к 2030 г. установлен обязательный показатель: не менее 42,5% конечного энергопотребления должно обеспечиваться за счет возобновляемых источников, при этом целевой ориентир составляет 45% (см. рисунок 15).

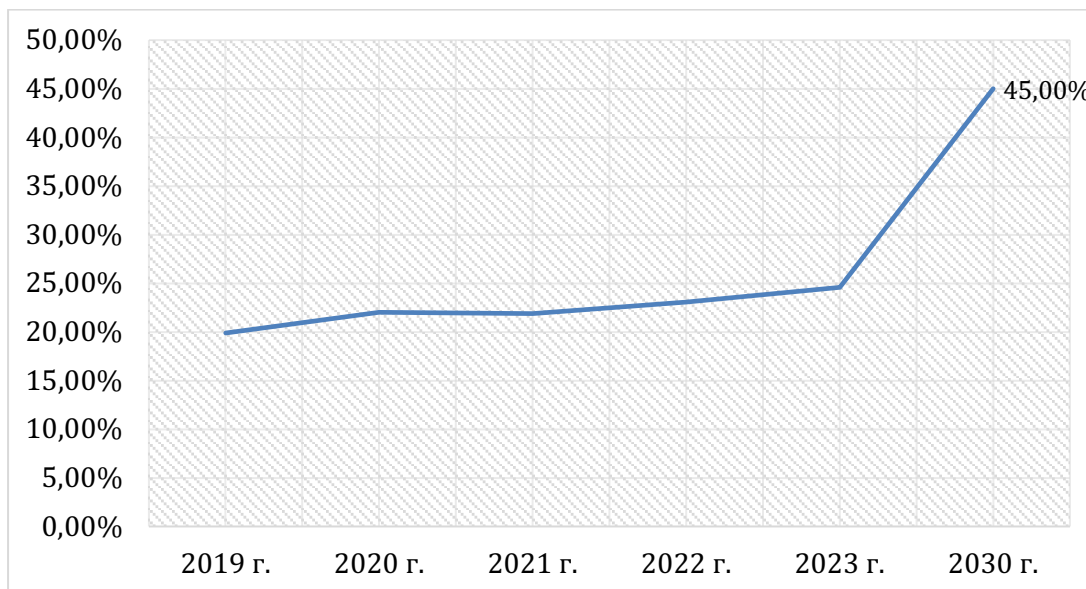

Рисунок 15. Доля возобновляемых источников энергии в структуре энергопотребления ЕС и цель плана REPowerEU

Источник: Составлено автором по данным официального сайта Европейского союза (URL: https://european-union.europa.eu/index_en).

Более того, ЕС планирует масштабное ускорение внедрения технологий возобновляемой энергетики во всех секторах — электроэнергетике, промышленности, строительстве и транспорте. Данные меры направлены на выполнение задачи по сокращению выбросов парниковых газов на 55% к 2030 г. и формирование более устойчивой ценовой динамики на энергетическом рынке⁷⁹.

В связи с этим представляется целесообразным рассмотреть альтернативные сценарии трансформации нефтегазового рынка ЕС до 2030 г. и оценить их влияние на

⁷⁹Renewable Energy Directive: EU reaches deal on higher renewables targets for 2030 [Электронный ресурс] // European Commission. 2023. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_23_2061 (дата обращения: 04.09.2025).

дальнейшее развитие сотрудничества с основными арабскими поставщиками. Первый сценарий предполагает нормализацию отношений с Российской Федерацией и замедление зеленого перехода, что может частично восстановить традиционные модели торговли углеводородами. Второй сценарий связан с полной реализацией плана REPowerEU и углублением диверсификации в пользу ключевых арабских экспортеров, что отражает стремление ЕС к долгосрочной устойчивости и снижению зависимости от одного поставщика.

Соответственно, возможные сценарии развития энергетического рынка ЕС будут сформированы на основе данной концепции и в соответствии с методологией исследовательского сценарного планирования (XSP)⁸⁰. Данный метод представляет собой развитие классического сценарного анализа, впервые институционализированного корпорацией Royal Dutch Shell в 1960-е гг. в целях долгосрочного прогнозирования тенденций мирового энергетического рынка⁸¹. В современном виде XSP был систематизирован и получил широкое распространение благодаря работам Дж. Стэплтона и исследовательских центров США — Lincoln Institute of Land Policy и Sonoran Institute, которые в 2010-е гг. разработали практические руководства по его применению⁸².

Методология XSP предполагает поэтапное построение нескольких альтернативных сценариев будущего, основанное на выявлении ключевых факторов неопределенности, формировании логически непротиворечивых сценарных траекторий, оценке последствий для различных групп участников и определении устойчивых стратегий, которые сохраняют эффективность вне зависимости от выбранного сценария⁸³.

⁸⁰ XSP фокусируется на ключевых неопределенностях и факторах, которые имеют особое значение в контексте геополитически чувствительных энергетических рынков.

⁸¹ Kahn H. *Thinking About the Unthinkable*. New York: Horizon Press, 1962. 254 p.

⁸² Stapleton J. *How to Use Exploratory Scenario Planning (XSP)*. Cambridge, MA: Lincoln Institute of Land Policy, 2013. 54 p.

⁸³ Bradfield R., Wright G., Burt G., Cairns G., Van der Heijden K. The origins and evolution of scenario techniques in long range business planning // *Futures*. 2005. Vol. 37, No. 8. P. 795–812.

Применение XSP в диссертационном исследовании обосновано непредсказуемостью трансформации энергетической политики ЕС, что требует не только статистического и ретроспективного анализа, но и моделирования возможных траекторий развития рынка. Это позволяет оценить перспективы и риски для ключевых арабских экспортеров нефти и газа и определить потенциальные направления сотрудничества с ЕС в условиях усиливающейся конкуренции и ускоренной декарбонизации.

При этом формирование сценариев осуществляется с учетом динамики импорта нефти и газа в страны ЕС и реализации плана REPowerEU. В ходе анализа оценивается влияние на энергетическую безопасность, динамику цен и геополитические риски, что позволяет формировать рекомендации, основанные на достоверных данных.

При формировании сценариев учитывались следующие ключевые параметры развития сотрудничества ЕС с основными арабскими поставщиками (см. таблицу 31).

Таблица 31.

Ключевые параметры сценарного анализа сотрудничества ЕС с основными арабскими поставщиками нефти и газа

Параметр	Содержание оценки
Диверсификация импорта	Оценка изменения структуры импорта ЕС, перераспределения долей основных поставщиков и степени зависимости от отдельных стран-экспортеров.
Развитие инфраструктуры поставок	Анализ развития трубопроводной инфраструктуры, мощностей по приему СПГ и логистических возможностей обеспечения поставок на рынок ЕС.
Энергетический переход ЕС	Оценка влияния реализации Европейского зеленого курса, плана REPowerEU и развития возобновляемых

	источников энергии на спрос на нефть и газ.
Динамика спроса	Анализ возможных изменений объемов потребления на рынке ЕС в среднесрочной и долгосрочной перспективе.
Конкурентная среда	Оценка уровня конкуренции между основными внешними поставщиками, включая государства арабского региона, Россию, Норвегию, США и других экспортеров.

Источник: Составлено автором

С учетом рассмотренных параметров были выделены две основные оси неопределенности, которые легли в основу построения сценариев трансформации нефтегазового рынка ЕС к 2030 г. (см. таблицу 32).

Таблица 32.

Основные оси неопределенности сценариев трансформации нефтегазового рынка ЕС к 2030 г.

2030 г.	
Ось 1: Нормализация отношений с Россией и замедление зеленого перехода.	Ось 2: Полная реализация REPowerEU и диверсификация в интересах ключевых арабских экспортеров энергоресурсов.

Источник: Составлено автором

Сценарии оцениваются на предмет соответствия целям энергетического перехода ЕС (с учетом Парижского соглашения и целей REPowerEU).

Ключевые цели энергетической политики ЕС:

1. сокращение выбросов парниковых газов на 55% к 2030 г. (от уровня 1990 г.);
2. Энергетическая безопасность: минимизация зависимости от импорта нефти и газа (особенно от России);

3. Развитие ВИЭ: увеличение доли до 45% в структуре конечного энергопотребления ЕС к 2030 г.;
4. Экономическая стабильность: баланс между доступностью энергии и затратами на переход.

В качестве первого сценария рассматривается нормализация отношений с Российской Федерацией. В этих условиях можно предположить, что объем импорта из России увеличится, а выполнение плана REPowerEU будет лишь частичным. Одновременно рост использования возобновляемых источников энергии замедлится вследствие удешевления энергии за счет поставок российского топлива. При таком сценарии импорт нефти и газа от ключевых арабских поставщиков сократится из-за снижения спроса на них в условиях возвращения России на энергетический рынок ЕС (см. таблицу 33).

Таблица 33.

Сценарий 1: последствия нормализации энергетического сотрудничества ЕС с
Российской Федерацией

Показатель	Возможные последствия
Импорт газа из России в ЕС	Зависимость ЕС от российского газа возвращается на уровень 35–40% (трубопроводный газ и СПГ). Восстанавливается работа газопроводов «Ямал — Европа», «Северный поток — 1», «Северный поток — 2» и транзитного маршрута через Украину. Санкции снимаются, российские компании («Газпром», «Роснефть», «Лукойл») возвращаются на европейский энергетический рынок.
Импорт нефти из России в ЕС	Зависимость ЕС от российской нефти (сырая нефть, нефтепродукты) возрастает до 20–25%. Отменяется потолок цен стран G7, возобновляется работа нефтепровода «Дружба».
Экспорт газа арабских стран в ЕС	Сокращение поставок на фоне роста экспорта в Азию. Спрос ЕС перераспределяется в пользу более дешевого российского газа. Нестабильность в Ливии дополнительно ограничивает объемы экспорта.
Экспорт нефти арабских стран в ЕС	Сокращение поставок (например, из Саудовской Аравии и Кувейта) на фоне роста экспорта в Азию. Увеличение экспорта российской нефти в ЕС снижает спрос на альтернативных поставщиков.

Доля возобновляемых источников энергии в ЕС	Увеличение доли ВИЭ замедляется: прогнозируемый уровень к 2030 г. составит 35–40%. Реализация плана REPowerEU ограничивается ростом доступности дешевого российского топлива.
Цены на энергоресурсы	Газ на хабе TTF: 35–45 евро/МВт·ч. Нефть марки Brent: 60–70 долл. США за баррель. Восстановление поставок из России приводит к снижению цен на электроэнергию из-за замедления роста ВИЭ и доступности углеводородного топлива.
Выбросы CO₂	Замедленное снижение. Ограниченный прогресс в декарбонизации в связи с увеличением объемов импорта и экспорта российской нефти и газа.

Источник: Составлено автором

Соответственно, рост энергетической зависимости ЕС от Российской Федерации в рамках данного сценария имеет двойственный эффект. С одной стороны, это способствует:

- Преодолению дефицита энергоресурсов в ЕС;
- Снижению цен на газ и нефть;
- Смягчению последствий энергетического кризиса.

С другой стороны, такая модель развития приводит к:

- Повышению политических рисков, связанных с обеспечением энергетической безопасности;
- Замедлению выполнения планов ЕС по сокращению выбросов CO₂;
- Сохранению высокой зависимости от ископаемого топлива.

Следовательно, данный сценарий не соответствует стратегическим целям преследуемого энергетического перехода ЕС, так как зависимость от российских энергоресурсов возрастает, доля возобновляемых источников энергии не достигает запланированных показателей, а сокращение выбросов парниковых газов не позволит выполнить целевой ориентир –55% к 2030 г.

Реализация данного сценария ограничит диверсификацию внешних поставок, приведет к увеличению использования нефти и газа в промышленности и окажет

негативное влияние на реализацию инициатив по переходу к низкоуглеродной экономике в рамках Европейского зеленого курса.

В качестве второго сценария рассматривается полная реализация плана REPowerEU и диверсификация поставок за счет увеличения поставок арабских экспортеров. В этих условиях можно предположить, что объемы импорта российского газа и нефти будут снижены до минимального уровня, а приоритетное значение получат поставки ключевых арабских экспортеров энергоносителей.

Одновременно ускорится внедрение возобновляемых источников энергии что позволит с большей вероятностью достичь установленных целевых показателей по декарбонизации. При таком сценарии доля арабских поставщиков в структуре импорта ЕС возрастет, они получат возможность приобрести статус стратегических партнеров, в том числе в реализации проектов в области низкоуглеродной энергетики и возобновляемых источников (см. таблицу 34).

Таблица 34.

Сценарий 2: последствия реализации плана REPowerEU и диверсификации источников импорта нефти и природного газа ЕС

Показатель	Возможные последствия
Импорт газа и нефти из России в ЕС	Импорт из России сокращается до минимума; Санкции сохраняются; Нефтепровод «Дружба» закрыт, долгосрочные контракты не продлеваются; Газопроводы «Ямал — Европа», «Северный поток – 1» и «Северный поток – 2» остаются недоступными; Транзитный газопровод через Украину функционирует ограниченно.
Импорт газа в ЕС из арабских стран	Доля ключевых арабских поставщиков СПГ, включая Алжир, ОАЭ и Катар, возрастает.
Импорт нефти в ЕС из арабских стран	Доля ключевых арабских поставщиков сырой нефти и нефтепродуктов, включая Алжир, КСА, ОАЭ и Кувейт, сокращается вследствие усиления зависимости ЕС от возобновляемых источников энергии.

Доля ВИЭ в ЕС	Увеличение доли ВИЭ в энергобалансе ЕС до 42,5–45% к 2030 г. Полномасштабная реализация плана REPowerEU способствует ускоренному росту возобновляемых источников энергии; Сотрудничество с ключевыми арабскими экспортерами в области проектов по развитию возобновляемой энергетики расширяется.
Цены на энергоресурсы	В краткосрочной перспективе цены остаются высокими из-за значительных затрат на инфраструктуру СПГ. Прогнозируется, что цены на газ и нефть будут выше, чем в сценарии восстановления поставок из России: газ – выше 45–50 евро/МВт·ч, нефть марки Brent – свыше 70-80 долл. США за баррель.
Выбросы CO ₂	Быстрое снижение. К 2030 г. выбросы будут сведены к минимуму за счет ускоренного перехода на возобновляемые источники энергии и высокого прогресса в декарбонизации.

Источник: Составлено автором

Соответственно, снижение зависимости ЕС от ископаемого топлива имеет двойственный эффект. С одной стороны, это способствует:

- Сокращению экспорта нефти и газа по сравнению с 2022 г.;
- Успешной реализации плана REPowerEU;
- Снижению выбросов CO₂.

С другой стороны, сложившаяся динамика приводит к следующим последствиям:

- Росту цен на нефть и нефтепродукты как следствию диверсификации поставок, что подтверждается статистическими данными, представленными в первой главе диссертации;

- Риску нестабильности импорта из Алжира и Ливии вследствие политических потрясений;

- Влиянию ограничений, вводимых ОПЕК+, членами которой являются КСА и ОАЭ.

Таким образом, данный сценарий соответствует целям энергоперехода ЕС, поскольку зависимость от российских энергоресурсов снижается, целевые показатели по возобновляемым источникам энергии достигаются, а выбросы парниковых газов, вероятно, могут быть сокращены на 55% к 2030 г.

По нашему мнению, трансформация энергетического рынка ЕС может развиваться по одному из рассмотренных сценариев в зависимости от изменения политических и экономических отношений с Россией. С учетом того, что заявляемым стратегическим приоритетом ЕС остается сокращение зависимости от ископаемых энергоресурсов, к 2030 г. ожидается снижение импорта энергоресурсов как из России, так и из арабских стран. В то же время в краткосрочной перспективе вероятен рост поставок из арабских стран до момента, когда ЕС сможет достичь устойчивого сокращения импорта углеводородов в долгосрочной перспективе (к 2030 г. и далее).

Из анализа построенных сценариев следует, что первый сценарий обеспечивает краткосрочные экономические выгоды, но увеличивает стратегические риски. Российский экспорт в ЕС в этом случае способен обеспечить достаточные объемы для преодоления энергетического кризиса, проявившегося наиболее остро в 2022 г. Дополнительным фактором становится снижение цен на нефть и газ, что может улучшить положение промышленного сектора, зависящего от этих ресурсов. В то же время в долгосрочной перспективе данный сценарий замедляет переход ЕС к возобновляемым источникам энергии из-за сохранения углеводородной зависимости, что не позволит достичь целевых показателей по декарбонизации.

Для ключевых арабских экспортеров энергоносителей возможное заключение долгосрочных контрактов с ЕС позволит компенсировать негативные эффекты, однако при их отсутствии конкурентоспособность будет снижена вследствие более высоких цен по сравнению с российскими энергоресурсами.

Второй сценарий предполагает временное замедление экономического роста в ЕС, обусловленное тремя ключевыми факторами: высокими затратами на энергетический переход (включая производство и импорт оборудования для возобновляемой энергетики), необходимостью закупки более дорогих ископаемых энергоресурсов у альтернативных поставщиков и значительными инвестициями в инновационные отрасли, создание которых планируется осуществлять на базе ВИЭ.

Однако в долгосрочной перспективе, после завершения перехода на возобновляемую энергетику, может ожидаться ускорение экономического роста.

Для ключевых арабских экспортеров энергоносителей второй сценарий несет значительные экономические выгоды: Алжир и Ливия могут увеличить трубопроводные поставки газа в ЕС, а Катар – существенно расширить экспорт СПГ. Этому будет способствовать снижение российского присутствия на европейском рынке вследствие санкционного давления.

Вероятность реализации второго сценария оценивается как высокая (50–80%), первого — как умеренная (20–50%). Оба сценария предполагают, что усилия ЕС будут направлены на выполнение обязательств Парижского соглашения: сокращение выбросов парниковых газов на 55%, увеличение доли возобновляемых источников энергии в энергобалансе до 45% к 2030 г., а также снижение зависимости от ископаемых энергоресурсов, в первую очередь от российских.

Следует отметить, что перспективы выхода ключевых арабских экспортеров на энергетический рынок ЕС представляются достаточно сложными. Несмотря на наличие значительных углеводородных ресурсов и развитой инфраструктуры, указанные страны сталкиваются с конкуренцией со стороны альтернативных поставщиков, инфраструктурными ограничениями и нестабильностью цен.

При рассмотрении шести арабских стран можно выделить следующие перспективные направления их участия в энергетическом сотрудничестве с ЕС к 2030 г. (см. таблицу 35).

Сравнительный анализ сценариев энергетического перехода ЕС и их влияния на перспективы ключевых арабских экспортеров энергоресурсов⁸⁴

Страна	Сценарий 1	Сценарий 2
Алжир	Спрос падает, конкуренция с Россией усиливается	Остается поставщиком «переходного» газа, требуется эконоадаптация
Ливия	Ограниченный экспорт из-за нестабильности и конкуренции	Возможна краткосрочная роль, но ограничена из-за эко-рисков
Кувейт	Сохраняет экспорт нефти, но роль в ЕС ограничена	Низкая адаптация к ВИЭ; перспективы слабы
КСА	Стабильный экспортер, выигрывает от низкой себестоимости	Сильные позиции благодаря водороду и низкому CO ₂
ОАЭ	Поддерживает стабильные поставки, развивает ВИЭ	Оптимальный партнер: нефть и зеленая энергетика
Катар	Надежный поставщик СПГ по контрактам	СПГ как переходное топливо и инвестиции в водород и ВИЭ

Источник: Составлено автором

Учет перспектив, связанных с реализацией каждого из сценариев энергетического перехода ЕС позволяет выделить специфические возможности и ограничения для ключевых арабских экспортеров энергоресурсов. В этой связи в дальнейшем будет представлена оценка устойчивости арабских стран как энергетических партнеров ЕС в контексте двух сценариев трансформации (см. таблицу 36).

⁸⁴Примечание: Высокая устойчивость – сильное соответствие целям ЕС: низкий углеродный след, надежность поставок, активное развитие возобновляемых источников энергии. Средняя устойчивость – частичное соответствие: есть определенный прогресс, но ограничения сохраняются (например, по выбросам или ВИЭ). Низкая устойчивость – слабое соответствие: высокая зависимость от ископаемого топлива, политические или логистические риски, отсутствие стратегии зеленого перехода.

Оценка устойчивости арабских стран как энергетических партнеров ЕС в контексте двух сценариев трансформации

Страна	Сценарий 1:	Сценарий 2:
Алжир	Средняя	Средняя
Ливия	Низкая	Низкая
Кувейт	Средняя	Низкая
КСА	Высокая	Высокая
ОАЭ	Высокая	Высокая
Катар	Высокая	Высокая

Источник: Составлено автором

Трансформация энергетического рынка ЕС осуществляется в направлении реализации стратегии низкоуглеродного развития, диверсификации источников энергоснабжения и снижения зависимости от традиционных поставщиков углеводородов. Вместе с тем данный процесс сопряжен с высокими издержками и может оказать негативное влияние на промышленный сектор ЕС, в значительной степени зависящий от традиционных энергоносителей, а также на тарифы ЖКХ.

В этих условиях ключевые арабские экспортеры сохраняют возможность продолжать поставки нефти и газа в ЕС, хотя и в меньших объемах, чем в предшествующие периоды. Перспективы дальнейшего сотрудничества будут смещаться в сторону реализации совместных проектов по низко-углеродным технологиям, развитию чистой энергетики и возобновляемых источников. Подобная ориентация позволяет арабским экспортерам интегрироваться в долгосрочную стратегию ЕС и укреплять свои позиции в трансформирующейся конкурентной среде.

Следует учитывать, что даже при достижении целевого показателя в 45% возобновляемых источников в структуре энергопотребления к 2030 г., остающиеся 55% будут покрываться традиционными энергоносителями, прежде всего нефтью и газом. Это означает, что сотрудничество с внешними поставщиками, включая ключевых арабских экспортеров, сохранит стратегическое значение.

На наш взгляд, именно сочетание традиционных поставок и новых форм взаимодействия в области чистой энергетики станет определяющим фактором устойчивости сотрудничества ЕС и ключевых арабских экспортеров в долгосрочной перспективе.

В рамках проведенного исследования и сценарного анализа сформулированы научно-практические рекомендации для обоих сценариев, ориентированные на защиту и продвижение интересов арабских стран, а также на расширение энергетического сотрудничества с Европейским союзом и укрепление их позиций на рынке ЕС при снижении асимметрии партнерских отношений.

1. Для повышения обоснованности экспортных решений арабским странам целесообразно сформировать комплексную систему оценки перспектив присутствия на рынке ЕС. Она должна учитывать динамику европейского спроса и цен, изменения в структуре импорта, требования углеродного регулирования, инфраструктурные ограничения и конкурентные позиции внешних поставщиков. Особое значение имеет возможная трансформация энергетических отношений ЕС с Россией: экспортные и инвестиционные решения следует оценивать как при сохранении российского импорта на сокращенном уровне, так и при его частичном восстановлении до 2030 г. Это позволит определять наиболее перспективные сегменты рынка и сохранять сценарную гибкость экспортной стратегии.

2. Контрактную стратегию целесообразно строить на сочетании долгосрочных обязательств и гибких механизмов поставок. Долгосрочные соглашения следует использовать при наличии устойчивого спроса и выгодных ценовых условий, одновременно сохраняя возможность корректировать объемы, сроки и направления поставок. Экологические и климатические требования ЕС необходимо учитывать при сохранении экономической эффективности экспорта и возможности перераспределения потоков между региональными рынками.

Спотовый рынок ЕС может использоваться как дополнительный инструмент гибкого реагирования на изменения спроса и ценовой конъюнктуры.

3. Традиционное нефтегазовое сотрудничество целесообразно дополнять развитием проектов в сфере СПГ, зеленого водорода, возобновляемой энергетики и декарбонизации. Сохраняющийся спрос ЕС на нефть и газ позволяет арабским экспортерам использовать преимущества традиционной специализации, однако снижение роли ископаемого топлива в европейском энергобалансе требует расширения новых направлений взаимодействия. Перспективными являются увеличение СПГ-мощностей, участие в водородных и низкоуглеродных проектах и развитие сопутствующей транспортной инфраструктуры. Сотрудничество с европейскими компаниями и научно-техническими центрами может также способствовать получению технологий и компетенций, применимых на других экспортных направлениях, включая азиатские рынки.

4. Для Алжира и Ливии основным направлением укрепления позиций в ЕС является более эффективное использование географических и инфраструктурных преимуществ на рынках Южной Европы. Алжиру целесообразно модернизировать экспортную инфраструктуру, повышать эффективность использования TransMed и Medgaz и надежность поставок. Для Ливии приоритетными остаются восстановление нефтегазовой инфраструктуры, стабилизация добычи и более эффективное использование GreenStream. Это позволит обеим странам укреплять позиции на рынках Италии, Испании и Южной Европы в целом.

5. Для Катара, Саудовской Аравии, Кувейта и ОАЭ целесообразно сохранять ведущую роль азиатского направления при гибком использовании рынка ЕС. Европейский рынок следует рассматривать как дополнительное направление диверсификации, позволяющее перераспределять нефть, нефтепродукты и СПГ в зависимости от спроса, ценовой конъюнктуры и контрактных условий. Для Катара особое значение имеют расширение СПГ-мощностей и сочетание долгосрочных контрактов с гибкостью поставок, тогда как для Саудовской Аравии, Кувейта и ОАЭ

— сохранение гибкости экспортных потоков и ориентация на собственные экономические и стратегические интересы.

6. Расширение присутствия арабских экспортеров должно сопровождаться развитием конкурентоспособных транспортно-логистических цепочек и снижением инфраструктурных ограничений на отдельных рынках ЕС. Наиболее доступными остаются рынки Южной и Западной Европы, тогда как в Центральной и Восточной Европе возможности поставщиков в большей степени зависят от развития газотранспортной и СПГ-инфраструктуры и уровня транспортных издержек. Поэтому целесообразно развивать взаимодействие с европейскими терминалами, портами и энергетическими компаниями и участвовать в экономически обоснованных инфраструктурных проектах. Это позволит расширять географию поставок при сохранении конкурентоспособности арабского экспорта.

7. Долгосрочную экспортную стратегию целесообразно увязывать с энергетической и климатической политикой ЕС и развитием институциональных механизмов взаимодействия. При планировании нефтегазовых, СПГ-, водородных и инфраструктурных проектов необходимо учитывать реализацию REPowerEU, развитие углеродного регулирования и изменение европейского энергобаланса. Устойчивые межрегиональные форматы диалога могут использоваться для согласования направлений сотрудничества, реализации совместных проектов и продвижения экономических интересов арабских экспортеров. При этом институционализация взаимодействия с ЕС не должна ограничивать самостоятельность экспортной политики и диверсификацию рынков сбыта.

Предложенные рекомендации должны реализовываться с учетом сценарного характера дальнейшей трансформации нефтегазового рынка ЕС. При сохранении российского импорта энергоресурсов на сокращенном уровне возможности для расширения присутствия арабских поставщиков на европейском рынке будут возрастать, тогда как его частичное восстановление до 2030 г. может усилить ценовую и инфраструктурную конкуренцию, прежде всего в газовом сегменте. В

этих условиях арабским экспортерам целесообразно сохранять гибкость экспортной стратегии и возможность перераспределения поставок между европейским и другими региональными рынками.

Дифференциация рекомендаций обусловлена различиями в экспортной специализации и конкурентных преимуществах рассматриваемых стран. Для Алжира и Ливии основное значение имеет использование географической близости и существующих связей с рынками Южной Европы; для Катара — развитие СПГ-направления и использование долгосрочных контрактов при сохранении гибкости поставок; для Саудовской Аравии, Кувейта и ОАЭ — сочетание возможностей европейского рынка с сохранением ведущей роли азиатского направления. Такой подход позволяет учитывать интересы отдельных стран-экспортеров и одновременно использовать возможности, возникающие в результате трансформации рынка ЕС.

Вторым направлением анализа стали условия геоэкономической конкуренции, которые показывают, что ключевые арабские экспортеры энергоресурсов занимают специфические ниши на рынке ЕС в условиях диверсификации поставщиков.

На наш взгляд, трансформация природы энергетического сотрудничества ЕС и ключевых арабских экспортеров энергоресурсов должна учитывать одновременно как экономические и инфраструктурные ограничения, так и долгосрочные климатические приоритеты Европейского союза.

Именно сочетание долгосрочных инвестиций в инфраструктуру, гибкой контрактной политики и расширения сотрудничества в сфере возобновляемой энергетики способно придать устойчивость данному взаимодействию. В условиях усиливающейся конкуренции на мировом энергетическом рынке стратегическое партнерство ЕС и ключевых арабских экспортеров энергоресурсов может стать фактором, укрепляющим энергетическую безопасность Европы, повышающим конкурентоспособность поставщиков и создающим основу для формирования новой

модели международного сотрудничества в эпоху глобальной энергетической трансформации.

С другой стороны, в 2022–2024 гг. ЕС продемонстрировал неоднозначность в позиции стратегического партнера, отказавшись от долгосрочных контрактов с Россией и сократив объемы импорта, что негативно отразилось на его репутации как надежного потребителя энергоресурсов. В результате ключевые арабские экспортеры могут не проявлять повышенного интереса к европейскому рынку и сосредоточить внимание на азиатском направлении, где данные страны рассматриваются как более предсказуемые и стратегически значимые партнеры.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По итогам проведенного диссертационного исследования установлено, что трансформация энергетической стратегии Европейского союза в XX–XXI вв. сопровождалась последовательным изменением ее приоритетов — от ориентации на стабильность долгосрочных поставок традиционных энергоресурсов к построению комплексной низкоуглеродной модели, основанной на диверсификации и устойчивом развитии. Анализ показал, что энергетическая безопасность ЕС формировалась под влиянием сочетания рыночных и институциональных механизмов, а также внешнеполитических факторов, что обусловило необходимость системного подхода к исследованию.

С теоретической точки зрения доказано, что наибольшую актуальность в условиях трансформации энергетического рынка ЕС сохраняют три подхода: теория сравнительных преимуществ, теория энергетической безопасности и концепция зависимости и асимметричных отношений Хиршмана А. Первая из них позволяет интерпретировать рациональность внешнеэкономической специализации ЕС, ориентированного на импорт углеводородов при концентрации внутренних ресурсов в высокотехнологичных отраслях. Теория энергетической безопасности отражает институциональные и стратегические меры по обеспечению устойчивости поставок, включая диверсификацию маршрутов, развитие СПГ-инфраструктуры и создание стратегических резервов. Концепция зависимости, в свою очередь, объясняет уязвимость ЕС, возникшую в результате концентрации импорта на ограниченном числе поставщиков, прежде всего России, а также риски асимметричных отношений с крупными экспортерами.

Эмпирический анализ эволюции энергетической стратегии ЕС позволил выделить четыре основных этапа, каждый из которых сопровождался изменением нормативной базы, структуры энергетического баланса и приоритетов внешнеэкономических связей.

Этап 2019–2024 гг. стал для энергетики ЕС периодом глубокой перестройки. Ускоренная декарбонизация и реализация REPowerEU вынудили ЕС в сжатые сроки менять структуру импорта, сокращать российское направление и выстраивать отношения с поставщиками, роль которых прежде считалась второстепенной.

Образовавшуюся нишу быстро заняли арабские государства. Однако базовая проблема сохранилась: даже после принятых мер Союз остается почти полностью зависимым от внешних ресурсов — более 90% потребления нефти и газа покрывается импортом, что отражает не временный дисбаланс, а системную зависимость.

Особое место в этой системе занимают шесть арабских государств: Алжир, Ливия, Катар, Кувейт, ОАЭ и Саудовская Аравия. Их участие закономерно вписывается в схему энергетического разделения труда на основе сравнительных преимуществ: страны располагают крупными запасами нефти и газа, действующими маршрутами доставки и растущими вложениями в СПГ-сектор. После 2022 г. их присутствие на европейском рынке заметно расширилось: сокращение российских поставок открыло возможность нарастить экспорт в ЕС и занять позиции, которые прежде удерживала Россия.

SWOT-анализ дает неоднозначную картину. Сильные стороны арабских поставщиков очевидны: развитая сырьевая база, гибкая логистика, участие большинства из них в ОПЕК и ОПЕК+ — все это усиливает их переговорные позиции в отношениях с европейскими покупателями. Одновременно сохраняются и уязвимости: высокая зависимость от мировых цен и ограниченные перерабатывающие мощности сужают возможности долгосрочной устойчивости.

Возможности при этом остаются значительными: повышенный спрос кризисного периода, новые СПГ-проекты и включение в низкоуглеродные инициативы ЕС позволяют арабским экспортерам укрепить позиции. Однако сопоставимы по масштабу и угрозы: климатическая политика ЕС ужесточается, США и Норвегия усиливают конкуренцию, а европейский спрос на углеводороды в долгосрочной перспективе может начать снижаться. Поэтому нынешнее усиление

арабских стран является не гарантированным лидерством, а борьбой за место в еще формирующейся энергетической конфигурации ЕС.

Дополнительным фактором риска выступает уязвимость морских транспортных маршрутов. События 28 февраля 2026 г., связанные с введением Ираном ограничений на судоходство через Ормузский пролив, привели к резкому снижению транзита энергоресурсов из стран Персидского залива. В результате экспорт нефти и газа Катар, Кувейта, ОАЭ и Саудовской Аравии фактически прекратился, что усилило дефицит энергоносителей в Европейском союзе на фоне уже сократившихся поставок из России после 2022 г.

Сценарный анализ показал, что дальнейшее развитие энергетического сотрудничества ЕС и арабских государств определяется двумя ключевыми факторами: масштабом и продолжительностью ограничений на российские поставки, а также глубиной реализации планов декарбонизации в рамках European Green Deal и Fit for 55. В условиях первого сценария — краткосрочного — установлено, что арабские экспортеры способны увеличить объем поставок в ЕС и увеличить свою долю на рынке, используя преимущества географической близости, гибкость СПГ-логистики и готовность оперативно реагировать на рост спроса.

В условиях второго сценария — долгосрочного — выявлено, что по мере продвижения Европейского союза к низкоуглеродной энергетической модели и структурного снижения спроса на традиционные углеводороды позиции арабских поставщиков могут ослабнуть, если эти государства не интегрируются в совместные проекты в сфере возобновляемой энергетики, водородных технологий и улавливания углерода.

Таким образом, наиболее перспективным направлением является формирование дифференцированной модели взаимодействия арабских экспортеров с рынком ЕС, основанной на учете их внешнеэкономических приоритетов и региональной специфики спроса. Для Алжира и Ливии приоритетным остается укрепление позиций на рынке ЕС за счет модернизации транспортной инфраструктуры и сохранения

стабильности трубопроводных поставок, прежде всего в западноевропейские государства, традиционно выступающие основными потребителями их нефти и газа. В то же время для Катара, Саудовской Аравии, Кувейта и ОАЭ целесообразным является сохранение ориентации на азиатские рынки, включая Китай, Японию, Южную Корею и другие страны региона, характеризующиеся более высокой контрактной устойчивостью и предсказуемостью спроса по сравнению с государствами — членами ЕС. При этом участие этих государств в европейских проектах должно носить избирательный характер и концентрироваться на экономически обоснованных направлениях, в том числе в сфере СПГ и низкоуглеродных технологий. Реализация такого подхода будет способствовать снижению рисков перераспределения экспортных потоков, ограничению зависимости от политически обусловленных решений и формированию условий для устойчивого долгосрочного сотрудничества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рогинко, С. А. Энергетический кризис ЕС и европейский энергетический рынок / С. А. Рогинко // Современная Европа. – 2024. – № 3(124). – С. 95–110. – DOI: 10.31857/S0201708324030082.
2. Бахтин, И. Д. Взаимосвязь и экономическое влияние стран Персидского залива. Как их сотрудничество меняет мировой рынок / И. Д. Бахтин // Горизонты экономики. – 2024. – № 5(85). – С. 146–149.
3. Боровский, Ю. В. Энергетическая безопасность как понятие и проблема в международном контексте / Ю. В. Боровский // Международное измерение энергетической безопасности: Россия и мир (1991–2021 гг.). – Москва : Аспект Пресс, 2022. – С. 11–126.
4. Трансформация мировой энергетической системы – основные факторы и влияние на экономику России / С. И. Борталевич, С. И. Богатырев, Х. К. Зоидов, А. В. Тихомиров // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2022. – № 6(140). – С. 5–13. – DOI: 10.26726/1812–7096–2022-6-5-13.
5. Клименко, Д. В. Энергетическая политика Европейского союза / Д. В. Клименко // Геоэкономика энергетики. – 2023. – Т. 24, № 4. – С. 101–118. – DOI: 10.48137/26870703_2023_24_4_101.
6. Белов, В. Б. Смена парадигмы в энергетической кооперации Германии с Россией / В. Б. Белов // Современная Европа. – 2022. – № 4(111). – С. 5–21. – DOI: 10.31857/S0201708322040015.
7. Геополитика «Зеленой сделки» Европейского союза / М. Леонард, Ж. Пизани-Ферри, Д. Шапиро [и др.] // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2021. – Т. 16, № 2. – С. 204–235. – DOI: 10.17323/1996–7845–2021-02-10.
8. Новые явления в экономике Европы / А. И. Бажан, В. С. Циренчиков, В. Я. Пищик [и др.]. – Москва : Институт Европы РАН, 2023. – 198 с. – ISBN 978-5-98163-207-5. – DOI: 10.15211/report72023_404.

9. Кравченко, Ю. Б. Европейский энергопереход: каковы перспективы? / Ю. Б. Кравченко // Международная экономика. – 2022. – № 9. – С. 655-667. – DOI: 10.33920/vne-04-2209-04.
10. Перов, А. В. Мировой рынок энергоресурсов в условиях санкций: спрос и предложение, нетрадиционная энергетика, конкуренция и геополитика / А. В. Перов // Геоэкономика энергетики. – 2023. – Т. 23, № 3. – С. 44-63. – DOI: 10.48137/26870703_2023_23_3_44.
11. Бушуев, В. Энергетика – стабилизирующий фактор в нестабильном мире / В. Бушуев // Энергетическая политика. – 2022. – № 8(174). – С. 6-19. – DOI: 10.46920/2409–5516_2022_8174_6.
12. Бойко, А. А., Ильюшин, И. Е. Перспективы РФ на европейском рынке СПГ в условиях санкций // Современная Европа. – 2025. – № 1 (129). – С. 82–95. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-rf-na-evropeyskom-rynke-spg-v-usloviyah-sanktsiy> (дата обращения: 11.09.2025).
13. Белогорьев, А. Перспективы экспорта российского газа // Энергетическая политика. – 2023. – № 11 (190). – С. 42–55. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-eksporta-rossiyskogo-gaza> (дата обращения: 11.09.2025).
14. Караманов, А. Р. Экспорт энергоресурсов РФ в странах ЕС: история, современная ситуация, перспективы // Экономика и инновации : Сборник статей участников межвузовской научно-практической конференции. В трех томах, Москва, 17 ноября 2022 г. – Москва: Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, 2023. – С. 221-226.
15. Кадыргулов, Р. С. Альтернативная и традиционная энергетика в отечественной и зарубежной практике: сравнительный анализ и роль рисков / Р. С. Кадыргулов // Корпоративная экономика. – 2022. – № 3(31). – С. 12-31.
16. Митрахович, С. П. Факторы риска на мировом рынке энергоресурсов: санкции, геополитика и российский энергосектор. Актуальные интервью / С. П.

- Митрахович, М. Р. Салихов, И. В. Юшков // Геоэкономика энергетики. – 2022. – Т. 17, № 1. – С. 6-33. – DOI: 10.48137/2687–0703_2022_17_1_6.
17. Юшков, И. В. Тенденции правового регулирования энергетики в ЕС: оценка через призму российских энергетических интересов / И. В. Юшков, А. В. Перов // Геоэкономика энергетики. – 2020. – Т. 10, № 2. – С. 6-19.
 18. Трансформация мировой энергетики: вызовы и возможности для России в условиях нового экономического порядка / А. Г. Симонов ; Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы. – Москва : Геоинформмарк, 2024. – 320
 19. Гречко, А. Г. О возможных проблемах расширения поставок сжиженного природного газа в страны ЕС в связи с начавшейся трансформацией европейского энергетического рынка
 20. Ricardo D. On the Principles of Political Economy and Taxation. – London: John Murray, 1817. – 584 p.
 21. Heckscher E. *Mercantilism*. Translated from Swedish by Mendel Shapiro. — London: George Allen & Unwin Ltd., 1935. — Vol. I. — 472 p.; Vol. II. — 419 p.
 22. Ohlin B. Interregional and International Trade. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1933. – 546 p.
 23. Konstantakopoulou I., Tsionas M.G. Comparative advantage and export dynamics: Evidence from the eurozone // *Economic Modelling*. – 2019. – Vol. 76. – P. 260–269.
 24. Jegen M. Energy policy in the European Union: The power and limits of discourse // *Cahiers européens de Sciences Po*. – 2014. – No. 02. – P. 6.
 25. Asia Pacific Energy Research Centre (APEREC). A Quest for Energy Security in the 21st Century: Resources and Constraints. – Tokyo: APERC, 2007. – VIII, 101 p.
 26. World Energy Council. Energy for Tomorrow's World – Acting Now! – London: World Energy Council, 2000.
 27. Cherp A., Jewell J. The concept of energy security: Beyond the four As // *Energy Policy*. – 2014. – Vol. 75. – P. 415–421.

28. Hafner M., Tagliapietra S. (eds.). *The Geopolitics of the Global Energy Transition*. – Cham: Springer, 2020. – 381 p. – (Lecture Notes in Energy; vol. 73).
29. Коновалова, Е. А., Сабитова, А. И. Энергетическая безопасность в контексте взаимоотношений Европейского союза, России, Украины и стран Центральной Азии // *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. — 2017. — № 4-2. — С. 100–103.
30. Barton B., Redgwell C., Rønne A., Zillman D.N. (eds.). *Energy Security: Managing Risk in a Dynamic Legal and Regulatory Environment*. – Oxford: Oxford University Press, 2004. – 509 p.
31. European Commission. *Energy 2020: A Strategy for Competitive, Sustainable and Secure Energy*. – Brussels: European Commission, 2010. – 23 p.
32. Рыбачик, У. О. Энергетический кризис в ЕС: меры преодоления и их эффективность // *Проблемы постсоветского пространства*. – 2023. – Т. 10, № 2. – С. 129–147.
33. Al-Saidi M. White knight or partner of choice? The Ukraine war and the role of the Middle East in the energy security of Europe // *Energy Strategy Reviews*. 2023. Vol. 46. P. 101–121.
34. Hobhouse C. *Reimagining European Energy Security: Towards a Whole-of-System Approach* // *EUISS Brief*. – Paris: European Union Institute for Security Studies, 2025. – № 6 (February). – 4 p. – URL: <https://www.iss.europa.eu/publications/briefs/reimagining-european-energy-security-towards-whole-system-approach> (дата обращения: 08.08.2025).
35. De la Esperanza Pérez M., Scholten D., Smith Stegen K. The multi-speed energy transition in Europe: Opportunities and challenges for EU energy security // *Energy Strategy Reviews*. – 2019. – Vol. 26. – Article 100415. – DOI: 10.1016/j.esr.2019.100415.
36. Hirschman A.O. *National Power and the Structure of Foreign Trade*. – Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1945. – XIV, 170 p.

37. Hille E. Europe's energy crisis: Are geopolitical risks in source countries of fossil fuels accelerating the transition to renewable energy? // *Energy Economics*. – 2023. – Vol. 127. – Article 107061. – DOI: 10.1016/j.eneco.2023.107061.
38. Секачева А.Б. Современное состояние энергетических отношений Евросоюза со странами Северной Африки и перспективы их развития // *Россия и мир*. – 2024. – № 1. – С. 93.
39. Treaty instituting the European Coal and Steel Community. Signed at Paris, on 18 April 1951 // *United Nations Treaty Series*. – 1957. – Vol. 261, No. 3729. – P. 140–319.
40. Treaty establishing the European Economic Community (Treaty of Rome). Signed at Rome, on 25 March 1957 // *United Nations Treaty Series*. – 1958. – Vol. 298, No. 4300. – P. 3–165.
41. Single European Act. Luxembourg, 17 February 1986; The Hague, 28 February 1986. *Official Journal of the European Communities*. – 1987. – L 169, 29 June. – P. 1–28.
42. Treaty of Lisbon Amending the Treaty on European Union and the Treaty Establishing the European Community. Lisbon, 13 December 2007. *Official Journal of the European Union*. – 2007. – C 306, 17 December. – P. 1–271.
43. Попадьюко Н. В., Бодров А. А. Энергопереход в ФРГ: риски и возможности в условиях геополитической напряженности // *Вестник Финансового университета*. 2023. № 3. С. 80–93.
44. Сергеева З. В. Четвертый энергетический переход и европейский энергетический кризис: уроки для ЕАЭС // *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. 2023. № 1. С. 25–39.
45. Греф назвал причины энергетического кризиса в Европе // РБК. 2021. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6187c7539a7947eb9a2cca9e>
46. Шуранова А. А., Петрунин Ю. Ю. энергетический кризис 2021-2022 гг. в отношениях России и европейского союза // *Государственное управление. Электронный вестник*. 2022. №90. URL:

- <https://cyberleninka.ru/article/n/energeticheskiy-krizis-2021-2022-gg-v-otnosheniyah-rossii-i-evropeyskogo-soyuza> (дата обращения: 03.11.2023).
47. European Commission. Energy Union Package: Communication COM(2015) 80 final. – Brussels: European Commission, 2015. – 21 p.
 48. European Commission. Clean energy for all Europeans. – Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2019. – 20 p.
 49. European Commission: Directorate-General for Energy. EU energy in figures – Statistical pocketbook 2024. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2024. P. 26. DOI: [10.2833/802460](https://doi.org/10.2833/802460).
 50. Арапова Е. Я., Силаев Н. Ю. Практическая многополярность: как Индия выигрывает от украинского кризиса // Сравнительная политика. 2023. Т. 14, № 3. С. 133–148.
 51. European Commission. EU adopts 18th package of sanctions against Russia, 2025. – URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_25_1840.
 52. Notice to operators Imports of Russian crude oil or petroleum products into the Union. 2022/C 296/05. – URL: [https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52022XC0803\(01\)](https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52022XC0803(01))
 53. European Union Agency for the Cooperation of Energy Regulators. ACER LNG Monitoring Report 2025. – 2025. – P. 16. – URL: <https://www.acer.europa.eu/sites/default/files/documents/Publications/ACER-LNG-Monitoring-Report-2025.pdf>
 54. European Commission. REPowerEU: joint European action for more affordable, secure and sustainable energy // Factsheet – REPowerEU. – 8 марта 2022 г. – URL: <https://ec.europa.eu/commission/presscorner/api/files/attachment/871871/Factsheet%20-%20REPowerEU.pdf>
 55. Gulf Cooperation Council (GCC) and the EU // European External Action Service (EEAS). URL: <https://www.eeas.europa.eu/eeas/gulf-cooperation-council-gcc-and->

- eu_en (дата обращения: 26.08.2024). URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/gulf-cooperation-council-gcc-and-eu_en (дата обращения: 26.08.2024).
56. Шариф, Л. Трансформация энергетики Европейского союза: структурная перестройка и диверсификация поставщиков нефти и газа / Л. Шариф, Г. А. Верпаховский, А. Г. Симонов // Экономические отношения. – 2025. – Т. 15, № 4. – С. 1019-1046. – DOI 10.18334/eo.15.4.123939.
57. OPEC Annual Statistical Bulletin 2020 // Organization of the Petroleum Exporting Countries. URL: <https://asb.opec.org/> (дата обращения: 26.08.2024).
58. Annual Reports // Kuwait Integrated Petroleum Industries Company (KIPIC). URL: <https://kipic.com.kw/previous-publications/?cat=annual-report> (дата обращения: 26.08.2025).
59. Parliamentary questions: Answer given by Executive Vice-President Dombrovskis on behalf of the European Commission (13 October 2021) // European Parliament. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/P-9-2021-005070_EN.html (дата обращения: 26.08.2025).
60. Deep Dive: Will Europe's Green Agenda Push Away Qatari Gas? // Amwaj Media. URL: <https://amwaj.media/en/article/deep-dive-will-europe-s-green-agenda-push-away-qatari-gas> (дата обращения: 26.08.2024).
61. Eni signs new production sharing contract in Algeria // Eni. URL: <https://www.eni.com/en-IT/media/press-release/2022/07/eni-and-sonatrach-sign-new-psc-algeria.html> (дата обращения: 26.09.2024).
62. Eni strengthens its presence in the UAE with new Abu Dhabi concessions // Eni. URL: <https://www.eni.com/en-IT/media/press-release/2019/11/eni-strengthens-its-presence-in-the-uae-with-new-abu-dhabi-concessions.html> (дата обращения: 26.09.2024).
63. Eni awarded participation in Qatar's North Field East project // Eni. URL: <https://www.eni.com/en-IT/media/press-release/2022/06/eni-awarded-participation-in-qatars-north-field-east-project.html> (дата обращения: 26.09.2024).

64. Gas Field Menzel Ledjmet East (MLE) // NS Energy.
URL: <https://www.nsenergybusiness.com/projects/menzel-ledjmet-east-mle-gas-field/>
(дата обращения: 19.09.2024).
65. Algeria: TotalEnergies Strengthens its Gas Partnership with Sonatrach and Extends it to Renewables // TotalEnergies. – 10 июля 2023 г.
URL: <https://totalenergies.com/media/news/press-releases/algeria-totalenergies-strengthens-its-gas-partnership-sonatrach-and> (дата обращения: 27.09.2024).
66. Oil & Gas Field Profile: Touat Conventional Gas Field, Algeria // Offshore Technology. – 26 ноября 2021 г.
URL: <https://www.offshore-technology.com/data-insights/oil-gas-field-profile-touat-conventional-gas-field-algeria/?cf-view> (дата обращения: 27.09.2024).
67. Repsol в Алжире – ознакомьтесь с нашими проектами в этой стране // Repsol. URL: <https://www.repsol.com/en/about-us/repsol-worldwide/africa/algeria/index.cshtml>
(дата обращения: 27.09.2024).
68. SouthH2 Corridor. – 2023. – URL: <https://www.south2corridor.net/> (дата обращения: 12.01.2025).
69. Advancing Libya's Energy Transition and Climate Resilience // GIZ – Deutsche Gesellschaft für Internationale Zusammenarbeit. 2024 – URL: <https://www.undp.org/arab-states/press-releases/advancing-libyas-energy-transition-and-climate-resilience> (дата обращения: 12.01.2025).
70. Shagaya Renewable Energy Park // Kuwait Institute for Scientific Research. – 2019. – URL: <https://www.kisr.edu.kw/en/gi/5/details/> (дата обращения: 13.01.2025).
71. Saudi NEOM green hydrogen project on track // Hydrogen Insight. – 2024. – URL: <https://www.hydrogeninsight.com/production/neom> (дата обращения: 20.01.2025).
72. Шанто С. И. Ближний Восток в огне: заморозит ли Ормуз мир? 28.02.2026. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=6608638
73. Европейская комиссия. Комиссия призывает страны ЕС координировать меры для обеспечения безопасности поставок нефти в условиях энергетических сбоев

- на Ближнем Востоке [Электронный ресурс]. 31.03.2026. URL: https://energy.ec.europa.eu/news/commission-calls-eu-countries-coordinate-measures-ensure-oil-security-supply-amid-middle-east-energy-2026-03-31_en (дата обращения: 27.04.2026).
74. Saudi Arabia Sees Germany as Gateway for Green Hydrogen Exports to Europe // Asharq Al-Awsat.
URL: <https://english.aawsat.com/business/5108333-saudi-arabia-sees-germany-gateway-green-hydrogen-exports-europe> (дата обращения: 20.01.2025).
75. ADNOC to Build Ruwais LNG Plant Powered by Clean Energy // ADNOC.
URL: <https://www.adnoc.ae/en/news-and-media/press-releases/2023/ruwais-lng-clean-power> (дата обращения: 01.02.2025).
76. North Field Expansion Project // QatarEnergy LNG.
URL: <https://www.qatarenergylng.qa/english/about-us/north-field> (дата обращения: 03.02.2025).
77. Боровский Ю. В., Шишкина О. В. Секьюритизация энергоснабжения в рамках Евросоюза // Вестник МГИМО-Университета. – 2021. – № 4 (79). – С. 113–128.
78. Леонард М., Пизани-Ферри Ж., Тальяпьетра С., Вольф Г. Геополитика «Зеленой сделки» Европейского союза // Экономика, наука, новая экономика. – 2021. – Т. 6, № 3. – С. 88–101.
79. ОПЕК+ Challenges Trump, Maintains Production Cuts // Egypt Oil & Gas.
URL: <https://egyptoil-gas.com/news/opec-challenges-trump-maintains-production-cuts/> (дата обращения: 03.03.2025).
80. Овакимян М. С., Юсупов Г. Э. Роль Европы на энергетическом рынке и вопросы энергетической безопасности // Российский внешнеэкономический вестник. – 2022. – № 10. – С. 54–69.
81. Eurostat. Energy statistics – quantities [Электронный ресурс] // Eurostat Data Browser.
URL:

- https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/explore/all/envir?lang=en&subtheme=nrg.nrg_quant.nrg_quanta&display=list&sort=category (дата обращения: 03.09.2025).
82. Renewable Energy Directive: EU reaches deal on higher renewables targets for 2030 [Электронный ресурс] // European Commission. – 2023. – URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_23_2061 (дата обращения: 04.09.2025).
83. Africa–Europe Gas Pipelines // PopulationData.net. URL: <https://en.populationdata.net/maps/africa-europe-gas-pipelines/?ssp=1&darkschemeovr=1&setlang=en&cc=US&safesearch=moderate> (дата обращения: 27.08.2025).
84. Европейская сеть операторов газотранспортных систем // ENTSOG. – URL: <https://transparency.entsog.eu/#/physical-flows> (дата обращения: 27.08.2025).
85. Defense Expenditure of NATO Countries (2014–2024) [Electronic resource] // NATO. – 2024. – Р. 1. – URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2024/6/pdf/240617-def-exp-2024-en.pdf.
86. Маркаров А., Давтян В. Состояние и развитие нефтегазового сектора Азербайджана в 2022 г. // Россия и новые государства Евразии. – 2022. – № 3 (56). – С. 9–28.
87. Eurostat. Energy statistics [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/nrg_ind_id_custom_17985698/default/table
88. International Trade Centre. Trade statistics [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.trademap.org/Index.aspx>
89. Eurostat. Imports of crude oil (HS2709) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/ds-059341_custom_17568035/default/table

90. Eurostat. Imports of petroleum products (HS2710) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/ds-059341__custom_17748367/default/table
91. Eurostat. Imports of crude oil and petroleum products [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/ds-059341__custom_17750282/default/table
92. Eurostat. Pipeline natural gas imports (HS271121) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/ds-059341__custom_17750893/default/table
93. Eurostat. Imports of crude oil from key Arab exporters [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/NRG_TI_OIL__custom_17864712/default/table
94. ОАПЕС. Annual Statistical Report. – Kuwait: ОАПЕС Secretariat, 2024. – 280 p. – Режим доступа: <https://oapec.org/Home/Publications/Reports/Annual-Statistical-report>
95. Offshore-Technology. North Field Expansion Project [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.offshore-technology.com/projects/north-field-expansion-project/?cf-view>
96. Европейский союз. EUR-Lex. Energy policy documents [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/>
97. Бензеглам М. С. Разработка и оценка экономической модели освоения ливийского нефтяного месторождения с соглашением EPSA [Электронный ресурс]. – ProQuest, 2018. – Режим доступа: <https://www.proquest.com/openview/73c11f77d0c5fec8d8ba9f9d2bd61250/1?pq-origsite=gscholar&cbl=18750>.
98. Заптия С. После 12-летнего перерыва компания NOC Ras Lanuf экспортирует первую партию смеси углеводородов C4 в объеме 6000 тонн в Китай

- [Электронный ресурс] // *Libya Herald*. – 2023. – 8 дек. – Режим доступа: <https://libyaherald.com/2023/12/after-a-12-year-hiatus-nocs-ras-lanuf-exports-first-6000-tons-shipment-of-four-carbon-mixture-to-china/>.
99. Offshore-Technology. Обзор нефтегазовых месторождений: Газовый проект в Западной Ливии (Вафа и Бахр-Эссалам), традиционное газовое месторождение, Ливия [Электронный ресурс]. – 2021. – 18 нояб. – Режим доступа: <https://www.offshore-technology.com/data-insights/oil-gas-field-profile-western-libya-gas-project-wafa-and-bahr-essalam-conventional-gas-field-libya/?cf-view>.
100. Energy Capital & Power. Ливия: Топ-5 нефтегазовых инициатив, за которыми стоит следить в 2024 г. [Электронный ресурс]. – 2023. – 18 дек. – Режим доступа: <https://energycapitalpower.com/libya-top-5-oil-gas-initiatives-to-watch-in-2024/>.
101. U.S. Energy Information Administration. Libya – International energy data and analysis [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.eia.gov/international/analysis/country/LBY>.
102. Shanto Md. S. I. Middle East in Flames: Will Hormuz Freeze the World? (February 28, 2026). Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=6608638> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.6608638>.
103. European Commission. Commission calls on EU countries to coordinate measures to ensure oil security of supply amid Middle East energy crisis [Electronic resource]. – 2026. – 31 March. – Available at: https://energy.ec.europa.eu/news/commission-calls-eu-countries-coordinate-measures-ensure-oil-security-supply-amid-middle-east-energy-2026-03-31_en (accessed: 27.04.2026).
104. Goodrich G. Refineries in Libya by capacity [Электронный ресурс]. – 2021. – 13 авг. – Режим доступа: <https://energycapitalpower.com/refineries-in-libya-by-capacity/>.
105. U.S. Energy Information Administration. Algeria – International energy data and analysis [Электронный ресурс]. – 2023. – 2 марта. – Режим доступа: https://www.eia.gov/international/content/analysis/countries_long/Algeria/algeria.pdf.

106. Perkins R. Eni открывает новые месторождения нефти и газа в северной части алжирского бассейна Беркин [Электронный ресурс] // *S&P Global Commodity Insights*. – 2022. – 25 июля. – Режим доступа: <https://www.spglobal.com/commodityinsights/en/market-insights/latest-news/oil/072522-eni-makes-new-oil-gas-discovery-in-algerias-berkine-north-basin>.
107. NS Energy. Газоконденсатное месторождение Айн-Цила, бассейн Иллизи, Алжир [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nsenegybusiness.com/projects/ain-tsila-gas-condensate-field-ilinzi-basin/>.
108. European Commission. Energy Service Companies [Электронный ресурс]. – Joint Research Centre. – Режим доступа: https://joint-research-centre.ec.europa.eu/scientific-activities-z/energy-efficiency/support-energy-efficiency-directive-eed/energy-service-companies_en.
109. Официальный журнал Европейского союза. Директива (ЕС) 2018/2002 от 21 декабря 2018 г. // *EUR-Lex*. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2018/2002/oj>.
110. Commission de Régulation de l'Énergie (CRE). EU legislation [Электронный ресурс]. – 2020. – 29 июля. – Режим доступа: <https://www.cre.fr/en/cre-in-the-world/europe/eu-legislation>.
111. European Commission. Third Energy Package [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://energy.ec.europa.eu/topics/markets-and-consumers/market-legislation/third-energy-package_en.
112. Официальный журнал Европейского союза. Директива 2009/72/ЕС Европейского парламента и Совета от 13 июля 2009 г. об общих правилах внутреннего рынка электроэнергии и об отмене директивы 2003/54/ЕС // *EUR-Lex*. – 2009. – L 211. – С. 55–93. – Режим доступа: <http://data.europa.eu/eli/dir/2009/72/oj>.
113. Официальный журнал Европейского союза. Директива 2009/73/ЕС Европейского парламента и Совета от 13 июля 2009 г. об общих правилах внутреннего рынка природного газа и об отмене директивы 2003/55/ЕС // *EUR-Lex*.

- 2009. – L 211. – С. 94–136. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2009/73/oj>.
- 114. Официальный журнал Европейского союза. Регламент (ЕС) № 713/2009 Европейского парламента и Совета от 13 июля 2009 г. об учреждении Агентства по сотрудничеству энергетических регуляторов // *EUR-Lex*. – 2009. – L 211. – С. 1–14. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2009/713/oj>.
- 115. Официальный журнал Европейского союза. Регламент (ЕС) 2019/943 Европейского парламента и Совета от 5 июня 2019 г. о внутреннем рынке электроэнергии (новая редакция) // *EUR-Lex*. – 2019. – L 158. – С. 54–124. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2019/943/oj/eng>.
- 116. McWilliams B., Sgaravatti G., Tagliapietra S., Zachmann G. Can Europe survive if Russian oil and coal are cut off? [Electronic resource] // Bruegel. – 2022. – March 17. – Available at: <https://www.bruegel.org/2022/03/can-europe-survive-if-russian-oil-and-coal-are-cut-off/>.
- 117. International Energy Agency (IEA). World Energy Outlook 2021 [Electronic resource]. – Paris: IEA, 2021. – Available at: <https://www.iea.org/reports/world-energy-outlook-2021>.
- 118. European Commission. Quarterly Report on European Gas Markets. Market Observatory for Energy. – 2021. – Vol. 14, issue 3. – 50 p. – Available at: https://energy.ec.europa.eu/system/files/2022-01/Quarterly%20report%20on%20European%20gas%20markets%20Q3_2021_FINAL.pdf.
- 119. Norwegian Petroleum Directorate (NPD). Oil production forecasts in Norway for 2021 [Electronic resource]. – Available at: <https://www.norskpetroleum.net/en/production-and-exports/projections/>.
- 120. Joint Organisations Data Initiative (JODI). [Electronic resource]. – Available at: <https://www.jodidata.org/>.

121. European Commission. Recovery and Resilience Facility [Electronic resource]. – Available at: https://ec.europa.eu/info/business-economy-euro/recovery-coronavirus/recovery-and-resilience-facility_en.
122. Cavcic M. Artificial intelligence and clean tech enabling oil boost and emission cuts at world's second largest offshore field [Electronic resource] // Offshore-Energy.biz. – 2025. – Available at: <https://www.offshore-energy.biz/ai-and-clean-tech-enabling-oil-boost-and-emission-cuts-at-worlds-second-largest-offshore-field/>.
123. Masdar. Our renewable energy projects [Electronic resource]. – Available at: <https://masdar.ae/en/renewables/our-projects>.
124. The Pioneer: The Magazine of Qatargas Operating Company Limited. – Doha: Qatargas Operating Company Limited, 2021. – Issue 159, Quarter 1. – 14 p. [Electronic resource]. – URL: <https://www.qatarenergylng.qa/Portals/0/DNNGalleryPro/uploads/2024/3/18/ThePioneer159English.pdf>.
125. Agency for the Cooperation of Energy Regulators (ACER). About REMIT [Electronic resource]. – Available at: <https://www.acer.europa.eu/remit/about-remit>.
126. European Commission. Press release of 30 November 2016 [Electronic resource]. – Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_16_4009.
127. Хаирова, Э. А. Направления перехода к «зеленой» экономике ЕС / Э. А. Хаирова // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. – 2019. – № 2 (64). – С. 230–234.
128. Никонова, А. А. Возможности и риски стратегии низкоуглеродной российской экономики / А. А. Никонова // Управление развитием крупномасштабных систем. – 2020. – С. 963–971. – DOI: 10.25728/mlsd.2020.0963.
129. Saudi Aramco. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.saudiaramco.com> (дата обращения: 03.04.2025).
130. ADNOC Sustainability Report 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.adnoc.ae> (дата обращения: 03.04.2025).

131. QatarEnergy. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.qatarenergy.qa> (дата обращения: 03.04.2025).
132. BP Statistical Review of World Energy 2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bp.com> (дата обращения: 03.04.2025).
133. OPEC Annual Statistical Bulletin 2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.opec.org> (дата обращения: 03.04.2025).
134. International Energy Agency (IEA). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iea.org> (дата обращения: 03.04.2025).
135. Kahn H. Thinking About the Unthinkable. – New York: Horizon Press, 1962. – 254 p.
136. Stapleton J. How to Use Exploratory Scenario Planning (XSP). – Cambridge, MA: Lincoln Institute of Land Policy, 2013. – 54 p.
137. Bradfield R., Wright G., Burt G., Cairns G., Van der Heijden K. The origins and evolution of scenario techniques in long range business planning // Futures. – 2005. – Vol. 37, No. 8. – P. 795–812.
138. Verpakhovsky G.A., Sharif L., Simonov A.G. Energy Crisis Impact on European Industry. Chapter 24 // Sustainable Development of the Entrepreneurial Economy in the Fifth Industrial Revolution. – World Scientific, 2026. – P. 283–296.
139. Шариф, Л. Х. Анализ конкурентных преимуществ Катара на рынке СПГ / Л. Х. Шариф, Г. А. Верпаховский // Экономическое развитие России. – 2025. – Т. 32, № 4. – С. 38–42.
140. Шариф, Л. Х. Нефтегазовый сектор Саудовской Аравии: контракты, ключевые покупатели и SWOT-анализ отрасли / Л. Х. Шариф // Экономика строительства. – 2025. – № 4. – С. 35–38.
141. Шариф, Л. Х. Сравнение факторов Европейского нефтяного рынка до и после установления верхнего предела цен на российскую нефть / Л. Х. Шариф // Экономические науки. – 2023. – № 5. – С. 537–541.

142. Ибраилова Э. А., Личковаха Д. В. Рынок твердого биотоплива Российской Федерации // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). – 2022. – № 3 (79). – С. 152–158.
143. Ибраилова Э. А., Иванова Д. Г. Роль государства в обеспечении устойчивого развития // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). – 2022. – № 4 (80). – С. 131–136.
144. Ибраилова Э. А., Ходоченко А. В. Влияние глобальных финансовых и геополитических процессов на декарбонизацию мировой экономики // Финансовые исследования. – 2022. – № 2 (75). – С. 93–99.
145. Мезинова И. А., Самофалов В. И., Ибраилова Э. А. К вопросу о развитии теорий международной торговли в контексте национальной конкурентоспособности // Общество: политика, экономика, право. – 2023. – № 5. – С. 85–91. – DOI: <https://doi.org/10.24158/pep.2023.5.12>.
146. Ибраилова Э. А., Личковаха Д. В. Тенденции мирового энергопотребления // Экономические науки. – 2023. – № 220. – С. 239–245.
147. Activities of Russian Transnational Corporations in the Field of Green Energy / D. Lichkovakha, E. Israilova et al. // Sustainable Development of the Green Entrepreneurial Economy. Advances in Entrepreneurial Economics and Sustainable Development. – 2025. – P. 495–506.
148. Кришталь И. С. Россия и мировой рынок энергоресурсов: итоги 2023 года / И. С. Кришталь, Д. Д. Вышегородцев // Геоэкономика энергетики. – 2024. – Т. 25, № 1. – С. 33–49.
149. Кришталь И. С. Динамика цен на нефть и газ в июле 2023 г. / И. С. Кришталь // Геоэкономика энергетики. – 2023. – Т. 23, № S3.
150. Кришталь И. С. Рынок углеводородов в 2024 году / И. С. Кришталь // Геоэкономика энергетики. – 2025. – Т. 29, № 1. – С. 6–28.
151. Кришталь И. С. Динамика цен на нефть и газ в августе–сентябре 2023 г. / И. С. Кришталь // Геоэкономика энергетики. – 2023. – Т. 4, № S23.

152. Мигра́нյан А. А. Анализ структуры сети торговых связей природным газом между странами инициативы «Пояс и путь» / А. А. Мигра́нյан, М. Гу, Ю. Чжоу // Геоэкономика энергетики. – 2026. – Т. 34, № 2. – С. 91–111.
153. Мигра́нյан А. А. Российский экспорт энергоресурсов в конце 2025 года: санкционные ограничения, логистические вызовы и новые точки роста / А. А. Мигра́нյан, И. В. Юшков, С. П. Митрахович // Геоэкономика энергетики. – 2025. – Т. 32, № 4. – С. 6–27.
154. Мигра́нյан А. А. Эффекты антироссийских санкций на постсоветском пространстве / А. А. Мигра́нյан // Геоэкономика энергетики. – 2023. – Т. 21, № 1. – С. 141–162.

Средняя цена импорта рассчитана по формуле:

$$Ц = V / (M / 1000)$$

где Ц — средняя цена импорта (евро/т);

V — стоимость импорта в евро;

M — масса нетто в килограммах (по данным базы Eurostat).

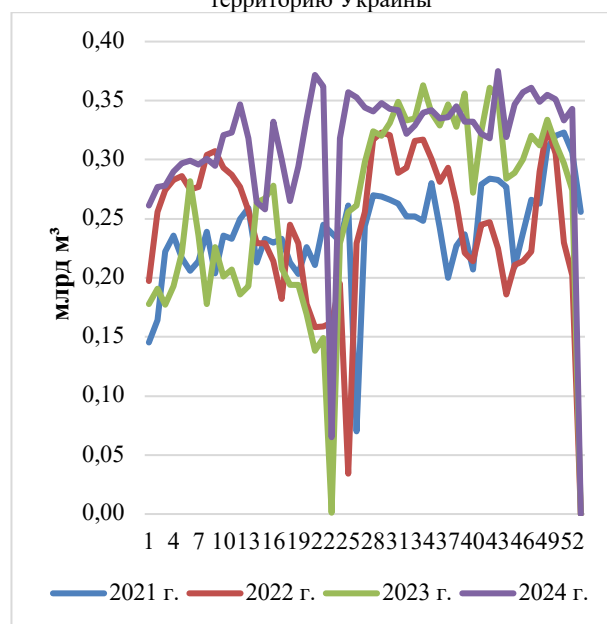
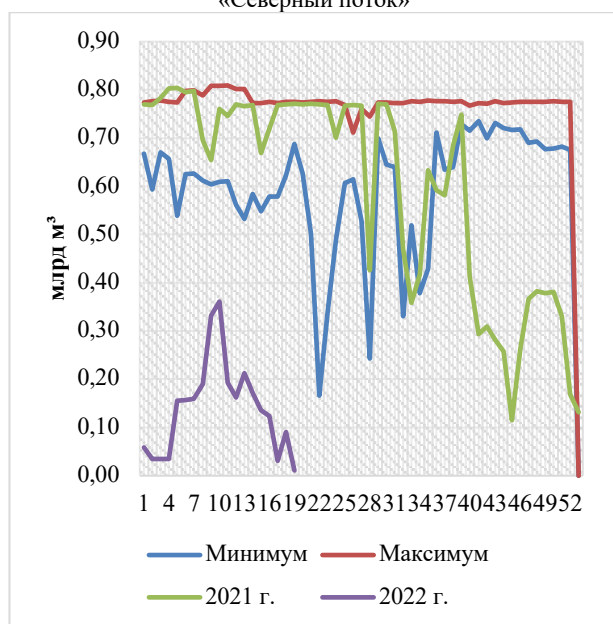
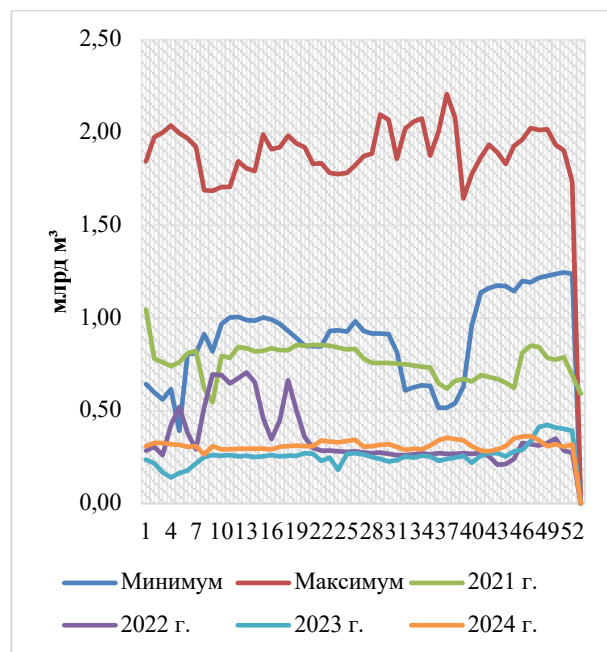
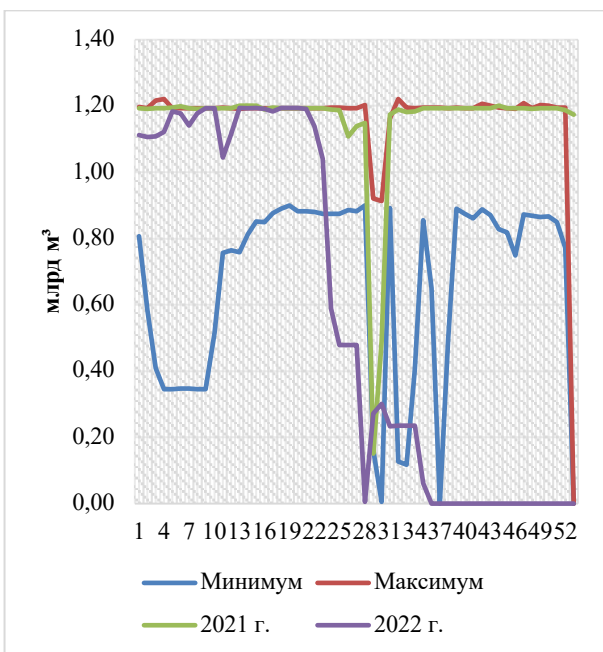
Следует учитывать, что данный показатель отражает лишь средневзвешенное значение и имеет ряд ограничений:

- Различия в ценах у отдельных поставщиков (например, Норвегия, Алжир, США) не учитываются;
- Структура долгосрочных контрактов и закупок на спотовом рынке в расчет не включена;
- Колебания цен в зависимости от качества сырья и транспортных маршрутов (трубопроводные поставки, морские перевозки, сжиженный газ) также не отражены.

Таким образом, расчет позволяет отразить общую динамику цен, но не дает полной картины различий по странам-поставщикам и условиям поставок.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Объем импорта природного газа из Российской Федерации в ЕС по экспортным маршрутам газопроводов

Источник: Составлено автором по данным Eurostat (URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/nrg_ti_gas_custom_22088115/default/table)

Газопроводы из Ливии и Алжира в ЕС

Источник: Africa–Europe Gas Pipelines // PopulationData.net.

(URL: <https://en.populationdata.net/maps/africa-europe-gas-pipelines/?ssp=1&darkschemeovr=1&setlang=en&cc=US&safesearch=moderate> (дата обращения: 27.08.2025)).